

2500-3372 (PRINT)
2542-1190 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY. SERIES: POLITICAL,
SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC
SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA.
SERIA: POLITICHESKIE,
SOTSIOLOGICHESKIE
I EKONOMICHESKIE NAUKI

ТОМ 9 № 2
2024

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К2 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3 в 2023 году.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-pses.kemsu.ru>

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376.
Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 94233.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

16+

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K2) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission in 2023.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik-pses.kemsu.ru>

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-67376. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Subscription indices: 94233 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор,
д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Баранова Инна Владимировна, д-р экон. наук, проф.,
НГТУ (Новосибирск, Россия).

Бычкова Светлана Михайловна, д-р экон. наук, проф.,
СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).

Глушакова Ольга Владимировна, д-р экон. наук, доцент,
НГТИ (Новосибирск, Россия).

Головацкий Евгений Васильевич, д-р социол. наук,
доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Капогузов Евгений Алексеевич, д-р экон. наук, доцент,
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Кисляков Михаил Михайлович, д-р полит. наук, доцент,
СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).

Кравченко Сергей Александрович, д-р филос. наук,
проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).

Кремер Раймунд, Dr. Hab., проф. Потсдамского
университета (Потсдам, Германия).

Матвеева Елена Викторовна, д-р полит. наук, доцент,
Кузбасский ГАУ (Кемерово, Россия).

Мекуш Галина Егоровна, д-р экон. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).

Немировский Валентин Геннадьевич, д-р социол. наук,
проф., ИНИОН РАН (Москва, Россия).

Нехода Евгения Владимировна, д-р экон. наук, проф.,
ТГУ (Томск, Россия).

Озерникова Татьяна Георгиевна, д-р экон. наук, проф.,
НГТУ (Новосибирск, Россия).

Резник Семён Давыдович, д-р экон. наук, проф., ПГУАС
(Пенза, Россия).

Силин Анатолий Николаевич, д-р социол. наук, проф.,
ТИУ (Тюмень, Россия).

Слинкова Ольга Константиновна, д-р экон. наук, проф.,
БелГУ (Белгород, Россия).

Солодова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф.,
ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).

Суслов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).

Удальцова Мария Васильевна, д-р экон. наук, проф.,
НГУЭУ (Новосибирск, Россия).

Чирун Сергей Николаевич, д-р полит. наук, доцент,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доцент,
АлтГУ (Барнаул, Россия).

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

EDITORIAL BOARD

Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State
Technical University (Novosibirsk, Russia).

Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., St. Petersburg
State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).

Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk
State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Evgeny V. Golovatsky, Dr.Sci.(Sociol.), Assoc. Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).

Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof.,
Lomonosov Omsk State University (Moscow, Russia).

Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof.,
Siberian Institute of Management branch of RANEPА
(Novosibirsk, Russia).

Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State
Institute of International Relations (University)
(Moscow, Russia).

Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University
(Potsdam, Germany).

Elena V. Matveeva, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kuzbass State
Agricultural University (Kemerovo, Russia).

Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute
of Scientific Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).

Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk
State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State University
of Architecture and Construction (Penza, Russia).

Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof.,
Altai State University (Barnaul, Russia).

Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial
University (Tyumen, Russia).

Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National
Research University (Belgorod, Russia).

Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute
of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).

Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member
of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State
University of Economics and Management
(Novosibirsk, Russia).

Социокультурное и политическое развитие общества

Анализ контента патриотического Telegram-канала *Readovka*:

статистический метод, перспективы исследования

Кадынцева П. В., Чардымский М. Г.

163

Ценностные предпочтения в карьере государственных служащих

Республики Казахстан и России

Лазаренко Д. В., Антилогова Л. Н.

170

Исследования коррупции в отечественных социальных науках: политический аспект

Чирун С. Н., Гладких С. С.

183

Социология управления

Вклад работодателей мегаполиса в сохранение здоровья сотрудников

(на примере города Москвы)

Богдан И. В., Горносталев М. Д., Чистякова Д. П.

198

Трансформация российской семьи: история вопроса

и тенденции современного периода

Протасова Т. Н.

209

Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 1

Пьянкова Л. А.

220

Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 2

Пьянкова Л. А.

230

Экономика и управление: теория и практика

Актуальные направления развития банковского маркетинга в современных условиях

Козлова О. Н., Котова О. Н., Слаутина Э. Д.

241

Технологии развития человеческого капитала в качестве ресурсной базы

промышленного развития

Котов Е. Ю., Силенко А. Н.

253

Суперсервис: понятие, значение, методы построения моделей

Нерослов А. Д., Кузнецова П. Ю.

263

Социально-коммуникативный механизм в управлении ивент-деятельностью:

концептуализация и реализация

Шелгинская В. А.

273

Региональная экономика

Метаморфозы административно-территориального устройства в границах

современной Донецкой Народной Республики

Василенко В. Н., Василенко Д. В.

284

Самообеспеченность и доступность продовольствия в новом субъекте Российской

Федерации: состояние и перспективы

Котов Е. В., Савченко О. Ю.

295

Изменение параметров уровня и качества жизни населения в период

неопределенности

Плюснина О. В., Бутова Л. М., Конищев Е. В., Плеханова Е. О.

306

Society: Cultural and Political Development

Content Analysis of Patriotic Telegram Channel *Readovka*: Statistics and Research Prospects

Kadyntseva P. V., Chardymskiy M. G. 163

Value Preferences in Civil Servant Career: Kazakhstan and Russia

Lazarenko D. V., Antilogova L. N. 170

Corruption Studies in Domestic Social Sciences: Political Aspect

Chirun S. N., Gladkikh S. S. 183

Sociology of Management

Contribution of Metropolitan Employers to the Maintenance of Employees' Health: Moscow Experience

Bogdan I. V., Gornostalev M. D., Chistyakova D. P. 198

Transformation of Russian Family: History and Modern Trends

Protasova T. N. 209

Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part I

Pyankova L. A. 220

Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part II

Pyankova L. A. 230

Economics and Management: Theory and Practice

Current Trends in Bank Marketing

Kozlova O. N., Kotova O. N., Slautina E. D. 241

Human Capital Development Technologies as Resource Base for Industrial Development

Kotov E. Yu., Silenko A. N. 253

Superservice: Concept, Content, and Modeling

Neroslov A. D., Kuznetsova P. Yu. 263

Social Communication in Event Management: Concept and Implementation

Shelginskaya V. A. 273

Regional Economy

Metamorphoses of the Administrative-Territorial Structure of the Donetsk People's Republic Modern Territory

Vasilenko V. N., Vasilenko D. V. 284

Self-Sufficiency and Availability of Food in a New Subject of the Russian Federation: Status and Prospects

Kotov E. V., Savchenko O. J. 295

Effects of Uncertain Times on Standards and Quality of Life

Plyushina O. V., Butova L. M., Konishchev E. V., Plekhanova E. O. 306

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ybjyif>

Анализ контента патриотического Telegram-канала *Readovka*: статистический метод, перспективы исследования

Кадынцева Полина Вячеславовна

Российский государственный социальный университет,
Россия, Москва
kadyntseva@gmail.com

Чардымский Максим Георгиевич

Российский государственный социальный университет,
Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 3783-0200

Аннотация: С конца февраля 2022 г. патриотические Telegram-каналы набирают большую популярность и сильное влияние, поэтому их изучение так актуально. Цель – оценить возможности применения статистического метода анализа контента патриотических Telegram-каналов на примере детального изучения одного из самых популярных пабликов в данной социальной сети – *Readovka* – с более чем 2,3 млн подписчиков, который ежедневно публикует новости, связанные с культурной, социальной и политической жизнью Российской Федерации. Проанализированы подходы к представлению информации, которые отличают данный канал от других патриотических Telegram-каналов, для более полного понимания патриотической информационной среды и развития соответствующих методов анализа. Приведены данные о популярности патриотического Telegram-канала и своеобразии его контента. Основным методом исследования стал статистический метод при помощи современного аналитического сайта TGStat. Выявлены преимущества применения выбранного метода: он позволяет оперативно, точно и детально получить необходимые сведения о том или ином паблике в Телеграме; собрать статистику по восьми общим параметрам, по охвату публикаций за 1 декабря 2023 г. (три параметра), по вовлеченности подписчиков на выбранную дату (три параметра); подходит для глубокого полноценного анализа необходимых сообществ. Определены перспективы дальнейшего изучения патриотических Telegram-каналов: идентификация и анализ патриотических дискурсов; идентификация и анализ инфлюенсеров; влияние патриотических Telegram-каналов на политическую активность и мобилизацию; исследование средств коммуникации и манипуляции; исследование контент-модерации и дезинформации; кросс-культурное сравнение.

Ключевые слова: новости, статистический метод, Telegram-канал, анализ, информация, публикация, патриотизм

Цитирование: Кадынцева П. В., Чардымский М. Г. Анализ контента патриотического Telegram-канала *Readovka*: статистический метод, перспективы исследования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 163–169. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-163-169>

Поступила 13.12.2023. Принята после рецензирования 28.03.2024. Принята в печать 01.04.2024.

full article

Content Analysis of Patriotic Telegram Channel *Readovka*: Statistics and Research Prospects

Polina V. Kadyntseva

Russian State Social University, Russia, Moscow
kadyntseva@gmail.com

Maxim G. Chardymskiy

Russian State Social University, Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 3783-0200

Abstract: Patriotic Telegram channels have been gaining popularity and social influence since February 2022, which makes them a relevant research material. The authors applied the method of statistical analysis to patriotic Telegram channels using the example of *Readovka* with its 2.3 million subscribers. The channel publishes news related to cultural, social, and political life in the Russian Federation. *Readovka*'s approach to news presentation differs from other patriotic channels. The authors used TGStat to analyze the popularity and specifics of the content. The program provided a quick and accurate method of content analysis. The material involved statistical results

for eight general parameters, the publication coverage for December 1, 2023 (three parameters), and subscribers' engagement on that day (three parameters). The method proved suitable for a comprehensive analysis of Telegram channels. The prospects include identification and analysis of patriotic discourses and influencers, as well as the effect of patriotic Telegram channels on political activity and mobilization. Other options involve deeper research into the means of communication and manipulation, content moderation, disinformation, cross-cultural comparison, etc.

Keywords: news, statistical method, Telegram channel, analysis, information, publication, patriotism

Citation: Kadyntseva P. V., Chardymskiy M. G. Content Analysis of Patriotic Telegram Channel *Readovka: Statistics and Research Prospects. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 163–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-163-169>

Received 13 Dec 2023. Accepted after peer review 28 Mar 2024. Accepted for publication 1 Apr 2024.

Введение

Патриотизм – это чувство привязанности и преданности своей родине, любовь к своей стране, гордость за ее историю, культуру, достижения и достоинства. О патриотизме писали, спорили и пытались осознать этот феномен Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Ф. М. Достоевский, Г. В. Плеханов, Н. А. Бердяев. По мнению Д. Н. Сокиркина, в жизни современного общества проблема патриотизма является одной из самых актуальных в духовно-нравственной сфере. Основным параметр патриотизма – чувство любви к своей стране, которое проявляется в деятельности, направленной на реализацию данного чувства. Патриотизм включает в себя готовность защищать свою страну, поддерживать ее интересы и принимать активное участие в развитии общества [1].

Патриотизм в России имеет свои особенности и может проявляться различными способами:

1. Историческая память: патриотический дух часто связывается с историческими событиями и героями, которые вызывают гордость и уважение со стороны граждан [2].

2. Символы и ритуалы: использование и почитание национальных символов – государственных флага, гимна и других национальных символов [3].

3. Поддержка страны: поддержка государственных интересов, приверженность принципам и ценностям, солидарность с соотечественниками и готовность к действию для защиты и развития страны [4].

4. Образование и воспитание: патриотизм активно пропагандируется в образовании и воспитании, особенно в школах и университетах, с целью формирования патриотической идентичности и ответственности за свою страну [5].

Важно отметить, что патриотизм является завершением длительного процесса, начало которого уходит в далекое прошлое. Его истоки кроются в первобытном обществе. По мнению Р. В. Иванова,

важная закономерность исторического развития патриотизма в нашем Отечестве – его прерывистый характер, с подъемами и спадами. Это зависит от влияния внешних сил, желающих ослабить нашу страну, подорвать ее суверенитет и ценности. Вследствие этого на протяжении последних десятилетий патриотизм в России вынужден постоянно отстаивать собственное право на существование. В этом ему помогают патриотические паблики в Телеграме, направленные на поддержку политики и ценностей нашего государства, укрепление национальной идентичности, а также на распространение патриотической информации среди многомиллионного населения. Эти сообщества принимают участие в воспитании гражданского патриотизма, содействуют формированию позитивного отношения к Родине и способны оказать существенное влияние на общественное мнение и политические процессы в стране [6].

Патриотизм является важным элементом российской культуры, что отчетливо проявляется в интересе социальной системы и динамике национальной политики. Патриотизм – это глубокая любовь и преданность своей родине, стране, народу и его ценностям. Это чувство гордости за свою историю, культуру, достижения и потенциал. Патриотизм имеет не только духовно-нравственную, но и практическую значимость. В патриотическом чувстве заключена ответственность за будущее своей родины, за социальное и экономическое развитие, за безопасность и благополучие всех ее граждан. Патриотизм вдохновляет людей на деятельность, направленную на улучшение общества: образование, науку, искусство, экологию, помощь нуждающимся.

С 24 февраля 2022 г. была начата специальная военная операция (СВО) в целях защиты национальных интересов России, обеспечение ее безопасности, защиты русскоязычного населения, кото-

рое оказалось в тяжелом положении в результате внутреннего конфликта в Украине [7], а также для восстановления порядка и стабильности в Украине и повышения важности нашей страны на международной политической арене [8]. Из-за начала проведения СВО во многих социальных сетях все больше людей стали подписываться на патриотические группы с целью ежедневно узнавать военные сводки с фронта. В настоящее время такие группы продолжают каждый день публиковать новости об СВО и о деятельности президента РФ В. В. Путина. Пристальное внимание уделяется его постановлениям, заявлениям, встречам с видными политическими деятелями, в особенности с теми, кто поддерживает нашу страну [9].

Среди множества патриотических групп широкой известностью пользуются Telegram-каналы. На наш взгляд, это связано в первую очередь с возможностью быть анонимным, видеть и анализировать для себя уникальное содержание каналов [10]. Чаще всего там публикуется информация, которую будет сложно найти в других социальных сетях, например, создаются специальные каналы, изучающие фейки в отношении российских войск в зоне СВО [11]. Также патриотические Telegram-каналы позволяют легче организовывать единение граждан, разделяющих патриотические ценности. Люди могут найти поддержку, совместно действовать и выражать свое мнение в едином сообществе [6]. Патриотические каналы в Telegram помогают создавать активистские движения, акции и мероприятия для отстаивания интересов собственной страны и ее ценностей [12]. Они могут оказывать значительное влияние на формирование общественного мнения и политическую активность [13], мобилизовать своих подписчиков и стимулировать их к участию в политических и социальных процессах [14], служить площадкой для проявления разнообразных патриотических дискурсов и идеологий [15].

Интерес подписчиков таких каналов может обуславливаться следующими факторами:

1. Геополитическое влияние: Россия является одним из крупнейших государств мира по территории, расположена и в Европе, и в Азии, имеет значительное влияние не только в своем регионе, но и на международной арене [16]. События, связанные с ее политикой, могут иметь важное значение для других стран, а также для глобальной политической стабильности и безопасности [17].

2. Энергетика: Россия является одним из крупнейших производителей и экспортеров энергоресурсов, таких как нефть и газ [18]. Энергетическая политика России имеет важное значение для многих стран, т.к. стабильность поставок энергоносителей может оказывать существенное влияние на экономическую и политическую ситуацию во многих регионах мира [19].

3. Геополитические конфликты и кризисы: Россия активно принимает участие в разрешении различных конфликтов и кризисов как на своей территории, так и за ее пределами [20]. Такие события, например, в Украине или Сирии, привлекают широкую общественность и вызывают интерес в связи с их воздействием на политическую и геополитическую конфигурацию в регионе [21].

4. Роль в международных организациях: Россия является постоянным членом Совета безопасности ООН и активно участвует в различных международных организациях. Ее политика и позиция в таких организациях, включая БРИКС (Содружество Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР), ШОС (Шанхайскую организацию сотрудничества) и др., имеют большое значение для формирования решений и направлений в международной политике [22].

Все эти факторы объясняют привлекательность и интерес к политическим событиям, связанным с Российской Федерацией, зоной СВО и ее геополитической позицией, для тех, кто стремится быть в курсе последних событий в мире [23].

Цель – оценить возможности применения статистического метода анализа контента патриотических Telegram-каналов. Новизна исследования заключается в выбранном методе исследования и изучении с помощью его технологий данных с одного из наиболее популярных пабликов в Telegram – Readovka. Практическая значимость – в том, что с помощью выбранного нами метода можно в дальнейшем анализировать и другие патриотические сообщества в Telegram.

Методы и материалы

В качестве основного метода исследования использовался статистический метод при помощи современного аналитического сайта TGStat¹. Материалом послужил паблик Readovka – один из самых популярных пабликов в Telegram с более чем 2,3 млн подписчиков². Для примера рассмотрены данные статистики на 1 декабря 2023 г.

¹ Каталог Telegram-каналов и чатов. URL: <https://tgstat.ru/> (дата обращения: 09.10.2023).

² Readovka. URL: <https://telepot.ru/channels/readovkanews> (дата обращения: 09.10.2023).

Результаты

В ходе использования выбранного ресурса для статистического метода были выяснены следующие аспекты паблика Readovka на 1 декабря 2023 г.³:

- количество подписчиков (2360379);
- средний охват 1 публикации (932718);
- возраст канала (6 лет 9 дней);
- процентное соотношение подписчиков, читающих посты канала (40 %) и читающих посты в первые 24 часа после публикации (38 %);
- индекс цитирования (9260);
- средний рекламный охват 1 публикации (891539);
- общее количество публикаций с момента создания канала (74498);
- вовлеченность подписчиков (0,85 %).

Получены результаты по охвату публикаций:

- средний охват поста (891607);
- просмотры публикаций суммарно (46939557);
- вовлеченность по просмотрам (38,2 %), т.е. ниже 50 %.

Результаты, касающиеся среднего количества вовлеченности по взаимодействиям ($ER = 0,57$ %), по трем параметрам:

- пересылкам (1848);
- комментариям (181);
- реакциям (2985).

Выявлены достоинства применения статистического метода исследования при помощи сайта TGStat:

1. Позволяет оперативно, точно и детально получить необходимые сведения о том или ином паблике в Телеграме (в нашем случае – о канале Readovka).

2. Позволяет получить результаты статистики по восьми общим параметрам (количеству подписчиков, среднему охвату публикаций, возрасту канала, процентному соотношению подписчиков, читающих посты канала и читающих посты в первые 24 часа после публикации, индексу цитирования, среднему рекламному охвату 1 публикации, общему количеству публикаций с момента создания канала и вовлеченности подписчиков), по охвату публикаций за 1 декабря 2023 г. (средний охват поста за выбранный день, просмотры публикаций суммарно и вовлеченность по просмотрам), по вовлеченности подписчиков на выбранную дату (вовлеченность по взаимодействиям в целом, через пересылки, комментарии и реакции).

3. Подходит для глубокого полноценного анализа необходимых сообществ, т.к. предоставляет детальную информацию о них.

Для дальнейшего изучения патриотических Telegram-каналов и понимания их влияния и содержания рекомендуется следующее:

1. Расширить выборку: проводить исследование нескольких патриотических Telegram-каналов разных направлений и размеров, чтобы получить более полную картину общей ситуации.

2. Определить ключевые показатели: разработать систему показателей для измерения популярности, влияния и уникальности контента патриотических Telegram-каналов. Это может включать число подписчиков, количество просмотров, репостов, комментариев и других интеракций.

3. Изучать анализ содержания и семантический анализ, чтобы более глубоко понять темы, структуру и эмоциональную нагрузку контента.

4. Изучить аудиторию: исследовать профиль и поведение аудитории патриотических Telegram-каналов. Исследовать их интересы, мотивацию, возраст, географическое положение и другие факторы, которые могут влиять на восприятие контента и вовлеченность аудитории.

5. Анализировать контент и его эффекты: исследовать типы контента, тематики и степень его влияния на аудиторию, какие сообщения и значения передаются через патриотические Telegram-каналы и как они могут влиять на общественное мнение и поведение.

6. Сравнительный анализ: провести сравнительный анализ различных патриотических Telegram-каналов, чтобы выявить сходство и различия в их контенте, стиле и влиянии.

7. Использовать комбинированный подход: комбинировать различные методы и подходы, чтобы получить наиболее полное и объективное представление о патриотических Telegram-каналах и их значении в обществе.

Эти рекомендации должны помочь провести более глубокое и всестороннее исследование патриотических Telegram-каналов и их роли в информационной среде.

В области изучения патриотических Telegram-каналов возможны следующие основные направления дальнейших исследований:

1. Идентификация и анализ патриотических дискурсов: исследование различных патриотических дискурсов, которые присутствуют на Telegram-каналах, и выявление их специфических характеристик, аргументов и убеждений. Это позволит лучше

³ Readovka. URL: <https://tgstat.ru/channel/@readovkanews/stat> (дата обращения: 12.12.2023).

понять, как формируются и распространяются патриотические идеи и отношения в информационном пространстве.

2. Идентификация и анализ инфлюенсеров: исследование идентификации ключевых фигур или инфлюенсеров в патриотической среде Telegram-каналов, а также изучение их влияния на аудиторию и формирование общественного мнения. Это может включать анализ сетевой динамики и взаимодействий между инфлюенсерами и их аудиторией.

3. Влияние патриотических Telegram-каналов на политическую активность и мобилизацию: изучение влияния контента и информационного воздействия патриотических Telegram-каналов на политическую активность и мобилизацию аудитории. Это может включать исследование эффектов патриотических Telegram-каналов на общественное мнение, выборы, протестные акции, социальные движения.

4. Исследование средств коммуникации и манипуляции: исследование используемых средств коммуникации, таких как язык, стиль, визуальные эффекты и риторические стратегии, на патриотических Telegram-каналах. Анализ таких средств позволит лучше понять, какие манипулятивные и риторические приемы используются для формирования патриотической идентичности и общественного мнения.

5. Исследование контент-модерации и дезинформации: исследование методов контент-модерации и противодействия дезинформации на патриотических Telegram-каналах. Это позволит более эффективно бороться с распространением ложной информации и негативного влияния на общественное мнение.

6. Кросс-культурное сравнение: сравнительное исследование патриотических Telegram-каналов в разных странах или культурных контекстах. Это позволит определить сходства и различия в подходах к патриотической пропаганде и их воздействии на общественное сознание.

Заключение

Люди заинтересованы в политических новостях, которые имеют отношение к сохранению и развитию России как самостоятельной и влиятельной страны на международной арене. С начала проведения СВО граждан все больше интересуют политические новости с патриотической направленностью. Такая информация является одной из самых важных и захватывающих аспектов информационного поля России в настоящее время. Важность патриотических Telegram-каналов определяется влиянием,

которое они оказывают на общественное мнение, гражданскую активность и формирование патриотического настроения. Именно Telegram-каналы сейчас пользуются большой популярностью среди населения РФ, т.к. позволяют быстро, доступно информировать граждан о текущих событиях в стране. Нами был выявлен и рассмотрен статистический метод при помощи современного аналитического сайта TGStat. С его помощью можно рассмотреть и проанализировать контент в патриотических Telegram-каналах. Выявлены достоинства его применения: он позволяет оперативно, точно и детально получить необходимые сведения о том или ином паблике в Телеграме; позволяет получить результаты статистики по восьми общим параметрам, по охвату публикаций за 1 декабря 2023 г. (три параметра), по вовлеченности подписчиков на выбранную дату (три параметра); подходит для глубокого полноценного анализа необходимых сообществ, т.к. предоставляет детальную информацию о них.

Отмеченные нами направления исследований (идентификация и анализ патриотических дискурсов; идентификация и анализ инфлюенсеров; влияние патриотических Telegram-каналов на политическую активность и мобилизацию; исследование средств коммуникации и манипуляции; исследование контент-модерации и дезинформации; кросс-культурное сравнение) позволят углубить понимание патриотических Telegram-каналов и их роли в формировании общественного мнения, политической активности и культурной идентичности.

Важно изучать и идентифицировать ключевые фигуры на патриотических Telegram-каналах, чтобы понять их роль в формировании общественного мнения. Их влияние может быть значительным, и поэтому их мотивации, связи и стратегии работы необходимо изучать. Анализ патриотических Telegram-каналов важен для понимания их роли в формировании общественного мнения и политической активности. Но необходимо учитывать разнообразие мотиваций и дискурсов, а также возможность использования манипулятивных и дезинформационных методов на этих каналах.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Сокиркин Д. Н. Традиции восприятия и воспитания патриотизма в российском обществе. *Наука. Общество. Оборона*. 2017. № 4. [Sokirkin D. N. Traditions of perception and education of patriotism in Russian society. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 2017, (4). (In Russ.)] URL: https://www.noo-journal.ru/vak/2017-4-13/article-0128/?sphrase_id=5920 (дата обращения: 10.11.2023). <https://elibrary.ru/zguoln>
2. Фролко М. С., Орлов Н. С. Патриотизм в молодежной политике России. *Наука-2020*. 2016. № 5. С. 150–153. [Frolko M. S., Orlov N. S. Patriotism in the youth policy of Russia. *Nauka-2020*, 2016, (5): 150–153. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xcnxhz>
3. Волков С. С., Пузевич Н. Л., Васильченко В. Ф. Критерии патриотизма в России. *Военная мысль*. 2019. № 2. С. 146–157. [Volkov S. S., Puzevich N. L., Vasilchenkov V. F. Criteria of patriotism in Russia. *Voennaia mysl*, 2019, (2): 146–157. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvksfy>
4. Фомин О. Н. Патриотизм в политической культуре современной России. *Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2013. № 1. С. 90–95. [Fomin O. N. Patriotism in the political culture of modern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2013, (1): 90–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qjbgjd>
5. Крылова О. А. Формирование патриотизма в современных условиях развития России. Патриотизм как фактор, влияющий на имидж России. *Вестник науки*. 2022. № 11. С. 132–139. [Krylova O. A. Formation of patriotism in modern conditions of Russia's development. Patriotism as factor influencing image of Russia. *Vestnik nauki*, 2022, (11): 132–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ajimvb>
6. Иванов Р. В. Качество патриотизма в современной России. *Социология*. 2019. № 4. С. 21–26. [Ivanov R. V. The quality of patriotism in modern Russia. *Sotsiologiya*, 2019, (4): 21–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlaefk>
7. Горбуля Т. Г. Патриотизм – основа возрождения России. *Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование*. 2006. № 3. С. 183–186. [Gorbulya T. G. Patriotism as the basis of the revival of Russia. *Izvestiia Nizhnevolzhskogo agrouniversitetskogo kompleksa: Nauka i vysshee professionalnoe obrazovanie*, 2006, (3): 183–186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/msmoip>
8. Тонконогов А. В. Патриотизм как идеология современной России. *Социально-гуманитарные знания*. 2011. № 5. С. 31–38. [Tonkonogov A. V. Patriotism as ideology of modern Russia. *Social and humanitarian knowledge*, 2011, (5): 31–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ogeicz>
9. Рачипа А. В., Бурьков В. В., Алексеева А. В. Идея патриотизма в истории России. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 4-4. С. 17–21. [Rachipa A. V., Burkov V. V., Alekseeva A. V. The idea of patriotism in the history of Russia. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2016, (4-4): 17–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvvirv>
10. Разов П. В., Фарисов Ф. Ф. Социологический анализ процессов развития патриотизма в России. *Власть*. 2022. Т. 30. № 5. С. 151–155. [Razov P. V., Farisov F. F. Sociological analysis of processes of the development of patriotism in Russia. *Vlast*, 2022, 30(5): 151–155. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i5.9255>
11. Стрелецкий Я. И. Специальная военная операция на Украине: аксиологический аспект. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки*. 2023. № 2. С. 114–118. [Streletsky Ya. I. Special military operation of Russia in Ukraine: Axiological aspect. *Humanitarian, socio-economic and social sciences. Series: Historical Sciences. Culturology. Political science*, 2023, (2): 114–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.22.82.014>
12. Макоева Е. Р. О роли кибератак в специальной военной операции. *Образование и право*. 2022. № 8. С. 140–142. [Makoeva E. R. On the role of cyber attacks in a special military operation. *Education and Law*, 2022, (8): 140–142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-8-140-142>
13. Попова О. В. Особенности коммуникации политизированных сообществ в русскоязычных Телеграм-каналах. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2023. Т. 19. № 2. С. 215–229. [Popova O. V. Communication peculiarities of politicized communities in Russian-language Telegram channels. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, 19(2): 215–229. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.205>

14. Пашин Ф. СВО-2022: главные уроки. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Пятая Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23–24 ноября 2022 г.)*. М.: ИНИОН РАН, 2023. С. 305–308. [Pashin F. SVO-2022: The main lessons. *Greater Eurasia: Development, security, and cooperation: Fifth Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 23–24 Nov 2022*. Moscow: INION RAS, 2023, 305–308. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/reegxh>
15. Панков Н. А. С учетом опыта специальной военной операции. *Вестник военного образования*. 2023. № 4. С. 4. [Pankov N. A. Taking into account the experience of the special military operation. *Vestnik voennogo obrazovaniia*, 2023, (4): 4. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/phvagx>
16. Венцель С. В., Волощук А. В., Саенко А. В. Инфографика «Путь к СВО». *Обзор.НЦПТИ*. 2023. № 1. С. 6–17. [Ventsel S. V., Voloshchuk A. V., Saenko A. V. Infographics "The way to SVO". *Obzor.NTsPTI*, 2023, (1): 6–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jhhqax>
17. Винокуров В. А. Военное положение, уровни реагирования, специальная военная операция: понятие и содержание. *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 7. С. 203–207. [Vinokurov V. A. Martial law, response levels, special military operation: Concept and content. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika*, 2023, (7): 203–207. (In Russ.)] https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_7_203
18. Лапыгин Ю. Н., Мурлейкин Н. С. Инвестиционные программы после завершения специальной военной операции. *Россия: тенденции и перспективы развития: XII Национ. науч. конф. с Междунар. уч. (Москва, 14–16 февраля 2023 г.)*. М.: ИНИОН РАН, 2023. Вып. 18. Ч. 1. С. 632–633. [Lapygin Yu. N., Murleikin N. S. Investment programs after the completion of the special military operation. *Russia: Trends and prospects of development: XII National. Sci. Conf. with Intern. Participation, Moscow, 14–16 Feb 2023*. Moscow: INION RAS, 2023, iss. 18, pt. 1, 632–633. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cbpney>
19. Смирнов В. А. Гражданские установки российских студентов в контексте специальной военной операции. *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32. № 8-9. С. 9–23. [Smirnov V. A. Civil attitudes of Russian students in the context of a special military operation. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*, 2023, 32(8-9): 9–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-9-23>
20. Пальцев А. И. Специальная военная операция как катализатор национально-освободительного движения. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Пятая Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23–24 ноября 2022 г.)*. М.: ИНИОН РАН, 2023. С. 299–304. [Paltsev A. I. The special military operation as a catalyst for the national liberation movement. *Greater Eurasia: Development, security, cooperation: Fifth Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 23–24 Nov 2022*. Moscow: INION RAS, 2023, 299–304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nwvjct>
21. Абрамов А. В., Поляков С. П., Дубинина Н. Н., Овсянникова О. А., Комаров Н. П., Богатырёва С. Н., Бочарников И. В., Кольцова В. А., Соснин В. А., Дурягина А. И., Емец В. С., Гришнова Е. Е., Пекарский Ф. В., Кандыбович С. Л., Ремарчук В. Н., Герасимов А. В., Репёва А. М., Иванова С. Ю. Патриотизм как фактор развития российской государственности. М.: Московский дом национальностей, 2015. 368 с. [Abramov A. V., Polyakov S. P., Dubinina N. N., Ovsyannikova O. A., Komarov N. P., Bogatyreva S. N., Bocharnikov I. V., Koltsova V. A., Sosnin V. A., Duryagina A. I., Emets V. S., Grishnova E. E., Pekarsky F. V., Kandybovich S. L., Remarchuk V. N., Gerasimov A. V., Repyova A. M., Ivanova S. Yu. *Patriotism as a factor in the development of Russian statehood*. Moscow: The Moscow House of Nationalities, 2015, 368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttzehp>
22. Гадаев В. Ю., Гадаев Р. В. Патриотизм и молодежь. Махачкала: АЛЕФ, 2019. 184 с. [Gadaev V. Yu., Gadaev R. V. *Patriotism and youth*. Makhachkala: ALEF, 2019, 184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcinqt>
23. Никонов В. А. Специальная военная операция и новый миропорядок. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2023. № 99. С. 7–34. [Nikonov V. A. Special military operation and new world order. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 2023, (99): 7–34. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-99-7-34>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ydmvzu>

Ценностные предпочтения в карьере государственных служащих Республики Казахстан и России

Лазаренко Дмитрий Витальевич

Филиал Академии государственного управления при Президенте
Республики Казахстан по Северо-Казахстанской области,
Республика Казахстан, Петропавловск
<https://orcid.org/0000-0002-9401-2322>
d.lazarenko@apa.kz

Антилогова Лариса Николаевна

Омский государственный педагогический университет,
Россия, Омск
eLibrary Author SPIN: 9015-5529
<https://orcid.org/0000-0002-4717-1769>

Аннотация: Постоянно происходящие преобразования влияют на нашу жизнь, меняя отношение к деятельности, работе. Изменения охватывают все сферы деятельности человека, в том числе и государственную службу. Государственные служащие являются представителями интересов граждан, ориентированы на качественное оказание государственных услуг населению, которое зависит от профессионализма госслужащих, от их компетенций и психологически важных качеств личности. Одним из таких качеств выступают ценности, определяющие отношение и к деятельности, и к жизни. От ценностей зависит направленность мотивации профессиональной деятельности и тип карьерного продвижения. В работе обсуждаются проблемы взаимовлияния ценностей личности и предпочтений в карьере у государственных служащих. Цель – изучить взаимосвязь ценностей и карьерных ориентаций у государственных служащих. Представлены результаты исследования системы ценностей госслужащих, их карьерные ориентации, а также на основе проведенного корреляционного анализа определены взаимосвязи между анализируемыми переменными. В итоге делается акцент на развитии талантов у государственных служащих для построения индивидуального карьерного пути. Сделан вывод, что на государственном уровне как в России, так и в Казахстане осуществляется ряд мер, направленных на управление карьерой государственных служащих с учетом развития талантливости и ценностных предпочтений при выборе государственной службы как вида профессиональной деятельности. Представлены практические рекомендации по развитию карьерных ориентаций государственных служащих с учетом системы ценностей их личности.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, карьерные ориентации, государственные служащие, талант-менеджмент, рекрутинг

Цитирование: Лазаренко Д. В., Антилогова Л. Н. Ценностные предпочтения в карьере государственных служащих Республики Казахстан и России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 170–182. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-170-182>

Поступила в редакцию 16.12.2023. Принята после рецензирования 19.03.2024. Принята в печать 01.04.2024.

full article

Value Preferences in Civil Servant Career: Kazakhstan and Russia

Dmitry V. Lazarenko

Branch of the Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Kazakhstan in the North Kazakhstan region,
Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk
<https://orcid.org/0000-0002-9401-2322>
d.lazarenko@apa.kz

Larisa N. Antilogoვა

Omsk State Pedagogical University, Russia, Omsk
<https://orcid.org/0000-0002-4717-1769>
eLibrary Author SPIN: 9015-5529

Abstract: Changes affect people's lives and their attitude to work, including civil service. Civil servants represent the interests of citizens. The quality of public service depends on the professionalism of civil servants, their competencies, and psychological profile, e.g., values. One's system of values determines one's attitude to work and life, e.g., professional motivation and career path. The research objective was to describe the effect of personal values on career preferences in civil servants. It revealed a certain correlation between the value system and career

orientations. Civil servants should develop their talents to build an individual career path. At the state level, both Russia and Kazakhstan take a number of measures to manage the career of civil servants by developing their talents and value preferences, which should be determined in early stages. The article also contains some practical value-oriented recommendations for career development of civil servants.

Keywords: values, value orientations, career orientations, civil servants, talent management, recruiting

Citation: Lazarenko D. V., Antilogova L. N. Value Preferences in Civil Servant Career: Kazakhstan and Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 170–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-170-182>

Received 16 Dec 2023. Accepted after review 19 Mar 2024. Accepted for publication 1 Apr 2024.

Введение

В современной действительности систематически осуществляются значительные преобразования: создаются новые изобретения, совершенствуются действующие механизмы, происходит переход к цифровым аналогам документов и т.п. Не является исключением и сфера управления персоналом (HR-менеджмент). За последние несколько лет появились новые тренды в управлении персоналом и человеческими ресурсами.

Среди них, в частности, существует такое направление, как *ценностное предложение сотруднику* (EVP – *employee value proposition*). Другими словами, что работодатель в состоянии предложить кандидатам на должность, чем компания может в ценностном отношении привлечь специалистов, насколько ценности и цели деятельности организации совпадают с целями и ценностями отдельного работника.

Вследствие этого изменяются подходы к рекрутингу (деятельность по подбору кандидатов на имеющиеся вакансии): инструменты привлечения сотрудников ориентируются на поиск талантливых и перспективных работников (в том числе и в онлайн-режиме), разрабатываются разнообразные сценарии, соответствующие предпочтениям и возможностям кандидатов и т.п. Поэтому выбор будет за той компанией, которая в достаточной степени соответствует ожиданиям специалиста.

Действовавшие ранее карьерные модели устаревают: в среднем люди сейчас меняют работу раз в четыре года. В зависимости от возраста и социальной ситуации работники могут поменять работу до трех раз за отдельный период карьеры. Поэтому необходимо заниматься инвестированием карьерного опыта сотрудников, изучать содержание

предпочтений в карьере, разрабатывать и совершенствовать механизмы карьерного продвижения каждого отдельного специалиста.

В системе государственной службы также происходят определенные преобразования в сфере управления персоналом и отбора кадров. Так, в РФ на основе компетентностного и процессного подходов внедряются технологии комплексной оценки государственных гражданских служащих. Для реализации комплексной оценки Министерством труда и социальной защиты РФ был разработан Методический инструментарий по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку)¹.

В Республике Казахстан Агентством по делам государственной службы (Агентство) пересмотрен алгоритм отбора на государственную службу. Для упрощения отбора лица, окончившие вузы за счет государственного гранта с высоким показателем GPA (*Grand Point Average* – средний балл успеваемости) могут занять низовые должности в государственных органах без прохождения конкурсного отбора.

В качестве основных новелл рассматриваются определенные перспективные возможности. Одной из таких возможностей выступает введение в действие института контрактных служащих. Как отмечается в официальном источнике, «причиной введения новой категории чиновников является реализация национальных проектов, где требуются дополнительные работники»². Привлекать к работе Агентства намерены образованных и профессиональных специалистов со специализированным образованием. Таких специалистов будут

¹ Методический инструментарий по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку). *Официальный сайт Министерства Образования и науки РФ*. URL: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/personal/5> (дата обращения: 30.11.2023).

² В Казахстане среди госслужащих тоже появятся контрактники. *Press.kz*. 09.03.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZAl0FqYoEzE61444> (дата обращения: 26.09.2023).

приглашать в те ведомства, где есть дефицит профильных кадров. Кроме того, законопроектом вводится норма, предусматривающая введение ротационной выплаты. В соответствии с действующим законодательством служащему, которого ротируют в другой регион, должно быть предоставлено временное жилье. Однако из-за нехватки служебных квартир ротируемые служащие вынуждены арендовать жилье на собственные средства. Многие служащие отказываются от ротации. Внедрение ротационной выплаты направлено на восполнение этих затрат³.

Такие изменения могут в значительной степени повлиять на цели, ценности и карьерные механизмы у молодежи при выборе вида профессиональной деятельности, в том числе и государственной службы.

Цель исследования – изучить взаимосвязь ценностей и карьерных ориентаций у государственных служащих. Для достижения этой цели необходимо как в теоретическом, так и в эмпирическом отношении проанализировать характер ценностей респондентов и определить связь с их карьерными предпочтениями.

В различных публикациях подчеркивается, что развитие системы ценностей зависит от этических, культурных, политических, научных убеждений граждан современного общества, а также от экономического развития государства, от проводимой им внешней и внутренней политики. В течение жизни ценности могут определенным образом меняться под воздействием разных факторов. У взрослого человека они представляют относительно устойчивую структуру, у молодежи систематически модифицируются.

Сформированная система общечеловеческих, жизненных (здоровье, счастливая семейная жизнь, свобода, интересная работа, творчество) и нравственных (совесть, долг, честь, справедливость, ответственность, достоинство) ценностей в значительной степени определяет образ жизни и поведение человека.

Нравственные ценности, которых придерживается человек, могут сдерживать его от проявления агрессии, коррупционных правонарушений, девиантных форм поведения, поэтому важно уделять достаточное внимание развитию социально приемлемых ценностей. Сделаем акцент на представлениях современных российских и казахстанских ученых о ценностях и карьерных предпочтениях государственных служащих.

Теоретико-методологические основы изучаемой проблемы

Ценности и ценностные ориентации государственных служащих рассматриваются в трудах многих российских ученых [1–8]. Так, Е. А. Бойко и В. Н. Меньшова приходят к выводу о том, что «для формирования государственной гражданской службы, основанной на ценностях общественного служения как универсального регулятора служебного поведения и деятельности государственных служащих, требуется корректировка ее нормативной правовой базы, учет новой поколенческой структуры, осознание и наполнение практики кадровой работы новым смыслом и содержанием» [1, с. 121].

Соотношение ценностей-целей и ценностей-средств государственных служащих, а также их связь с профессиональной деятельностью обозреваются в работе Н. Г. Хорошкевич. Автор, изучая иерархию политических ценностей государственных служащих, делает выводы о их значимости в эффективности профессиональной деятельности [2].

Роль корпоративной культуры в привитии государственным служащим необходимых организационных ценностей обсуждается в статье Е. Д. Радько. При изучении позитивного опыта Сингапура отмечается такой важный момент в поддержке инициативности государственных служащих, как формирование так называемой культуры доверия. По мнению Е. Д. Радько, формирование таких отношений в коллективе позволило бы сотрудникам «более открыто, безбоязненно делиться своими идеями, указывать на проблемы, зная, что их мнение будет услышано и учтено» [3, с. 14].

Необходимость совершенствования нравственной культуры государственных служащих подчеркивается в работе А. Н. Мишиной. В результате было выявлено, что «труднее всего прививается такая составляющая, как понимание приоритета общечеловеческих интересов над личными» [4, с. 74]. Основными причинами, мешающими развитию нравственной культуры, с точки зрения автора, являются некомпетентность и стереотип поведения самих государственных служащих.

В статье В. Б. Катаевой выделены основные механизмы регулирования административной этики государственных служащих, а также упоминается о необходимости построения новой модели этических норм, основу которой составят нравственные ценности [5, с. 32–33].

³ В госорганы будут привлекать контрактных служащих для работы над нацпроектами. *Informburo.kz*. 09.03.2023. URL: <https://informburo.kz/novosti/v-gosorgany-budut-privlekat-kontraktnyx-sluzashhix-dlya-raboty-nad-nacproektami?ysclid=lf6mwo8ba1342172762> (дата обращения: 26.09.2023).

Д. А. Подольский представил результаты опроса российских государственных гражданских служащих различных категорий и групп должностей с использованием ценностного опросника Ш. Шварца. Факторный анализ полученных данных позволил Д. А. Подольскому выделить пять факторов, которые в совокупности описывают латентную структуру ценностных ориентаций участников исследования. Наряду с имеющимися факторами был выделен фактор ориентации на людей, включающий такие ценностные ориентации, как «безопасность общества, альтруизм, свобода мысли и надежность, то есть просоциальные ценностные ориентации, лежащие в основе мотивации общественного служения» [6, с. 73].

Д. Р. Ахметшин и Ф. В. Даминдарова в результате анализа нормативно-правовой документации и Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих выделили три основных блока нравственных качеств и норм, необходимых государственному служащему: «1) нормы человеческого характера, 2) нормы внутриаппаратного поведения, 3) нормы разрешения служебных конфликтов» [7, с. 90].

Е. В. Селезнева приводит результаты изучения представлений российских государственных служащих о ценности общественного служения. Анализируя ответы, она отмечает, что цели современных государственных служащих имеют явно выраженную просоциальную направленность. Одним из ведущих факторов, обеспечивающих просоциальную направленность в деятельности государственных служащих, по мнению Е. В. Селезневой, является «такая структура, в которой ценность общественного служения будет ядерной ценностью» [8, с. 99].

Общим в этих исследованиях выступает проблема формирования у государственных служащих нравственных ценностей, от которых зависит эффективность деятельности. В качестве механизма их формирования почти во всех случаях предлагается внесение изменений на законодательном уровне для становления новой модели этических и нравственных качеств государственных служащих.

Вопросы изучения ценностей государственных служащих Республики Казахстан поднимаются несколькими учеными [9; 10]. Традиционные ценности, характерные для казахстанцев (уважение к старшим, вежливость, чувство долга и т. п.), анализируются в статье Э. Кагазбаевой. Автор считает, что повысить уровень профессиональной этики государственных служащих Республики Казахстан возможно, «если приспособить традиционные нормы и правила для решения задач современного общества» [9, с. 31].

Представления казахстанских государственных служащих о ценностных ориентациях рассмотрены в исследовании Е. В. Селезневой и Г. А. Кенесовой. Наиболее значимые групповые и личные ценности были разделены на несколько групп: сфера государственной и общественной пользы, сфера исполнения профессиональных обязанностей, сфера самостоятельной творческой деятельности, сфера личного и карьерного роста. Е. В. Селезнева и Г. А. Кенесова пишут: «Наиболее значимыми ценностями государственных служащих как субъектов профессиональной деятельности выступили патриотизм, гуманизм, альтруизм, справедливость и т. п.» [10, с. 205–213].

Аналогичным образом проанализируем содержание карьерных предпочтений государственных служащих в трудах российских, а затем и казахстанских исследователей.

Многие российские ученые исследуют вопросы карьерных продвижений современных государственных служащих [11–17]. В работах И. В. Шумилова и С. В. Духновского выявлены различия в карьерных ориентациях *нормативных* и *ненормативных* государственных служащих [11; 12]. Под *социальной нормативностью* понимается «развитость морально-этической регуляции поведения, чувство ответственности, добросовестность, обязательность» [12, с. 182]. Полученные различия заключаются в следующем: «в группе ненормативных государственных гражданских служащих ведущими карьерными ориентациями являются профессиональная компетентность, менеджмент, автономия (независимость), предпринимательство. Тогда как у социально-нормативных государственных гражданских служащих в качестве доминирующих карьерных ориентаций (якорей) установлены стабильность работы, стабильность места жительства и служение» [12, с. 183].

В исследовании С. Н. Костиной и Е. В. Зайцевой выделены карьерные траектории государственных служащих, такие как аспекты карьеры, мотивы поступления на службу, карьерная мотивация, привлекательность службы, установки работать по специальности, карьерные ориентации, мотивы изменения своего служебного положения [13].

Возможности психологического сопровождения государственных служащих в их профессиональной деятельности и развития у них карьерной компетентности обсуждаются в статье Т. А. Томилиной [14]. Ученый описывает проект развития карьерной компетентности государственных служащих, понимая под ней вслед за Е. А. Могилевкиным «метаумение специалиста виртуозно оперировать знаниями и инструментами, дающими возможность решать,

помимо основных, нетипичные и нестандартные карьерные задачи, а также эффективно выстраивать собственный карьерный путь» [15, с. 118–119].

На наш взгляд, под таким *метаумением* следует понимать совокупность психологически важных качеств, своеобразных навыков гибкого поведения (навыки эффективной коммуникации – умение слушать, применять приемы активного слушания и др., навыки стратегического и критического мышления и т. п.).

В статье А. Р. Кудашева и С. Е. Пискаревой рассмотрены доминирующие ориентации в выборе карьеры, характерные для разных профессиональных групп руководителей – государственных служащих и менеджеров. Небольшие различия выявлены по таким карьерным ориентациям, как *Менеджмент, Автономия, Предпринимательство и Вызов*. Авторы объясняют эти различия тем, что «менеджеры нацелены на управление проектами, бизнес-процессами. Вероятность для проявления своих лидерских качеств, получение прибыли от бизнеса, работа, сопряженная с высокой ответственностью, являются основными ценностями и мотивами менеджеров» [16, с. 249].

При планировании карьерного роста на государственной службе необходимо учитывать разные факторы, которые могут различным образом повлиять на эффективность деятельности государственного органа в целом. Одними из таких факторов выступают так называемые карьерные риски – то, что может отрицательно влиять на карьерную динамику и создавать неблагоприятные условия для работы. Среди таких рисков Т. Л. Магомадова и др. выделяют возраст госслужащих, карьерный кризис и др. Анализируя различия между опытными и молодыми государственными служащими, авторы делают закономерный вывод о старении государственных служащих и «неспособности старшим поколением эффективно решать современные проблемы» [17, с. 183].

О роли аттестации служащих в их дальнейшем карьерном продвижении пишет Т. Ю. Нечаева [18]. Автор показывает алгоритм аттестации служащих государственного учреждения, конечные документы которой определяют направленность карьерного роста сотрудников. Здесь фактически представлена продуманная система оценки эффективности деятельности сотрудников, выступающая объективным основанием для итоговых заключений о возможностях карьеризма специалистов.

Обратимся к анализу исследований карьерных ориентаций государственных служащих в трудах казахстанских ученых. Изучением проблемы карьерного роста государственных служащих в Республике

Казахстан занимаются многие деятели науки [19–23]. Вопросы мотивации карьерного роста и совершенствования карьерных моделей раскрыты в статье С. Т. Каргабаевой и др. Результативными показателями для оценки эффективности функционирования системы управления карьерой выступают «уменьшение времени адаптации руководителей, развитие управленческих кадров, повышение профессиональной мобильности персонала, развитие мотивации удовлетворенности трудом» [19, с. 133].

Обсуждая проблемы и задачи кадровой политики в сфере государственной службы Республики Казахстан, М. Б. Советова и К. Т. Ауезова выделяют критерии профессионального государственного служащего, ряд из которых, на наш взгляд, актуален для современного состояния проблемы модернизации карьерных механизмов госслужащих. В частности, это «креативность и инициативность, стимулируемость морально, ориентированность на стратегические цели государства» [20, с. 129].

На основе изучения национальной модели государственной службы и зарубежной практики использования модели управления развитием карьеры государственных служащих С. С. Ыдырыс с соавторами выделяет проблемы, связанные с карьерным развитием государственных служащих в Казахстане. Исследователи делают вывод о том, что «внедрение новых методов продвижения карьерного роста государственных служащих, формирование кадрового резерва и систематическая работа с резервным персоналом являются эффективной мерой для обеспечения профессионализма и конкурентоспособности государственного аппарата» [21, с. 200].

Рассматривая качественные структурные изменения и развитие деятельности государственных административных служащих и государственных органов в Республике Казахстан, Д. Ж. Бейсенбеков предлагает рекомендации по преобразованию системы отбора кадров на государственную службу с целью улучшения карьерных механизмов [22].

Условия пандемии в достаточной степени повлияли и на ценности людей, и на уклад и образ жизни, и на эффективность профессиональной деятельности. Некоторые из последствий продолжают ощущаться и влиять на профессиональную активность специалистов до сих пор. Поэтому актуальным остается вопрос о преодолении различных жизненных трудностей и совладании с ними.

В работе С. Ибраева и соавторов осуществлена попытка привлечения внимания к вопросам, связанным с эффективностью дистанционной занятости в системе государственного управления

в Республике Казахстан [23]. На основании полученных данных ими был предложен ряд рекомендаций по повышению эффективности дистанционной занятости в системе государственного управления Республики Казахстан.

Методы и материалы

В наших работах [24; 25] уже были изучены мотивационные предпочтения и их влияние на карьерный выбор государственных служащих. Целью настоящего исследования, как уже отмечалось ранее, является выявление ценностных предпочтений в карьере государственных служащих. Для реализации этой цели было организовано и проведено эмпирическое исследование с применением следующих методов и психодиагностических инструментов: теоретико-методологический анализ литературных источников, обобщение, анализ, сравнение и систематизация полученных эмпирических и теоретических данных; методика Е. Б. Фанталовой «Уровень соотношения "ценности" и "доступности" в различных жизненных сферах» [26] и методика «Якоря карьеры», разработанная Э. Шейном и адаптированная В. А. Чикер, В. Э. Винокуровой [27, с. 85–96].

Методика Е. Б. Фанталовой позволяет определить наиболее важные жизненные ориентиры, то, что человек ценит в жизни, к чему стремится, что является значимым для него. Ценности личности, выступая регулятором поведения, определяют и жизненную, и профессиональную направленность, т.к. в своей работе большинство людей стремятся реализовать, воплотить свои ценностные предпочтения. Работа интересна для человека тогда, когда цели (ценности) деятельности и личные цели (ценности) совпадают. Ценности-цели (то, к чему человек стремится) иначе называются терминальными. Первая часть методики Е. Б. Фанталовой направлена на изучение иерархии именно терминальных ценностей (12 наименований), что и согласуется с целью предполагаемого исследования.

Методика «Якоря карьеры» представляет собой наиболее практико-ориентированный инструмент для определения предпочтений в карьере. Под *якорями* понимаются «ценностные ориентации, социальные установки, интересы и т.п., социально обусловленные побуждения к деятельности, характерные для определенного человека» [27, с. 85]. Одной из детерминант профессионального пути человека является *Я-концепция*, воплощаемая в конкретных карьерных решениях. Любому человеку свойственны определенные таланты, побуждения, мотивы и ценности, которыми он не сможет поступиться, осуществляя выбор карьеры. Прошлый

жизненный опыт формирует определенную систему ценностных ориентаций, социальных установок по отношению к карьере и работе [27, с. 86].

Методика Э. Шейна в адаптации В. А. Чикер, В. Э. Винокуровой позволяет выявить девять карьерных ориентаций, включая такие, как *служение, профессиональная компетентность*. Именно эти карьерные ориентации имеют ключевое значение в деятельности государственных служащих.

Исследование проводилось на двух выборках: российских и казахстанских государственных служащих – участников семинаров повышения квалификации (объем – 40 академических часов, длительность – 5 дней), проходивших обучение по схожей тематике в октябре 2023 г. Выборка и российских, и казахстанских государственных служащих составила 16 человек в каждой группе семинара повышения квалификации. Таким образом, общее количество респондентов, принявших участие в исследовании, составило 32 человека.

Результаты

В таблице 1 отражены результаты исследования значимости ценностных ориентаций для государственных служащих. В ходе обработки совокупности индивидуальных значений по каждой ценности они были объединены в среднее арифметическое, чтобы должным образом представить иерархию ценностей всей группы государственных служащих.

Наибольшую выраженность имеют такие ценности, как здоровье, счастливая семейная жизнь и любовь (табл. 1). В иерархии ценностных ориентаций государственных служащих они являются системообразующими и определяющими смысл жизни. В общечеловеческом плане такое соотношение оказывается достаточно очевидным и отражающим относительно гармоничную структуру ценностей личности. В наименьшей степени выражены такие ценностные ориентации, как красота природы и искусства, активная деятельная жизнь и творчество.

На следующем этапе эмпирического исследования были выявлены карьерные ориентации государственных служащих. В таблице 2 представлены средние значения по каждой карьерной ориентации (так же как и в случае с системами ценностей).

Благодаря полученным сведениям можно заметить, что в иерархии карьерных ориентаций у государственных служащих преобладают служение, стабильность работы и интеграция стилей жизни. Следовательно, карьера привлекает в том случае, если позволяет реализовывать в своей работе главные ценности и не нарушает привычный стиль жизни и окружение.

Средние значения в двух выборках государственных служащих как в случае системы ценностей, так и в случае карьерных ориентаций различаются незначительно. Для понимания того, как взаимосвязаны ценностные ориентации государственных

Табл. 1. Ценностные предпочтения российских и казахстанских государственных служащих
Tab. 1. Russian and Kazakh public servants: value preferences

Наименование ценности	Средние значения	
	РК	РФ
Активная, деятельная жизнь	2,8	2,4
Здоровье (физическое и психическое)	9,5	9,3
Интересная работа	3,9	4,2
Красота природы и искусства	1,8	1,9
Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	6,9	6,4
Материально обеспеченная жизнь	6,5	6,3
Наличие верных и хороших друзей	5,1	4,9
Уверенность в себе (отсутствие внутренних противоречий)	5,8	5,6
Познание (возможность расширения кругозора, общей культуры)	3,3	3,7
Свобода как независимость в поступках и действиях	5,1	5,8
Счастливая семейная жизнь	8,2	7,9
Творчество (возможность творческой деятельности)	2,7	2,2

Табл. 2. Показатели карьерной ориентации российских и казахстанских государственных служащих по методике «Якоря карьеры»

Tab. 2. Career orientation in Russian and Kazakh public servants, Career Anchors method

Наименование карьерной ориентации	Средние значения	
	РК	РФ
Профессиональная компетентность	5,91	5,82
Менеджмент	4,69	4,42
Автономия	6,22	5,94
Стабильность работы	7,89	7,38
Стабильность места жительства	6,85	7,11
Служение	8,56	8,28
Вызов	5,52	5,33
Интеграция стилей жизни	7,61	7,27
Предпринимательство	4,49	4,52

служащих с их карьерными предпочтениями, был применен корреляционный анализ с использованием коэффициента линейной корреляции Пирсона, по результатам которого были получены практически одинаковые коэффициенты в каждой из выборок. Поэтому в таблице 3 приведены результаты расчета, общие для каждой из выборок. Руководствуясь методикой расчета, определяем значения $r_{кр}$ с учетом степени свободы $k = n - 2$: $16 - 2 = 14$ – составит 0,50 ($p \leq 0,05$) и 0,62 ($p \leq 0,01$) (табл. 3).

Таким образом, выявлены значимые корреляционные связи между ценностями и карьерными ориентациями у государственных служащих (табл. 3). Чем в большей степени госслужащие ценят наличие интересной работы, тем в большей степени стремятся приносить пользу людям, обществу, а также максимально эффективно использовать таланты и опыт в своей профессиональной деятельности ($r_{эмп} = 0,50$; $p \leq 0,05$). Чем сильнее государственные служащие заинтересованы в интересном содержании работы, тем чаще готовы жертвовать личными ресурсами для продвижения в карьерном отношении ($r_{эмп} = 0,62$; $p \leq 0,01$).

Тенденция достойно в материальном отношении обеспечить себе жизнь сочетается с готовностью продвигаться в служебном отношении, получить повышение, даже несмотря на возможную смену места жительства ($r_{эмп} = -0,59$; $p \leq 0,05$). Тенденция управлять людьми, проектами или бизнес-процессами гармонично сочетается с повышением значимости такой ценности, как *уверенность в себе* ($r_{эмп} = 0,50$; $p \leq 0,05$). Наличие у государственных служащих личностной (отсутствие внутренних противоречий) и профессиональной зрелости приводит к осознанию необходимости повышения своего профессионального статуса и переходу на другой уровень управления.

Стремление государственных служащих расширить свой кругозор, повысить уровень общей культуры (ценность *познание*) определяет стремление заниматься своей профессиональной деятельностью по причине желания реализовать в своей работе главные ценности – приносить пользу людям, обществу ($r_{эмп} = 0,50$; $p \leq 0,05$).

Повышение уровня общей культуры может привести к гармонизации различных сфер жизни (личных потребностей, семьи, карьеры и т. п.) и повлиять на горизонтальное выстраивание карьеры, повышение профессионализма на основе погружения в свое профессиональное поле ($r_{эмп} = 0,50$; $p \leq 0,05$).

Если бы госслужащим пришлось выбирать между ценностью *счастливая семейная жизнь* и карьерным предпочтением, связанным с преодолением

Табл. 3. Ценности и карьерные устремления государственных служащих РФ и РК, корреляционный анализ, коэффициент Пирсона

Tab. 3. Values and career aspirations in Russian and Kazakh civil servants: correlation analysis and Pearson's coefficient

Шкала	Активная, деятельная жизнь	Здоровье	Интересная работа	Красота природы и искусства	Любовь	Материально обеспеченная жизнь	Наличие верных и хороших друзей	Уверенность в себе	Познание	Свобода	Счастливая семейная жизнь	Творчество
Профессиональная компетентность	-0,04	-0,15	0,05	0,22	-0,13	0,09	0,09	-0,01	-0,06	0,4	-0,01	0,2
Менеджмент	0,11	-0,4	-0,06	0,36	-0,36	0,07	-0,36	0,50*	-0,21	0,43	0,21	-0,1
Автономия	0,38	-0,42	-0,17	0,32	-0,12	0,09	-0,16	0,22	-0,11	0,15	0,19	-0,1
Стабильность работы	0,24	-0,26	-0,04	-0,05	-0,37	-0,01	0,27	-0,26	-0,11	0,01	-0,07	0,16
Стабильность места жительства	-0,27	-0,1	0,01	-0,14	0,09	-0,59*	0,29	-0,24	0,16	-0,3	-0,35	0,29
Служение	-0,01	-0,23	0,50*	0,06	-0,02	-0,16	-0,01	0,23	0,50*	0,44	0,01	0,36
Вызов	-0,45	-0,41	-0,08	-0,02	-0,39	-0,43	0,08	0,02	0,06	0,14	-0,51*	0,33
Интеграция стилей жизни	0,09	-0,2	-0,62**	-0,08	-0,07	-0,4	-0,18	0,32	0,50*	0,39	-0,08	0,28
Предпринимательство	0,11	-0,23	-0,25	-0,02	-0,38	-0,05	-0,36	0,10	-0,11	0,37	-0,38	0,23

Прим.: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

непреодолимых препятствий, решением неразрешимых проблем, то приоритетный выбор состоялся бы в пользу первой ($r_{эмн} = -0,51$; $p \leq 0,05$). Иначе говоря, значительное приложение усилий для решения уникальных проблем, конкуренция не являются привлекательными в карьерном отношении для государственных служащих. На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Для действующих российских и казахстанских государственных служащих государственная служба как профессиональная деятельность является привлекательной потому, что представляется надежным, стабильным видом работы, позволяющим реализовывать ключевые общечеловеческие и сугубо профессиональные ценности, и быть ориентированными на принесение пользы людям.

2. В карьерном отношении некоторые госслужащие, достигшие профессиональной и мотивационной зрелости, готовы занимать руководящие должности. Большая же их часть ориентирована на горизонтальный тип карьеры, т.к. это позволяет сохранять баланс между различными жизненными сферами и становиться профессионалом в своем деле, расширяя границы профессионального Я.

На основе полученных результатов (таблицы 1–3) можно дать следующую характеристику личности государственных служащих:

- стремятся приносить пользу людям, обществу, для них очень важно видеть конкретные плоды своей работы (карьерная ориентация *служение*);
- хотят, чтобы организационные отношения отражали уважение к их личным и семейным проблемам;
- отождествляют свою работу со своей карьерой (карьерная ориентация *интеграция стилей жизни*);
- ценят социальные гарантии, которые может предложить работодатель;
- стремятся получить возможность максимально эффективно использовать их таланты и опыт для реализации общественно важной цели (выраженность карьерной ориентации *профессиональная компетентность*).

Государственная служба как вид профессиональной деятельности имеет свои определенные ограничения. Это привносит в деятельность госслужащих ряд обязательств и накладывает свой отпечаток на возможную профессиональную и социальную активность. Поэтому основная физическая и психическая

активность сосредоточены в сфере работы (ценность *интересная работа*) и семейной жизни (ценность *счастливая семейная жизнь*), на творчество и восприятие прекрасного практически не остается времени.

Следовательно, для управления карьерой государственных служащих целесообразно заниматься выявлением мотивационных (руководствуясь результатами, полученными в предыдущих исследованиях [24; 25]) и ценностных предпочтений с целью оптимального развития талант-ресурсов и повышения эффективности деятельности как отдельных сотрудников, так и организации в целом. Ввиду этого целесообразно выявлять талантливых специалистов, поддерживать и развивать их творческие начинания. Другими словами, как отмечают Н. А. Белесова и Л. У. Асылбекова, «необходимо возвращать таланты на государственной службе» [28, с. 159]. Это фактически является содержанием одной из стратегий управления талантами, связанной с наймом перспективных специалистов и развитием их талантливости в профессиональной деятельности путем повышения квалификации, обучения посредством тренингов и т. п.

Для выявления и привлечения талантливой молодежи на государственную службу и в России, и в Казахстане делается многое на уровне государственной политики. Так, в проектах реформирования российской государственной гражданской службы были обозначены направления развития государственных служащих и повышения их мотивации, среди которых задача омоложения кадрового состава выделена как одна из ключевых. В регионах Российской Федерации работают программы по привлечению талантливой молодежи на государственную службу. К ним можно отнести стажировки в органах власти, создание *молодежного правительства*, учреждение специальных исследовательских грантов, проведение конкурсов гражданских инициатив молодежи, поддержка у волонтерского движения и др. В России создана работоспособная модель привлечения на государственную и муниципальную службу талантливых и одаренных молодых исполнителей, которые могут стать настоящим богатством отечественной государственной и муниципальной службы, поднимая качество деятельности государственных и муниципальных организаций на новые высоты [29, с. 183].

Большая работа по привлечению талантливой молодежи проводится в Республике Казахстан. С 2017 г. филиалом Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан по Северо-Казахстанской области (филиал Академии) совместно с территориальным Департаментом Агентства Республики Казахстан по делам

государственной службы (Департамент Агентства) реализуется проект «Школа молодого государственного служащего», в котором принимают участие студенты выпускных курсов вузов и колледжей. Цель проекта – повышение компетенций, необходимых для поступления на государственную службу. В рамках реализации этого проекта пополняется пул талантов на государственной службе. Всего было реализовано 7 выпусков, на данном этапе осуществляется формирование контингента и составление проекта программы обучения для 8 сезона. Перечень тем занятий постоянно обновляется в зависимости от изменений в действующем законодательстве и модернизации современной системы государственной службы Республики Казахстан. Основу для проекта программы 8 сезона составили темы, направленные на развитие навыков *гибкого поведения (softskills)*: эмоциональный интеллект, командообразование, эффективные коммуникации, стресс-менеджмент и т. п.

Другой мерой привлечения молодых специалистов на государственную службу можно назвать формирование Президентского молодежного кадрового резерва, который выступает одним из действенных социальных лифтов для талантливой молодежи. По поручению Президента Республики Казахстан отбор в резерв проводится раз в два года. Срок нахождения в резерве – 3 года. В этот период резервисты могут быть назначены на различные государственные должности без прохождения конкурсного отбора. В качестве перспективы планируется создание региональных кадровых резервов. Их основное назначение – развитие региона посредством использования потенциала человеческих ресурсов из числа государственных служащих, которые планируют свое карьерное развитие в пределах только своей области. Подтверждением актуальности создания такого резерва на региональном уровне является инициация молодыми государственными служащими нашей области учреждения Ассоциации молодых государственных служащих. Представленная идея была выдвинута слушателями, обучающимися на курсах переподготовки в филиале Академии, недавно поступившими на государственную службу, в рамках выполнения ими проектной работы. Авторы проекта внесли предложения по омоложению кадрового состава, привнесению свежего взгляда на профессиональную деятельность государственных служащих. В рамках проекта предлагается проводить встречи со студентами высших учебных заведений и колледжей, ярмарки вакансий, дни открытых дверей, заниматься профориентационной работой с учащимися 10–11 классов.

Это позволит популяризовать государственную службу и пополнить кадровый состав молодежью.

Претворение в жизнь мер по поиску и отбору талантливой молодежи на государственную службу является реализацией политики Президента Республики Казахстан по построению *слышащего государства* – это открытое и прозрачное государство, которое более оперативно и конструктивно реагирует на запросы граждан. Государство в лице государственных служащих должно стать ближе к населению, *услышать* потребности и нужды граждан. В качестве конкретного механизма перехода к *слышащему государству* выступила новая Концепция развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 г., подразумевающая построение *человекоцентричной* модели, которую обозначили как *люди прежде всего*⁴. Это означает, что в центре внимания – человек, услугополучатель с его потребностями, нуждами, запросами, ценностями. В ходе анализа текущей ситуации в Концепции отмечается отсутствие должного взаимодействия между гражданами и государством.

Имеющиеся варианты взаимодействия в виде отчетных встреч и т. п. носят фрагментарный характер и не имеют системной основы, не формируют доверия общества к государственным органам. В связи с этим необходимо перестроить подходы к принятию решений, научиться иначе смотреть на имеющиеся проблемы. Для этого нужно развивать психологические качества, свойства личности, в том числе мышление. Талантливые молодые люди умеют мыслить нестандартно, обладают другим взглядом на существующие вещи, поэтому целесообразно привлекать их на государственную службу.

Заключение

На государственном уровне как в России, так и в Казахстане осуществляется ряд мер, направленных на управление карьерой государственных служащих с учетом развития талантливости и ценностных предпочтений при выборе государственной службы как вида профессиональной деятельности. Наличие у государственных служащих системы ценностей-целей, в максимально возможной степени согласованных с целями и ценностями организации и самой профессиональной деятельностью, позволит трудиться им эффективнее – оказывать более качественно государственные услуги, быть более человекоцентричными (сосредоточенными на нуждах и потребностях услугополучателей),

т.к. ориентация на реализацию в своей деятельности ключевых личностных ценностей даст возможность достигать необходимых значимых жизненных целей.

Будучи ориентированными на процесс и результат деятельности, на определенное морально-ценностное вознаграждение в деятельности (признание проделанной работы со стороны руководства, общества, повышение престижности профессиональной деятельности и др.), государственные служащие станут выполнять свои функциональные обязанности качественнее.

Отсюда следует, что необходимо заниматься созданием условий для развития ценностей и талантов государственных служащих. В частности, важно содействовать им в получении и обогащении личного и профессионального опыта посредством стажировок в других государственных органах как на уровне регионов, так и в пределах государств. Имеется в виду организация прохождения стажировок молодыми государственными служащими, уже прошедшими испытательный срок, относительно освоившимися в пределах своего функционала, с целью дальнейшей профессионализации не только в пределах своей должности, но и с возможным освоением дополнительных функций внутри схожих должностей.

Это является необходимым для развития такой карьерной ориентации, как *профессиональная компетентность*, набравшей средние значения 5,91 в выборке РК и 5,82 в выборке РФ (максимум – 10 баллов) в сравнении с другими ориентациями. У государственных служащих в наибольшей степени должны быть развиты служение (т.к. это ключевая ценность государственной службы как вида профессиональной деятельности) и профессиональная компетентность. Поэтому следует уделять должное внимание развитию последней.

Стажировки можно организовывать по нескольким направлениям. Например, госслужащие из сельской местности могут стажироваться в госорганах области; сотрудники из госорганов области – в других регионах (для изучения опыта коллег) или – в центральных аппаратах министерств и т. п.

Целесообразно пересмотреть функции института наставничества с усилением его роли в адаптации и социализации впервые принятых на государственную службу. Трансляция опыта на основе измененной мотивации (предусмотреть иные варианты стимулирования опытных госслужащих

⁴ Об утверждении Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 г. Указ Президента Республики Казахстан № 522 от 26.02.2021. *ИПС Әділет*.

для вовлечения в наставническую деятельность) позволит формировать у молодых государственных служащих более ответственное отношение к профессиональной деятельности. Данная мера также направлена на развитие карьерной ориентации *профессиональная компетентность*. Кроме того, для повышения значимости ценности *интересная работа* (3,9 в выборке РК и 4,2 в выборке РФ) целесообразно заниматься вовлечением молодых специалистов в профессиональное взаимодействие с более опытными сотрудниками.

Эффективным выступает обучение современных руководителей трендам в управлении персоналом, в частности, умению применять так называемый *help-management*: помощь персоналу со стороны руководителя, что означает переход от позиции *иди и делай* к позиции *чем я могу тебе помочь, чтобы ты выполнил задание в срок и в нужном качестве*. Такая модель взаимодействия с сотрудниками может способствовать развитию инициативности, содействовать усвоению профессионального опыта и наращиванию профессионализма, приближая специалистов к желаемому в карьере продвижению (карьерная ориентация *менеджмент*, коррелируемая с ценностью *уверенность в себе*).

Реализация предложенных рекомендаций будет содействовать развитию и системы необходимых ценностей государственных служащих, и профессионального Я в целом.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Д. В. Лазаренко – анализ трудов казахстанских ученых, организация и проведение эмпирического исследования казахстанских государственных служащих, проведение математико-статистической обработки полученных данных, описание результатов и составление рекомендаций, техническое редактирование.

Л. Н. Антилогова – анализ трудов российских авторов, организация и проведение эмпирического исследования российских государственных служащих, описание полученных результатов, общее редактирование.

Contribution: D. V. Lazarenko was responsible for the technical editing of the materials, reviewed Kazakh publications, performed the empirical study of Kazakh civil servants, processed the data obtained, described the results, and formulated the recommendations.

L. N. Antilogova provided text editing and coherence, reviewed Russian publications, performed the empirical study of Russian civil servants, and describing the results obtained.

Литература / References

1. Бойко Е. А., Меньшова В. Н. Ценности государственной службы и гражданских служащих: перспективы для России. *Власть*. 2015. № 4. С. 116–123. [Boiko E. A., Menshova V. N. Values of the civil service and civil servants: Prospects for Russia. *Vlast*, 2015, (4): 116–123. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tphvkr>
2. Хорошкевич Н. Г. Политические ценности государственных гражданских и муниципальных служащих в современной России. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2019. № 3. С. 243–247. [Horoshkevich N. G. Political values of the state civil and municipal employees in modern Russia. *State and municipal administration. Scientific notes*, 2019, (3): 243–247. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-3-243-247>
3. Радько Е. Д. Ценности как элемент корпоративной культуры государственных служащих Сингапура. *Государственная служба*. 2019. Т. 21. № 5. С. 12–16. [Radko E. D. Values as an element of the corporate culture of civil servants in Singapore. *Public administration*, 2019, 21(5): 12–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-5-12-16>
4. Мишина А. Н. Ценности в структуре деятельности государственных служащих. *Тенденции развития науки и образования*. 2020. № 62-8. С. 71–74. [Mishina A. N. Values in the structure of public servant activities. *Trends in the development of science and education*, 2020, (62-8): 71–74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18411/lj-06-2020-170>
5. Катаева В. Б. Нравственные ценности государственного служащего. *VII Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина*: конф. (Пермь, 5–7 октября 2021 г.) Пермь: ПИ ФСИН, 2021. С. 31–33. [Kataeva V. B. Moral values of a public servant. *VII Pedagogical readings dedicated to Professor S. I. Zlobin*: Proc. Conf., Perm, 5–7 Oct 2021. Perm: PI FSIN, 2021, 31–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aqzkea>

6. Подольский Д. А. К вопросу о ценностном измерении управленческой деятельности. *Мир психологии*. 2021. № 4. С. 65–76. [Podolskiy D. A. On value dimension of managerial activity. *World of psychology*, 2021, (4): 65–76. (In Russ.)] https://doi.org/10.51944/2073-8528_2021_4_65
7. Ахметшин Д. Р., Даминдарова Ф. В. Современные требования к профессиональной этике государственных гражданских служащих. *Молодой ученый*. 2022. № 11. С. 87–92. [Ahmetshin D. R., Damindarova F. V. Modern requirements to professional ethics public civil employees. *Molodoi uchenyi*, 2022, (11): 87–92. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zhkuwg>
8. Селезнева Е. В. Представления российских государственных служащих о ценности общественного служения. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2023. № 96. С. 88–103. [Selezneva E. V. The value of public service in Representations of Russian civil servants. *Public administration. Electronic bulletin*, 2023, (96): 88–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96-88-103>
9. Кагазбаева Э. Роль традиционных ценностей в формировании этики государственных служащих Казахстана. *Государственное управление и государственная служба*. 2019. № 3. С. 31–38. [Kagazbayeva E. The role of traditional values in the formation of ethics of civil servants of Kazakhstan. *Public administration and civil service*, 2019, (3): 31–38. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dxeocy>
10. Селезнева Е. В., Кенесова Г. А. Ценности государственных служащих Республики Казахстан в их представлениях. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2022. № 90. С. 198–215. [Selezneva E. V., Kenesova G. A. Values of civil servants of the Republic of Kazakhstan in their representations. *Public administration. Electronic bulletin*, 2022, (90): 198–215. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-198-215>
11. Шумилов И. В. Карьерные ориентации государственных гражданских служащих. *Взгляд молодых ученых на современность: V Всерос. науч.-практ. конф. (Ханты-Мансийск, 23 ноября 2018 г.) Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2018. С. 198–203. [Shumilov I. V. Career orientations of state civil servants. *The view of young scientists on modernity: Proc. V All-Russian Sci.-Prac. Conf., Khanty-Mansiysk, 23 Nov 2018. Khanty-Mansiysk: Yugra State University, 2018, 198–203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqutxu>**
12. Духновский С. В. Карьерные ориентации и карьерная готовность государственных гражданских служащих с разным уровнем социальной нормативности. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2018. № 4. С. 181–186. [Dukhnovsky S. V. Career orientations and career readiness of the civil servants with the different level of social normativity. *State and municipal administration. Scientific notes*, 2018, (4): 181–186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqospz>
13. Костина С. Н., Зайцева Е. В. Карьерные траектории государственных и муниципальных служащих. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2019. № 3. С. 93–98. [Kostina S. N., Zaitseva E. V. Career trajectories of state and municipal employees. *Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. Series: Social sciences*, 2019, (3): 93–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/grjfed>
14. Томилина Т. А. Психологическое сопровождение развития карьерной компетентности государственных служащих в профессиональной деятельности. *Молодой ученый*. 2019. № 49. С. 574–577. [Tomilina T. A. Psychological support for the development of career competence of civil servants in their professional activities. *Molodoi uchenyi*, 2019, (49): 574–577. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mxqpbz>
15. Могилевкин Е. А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. СПб.: Речь, 2007. 336 с. [Mogilevkin E. A. *Career growth: Diagnostics, technology, training*. St. Petersburg: Rech, 2007, 336. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxgjuz>
16. Кудашев А. Р., Пискарева С. Е. Сравнительная характеристика карьерных ориентаций государственных служащих и менеджеров. *Человеческий фактор: социальный психолог*. 2021. № 1. С. 243–250. [Kudashev A. R., Piskareva S. E. Comparative characteristics of career orientations of civil servants and managers. *Chelovecheskii faktor: sotsialnyi psikholog*, 2021, (1): 243–250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/daohda>
17. Магомадова Т. Л., Кагирова С. Ш., Танчилов А. А. Управление карьерными рисками государственных гражданских служащих. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2021. № 37. С. 182–186. [Magomadova T. L., Kagirova S. Sh., Tanchilov A. A. Career risk management for public civil servants. *Natural sciences and humanities research*, 2021, (37): 182–186. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-537-182-186>
18. Нечаева Т. Ю. Аттестация служащих в государственном учреждении как рост по карьерной лестнице. *Форум молодых ученых*. 2021. № 2. С. 111–115. [Nechaeva T. Yu. Certification of employees in a public institution as career growth. *Forum of young scientists*, 2021, (2): 111–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrvnsi>
19. Карабаева С. Т., Альмухамбетова Б. Ж., Ерманкулова Р. И. Управление карьерой государственных служащих в условиях реформирования государственной службы в Казахстане. *Статистика, учет и аудит*.

2017. № 3. С. 129–135. [Kargabaeva S. T., Almukhambetova B. J., Ermankulova R. I. Career management of civil servants in the context of civil service reform in Kazakhstan. *Statistics, accounting and audit*, 2017, (3): 129–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymfrgx>
20. Советова М. Б., Ауезова К. Т. Основные проблемы и задачи кадровой политики государственных служащих Республики Казахстан. *Вестник политеха*. 2018. № 1. С. 128–130. [Sovetova M. B., Auezova K. T. The main problems and tasks of the personnel policy of civil servants of the Republic of Kazakhstan. *Vestnik politekha*, 2018, (1): 128–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xqbnop>
21. Ыдырыс С. С., Альмухамбетова Б. Ж., Ерманкулова Р. И. Мемлекеттік қызметкерлердің мансаптық өсуін басқару мәселелері және шешу жолдары. *Статистика, учет и аудит*. 2019. № 1. С. 200–205. [Ydyrys S. S., Almukhambetova B. Zh., Ermankulova R. I. Management of career growth of state employees: Problems and ways of solution. *Statistics, accounting and audit*, 2019, (1): 200–205. (In Kazakh)] <https://elibrary.ru/ciwecl>
22. Бейсенбеков Д. Ж. Қазақстан Республикасындағы мемлекеттік әкімшілік қызметшілер мен мемлекеттік органдар қызметінің дамуы. *Молодой ученый*. 2023. № 1. С. 282–284. [Beisenbekov D. J. Development of the activities of administrative civil servants and state bodies in the Republic of Kazakhstan. *Molodoi uchenyi*, 2023, (1): 282–284. (In Kazakh)] <https://elibrary.ru/ttojcp>
23. Ibrayev S., Nemes J., Kussainova L. The impact of remote working on the efficiency of civil servants in Kazakhstan. *Central Asian Economic Review*, 2023, (1): 33–47. <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-1-33-47>
24. Лазаренко Д. В. Исследование мотивации впервые поступивших на государственную службу. *Государственное управление и государственная служба*. 2017. № 1. С. 143–149. [Lazarenko D. V. The study of motivation of new entrants to the civil service. *Public administration and civil service*, 2017, (1): 143–149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cuvyul>
25. Лазаренко Д. В. Особенности мотивации и карьерных ориентаций государственных служащих. *Государственное управление и государственная служба*. 2018. № 2. С. 2–9. [Lazarenko D. V. Features of motivation and career orientations of civil servants. *Public administration and civil service*, 2018, (2): 2–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gvcsjz>
26. Фанталова Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: БАХРАХ-М, 2001. 128 с. [Fantalova E. B. *Diagnosis and psychotherapy of internal conflict*. Samara: BAHRAH-M, 2001, 128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrglex>
27. Чикер В. А. Психологическая диагностика организации и персонала. СПб.: Речь, 2006. 172 с. [Chiker V. A. *Psychological diagnostics of the organization and staff*. St. Petersburg: Rech, 2006, 172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxkelp>
28. Белесова Н. А., Асылбекова Л. У. Талант-менеджмент: критерии отбора талантов на государственной службе. *Евразийское научное объединение*. 2015. Т. 2. № 7. С. 156–159. [Belesova N. A., Asylbekova L. U. Talent management: Criteria for the selection of talents in public service. *Eurasian Scientific Association*, 2015, 2(7): 156–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubogtt>
29. Зайцева Т. В., Нежина Т. Г. Привлечение молодежи на государственную и муниципальную службу: опыт регионов России. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2019. № 1. С. 160–189. [Zajceva T. V., Nezhina T. G. Involving young people in state and municipal service: The experience of Russian regions. *Public administration issues*, 2019, (1): 160–189. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxmodg>

обзорная статья

<https://elibrary.ru/zapvza>

Исследования коррупции в отечественных социальных науках: политический аспект

Чирун Сергей Николаевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 1195-2355

<https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

sergii-tschi@mail.ru

Гладких Сергей Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5081-1793

Аннотация: Статья посвящена выявлению и анализу особенностей изучения и интерпретации феномена коррупции современными российскими учеными с учетом существующих в отечественных научных исследованиях методологических и прикладных подходов к интерпретации данного явления. Для достижения поставленной цели в ходе исследования применен дискурс-анализ научных работ, представленных как публикациями в академических периодических изданиях, так и защищенными на территории России диссертациями на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук. Рассмотрены различные типы коррупции (бытовая, политическая, административная) и их специфика. Сделан вывод о неоднозначности существующих научных подходов к интерпретации феномена коррупции в различных науках, а также понимания ее причин и путей превенции представителями различных научных школ и направлений. При этом потенциал влияния коррупциогенных факторов на общественно-политические, социальные и экономические процессы, имеющих место в нашей стране и в мире, большинством исследователей определяется как существенный, что демонстрирует значимость исследований указанной проблематики. Не менее значимыми представляются связанные с влиянием коррупционного фактора угрозы, риски и вызовы в отношении перспектив неуправляемой трансформации общественно-политических систем, что позволяет сделать вывод об актуальности и перспективности проведения дальнейших междисциплинарных исследований феномена коррупции.

Ключевые слова: исследования коррупции, виды коррупции, технологии коррупции, причины коррупции, антикоррупционная политика

Цитирование: Чирун С. Н., Гладких С. С. Исследования коррупции в отечественных социальных науках: политический аспект. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 183–197. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-183-197>

Поступила 01.02.2024. Принята после рецензирования 23.04.2024. Принята в печать 06.05.2024.

review article

Corruption Studies in Domestic Social Sciences: Political Aspect

Sergey N. Chirun

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 1195-2355

<https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

Sergii-Tsch@mail.ru

Sergey S. Gladkikh

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5081-1793

Abstract: The authors identified and analyzed the methodological and applied approaches to the phenomenon of corruption in modern Russian science. They performed a discourse analysis of research publications and dissertations on petty, political, and administrative corruption. The existing scientific interpretations of corruption, its causes, and prevention depend on the scientific school. However, scientists are unanimous in their evaluation of the negative influence of corruption factors on political, social, and economic domestic and global processes, which demonstrates the relevance of corruption studies. Corruption causes threats, risks, and challenges to society, which might result in an uncontrolled transformation of socio-political systems, hence the need for further interdisciplinary research.

Keywords: corruption research, types of corruption, technologies of corruption, causes of corruption, anti-corruption policy

Citation: Chirun S. N., Gladkikh S. S. Corruption Studies in Domestic Social Sciences: Political Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 183–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-183-197>

Received 1 Feb 2023. Accepted after peer review 23 Apr 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

В самом общем виде понятие *коррупция* (от лат. *corruptire* – разложение, порча) может быть охарактеризовано как искажение нормативно-регламентированного порядка реализации институционализированных процессов. В английском языке слово *коррупция* присутствует как существительное и как глагол (*corruption, to corrupt*) и означает упадок, порчу, процессы гниения, разложения и распада. Таким образом, этимология понятия *коррупция* изначально была связана с негативными общественно-политическими явлениями и процессами.

В русском языке популярное ныне слово *коррупция* утвердилось лишь в годы горбачевской «перестройки», тогда как в дореволюционный период в нашей стране активно использовались такие близкие понятия, как *мздоимство, лихоимство, продажность, поборы, бакиши, хабара, магарыч*, а в СССР предпочитали использовать понятия *взятничество* или *злоупотребление служебным положением*.

Сегодня понятие *коррупция* нередко используется как характеристика состояния политических и общественных институтов. В этом контексте коррупция рассматривается как социальная аномия, препятствие на пути политического транзита и одновременно как угроза утраты легитимности политическим режимом, обусловленная доступом к власти преступных элементов.

Обращаясь к юридическим определениям коррупции, следует отметить, что здесь существуют три основных научных подхода к ее определению.

1. Первый рассматривает коррупцию как уголовно-правовое явление, характеризующее процесс и результат взаимодействия корруптора и коррупционера, обусловленный феноменом продажности должностных лиц государства.

2. Коррупция как использование государственными и муниципальными служащими институциональных ресурсов и возможностей в личных корыстных целях.

3. Третий подход – самый широкий – рассматривает коррупцию как любое неправомерное использование служебных полномочий и ресурсов независимо от наличия институциональной принадлежности к структурам государственной власти и местного самоуправления [1, с. 12].

Согласно одному из первых международных документов, упоминающих коррупцию – Кодексу поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г.¹, феномен коррупции должен быть установлен в национальном праве. Но для общего ориентира предлагается рамочная интерпретация коррупции – как действие либо бездействие должностного лица, осуществляемое за вознаграждение. Причем вне зависимости от того, совершает ли должностное лицо указанные действия в соответствии с должностным регламентом либо вопреки ему [2].

В международном праве устоялась широкая трактовка коррупции как корыстного служебного злоупотребления, не сводящегося только лишь к подкупу. Например, Совет Европы предложил развернутое определение коррупции, в котором она не сводится к банальному взяточничеству. В этом определении под коррупцией понимается «поведение сотрудников, связанное с выполнением определенных обязанностей в государственном или частном секторе и которое ведет к нарушению обязанностей, которые возложены на них по статусу государственного должностного лица, либо частного сотрудника, либо независимого агента или иного вида отношений и имеет целью получение любых незаконных выгод для себя и других» [3, с. 34].

Между тем нельзя не признать, что повседневное использование термина *коррупция* зачастую предполагает в той или иной степени субъективный и конструируемый характер. Одно и то же действие в различных смысловых рамках (фреймах) может рассматриваться и как проявление *особенностей*

¹ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1979. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 20.12.2023).

национальной культуры, и как модус социального партнерства, и как проявления коррупции.

В силу этого употребление термина *коррупция* может носить характер наклеивания ярлыков, например, лидеры оппозиции нередко заявляют о коррумпированности представителей власти, а те, в свою очередь, возбуждая уголовные дела в отношении представителей оппозиции, стремятся к вынесению обвинительного приговора для своих политических оппонентов именно по коррупционным статьям с целью тем самым лишить оппозицию ярких представителей, а также «отступников»² их социальной базы, общественной поддержки и добиться их максимальной изоляции от общества.

С субъективизмом и конструируемостью понятия *коррупция* связана его экзонимичность, т.е. данное понятие политическими акторами обычно применяется для характеристики «других»: индивидов, групп интересов, партий, кланов, клиентел, парантелл, но только не себя и не представителей своей ингруппы.

Цель данной обзорной статьи – выявить и проанализировать особенности изучения и интерпретации феномена коррупции современными российскими учеными с учетом существующих в отечественных научных исследованиях методологических и прикладных подходов к интерпретации данного явления.

Для достижения цели применялся дискурс-анализ³ научных работ, представленных как публикациями в академических периодических изданиях, так и защищенными на территории России диссертациями на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Результаты

Современные коррупционные отношения предполагают широкую возможность для их типологизации по различным основаниям. На наш взгляд, наиболее перспективным является выделение рыночных и нерыночных (сетевых [5], системных [6], институциональных [7] и прочих) типов коррупции [8].

Наиболее резонирующей с настроениями общества разновидностью рыночной коррупции принято считать бытовую коррупцию. Проблематике бытовой коррупции в российской электронной библиотеке eLibrary.ru посвящено 297 публикаций (на 14.08.2023). А. П. Суходолов и др. исследуют

бытовую коррупцию как комплексное криминологическое явление, рассматривают динамику бытового взяточничества, устанавливают его понятийные границы, обозначают ключевые индикаторы и характеристики взяточничества. Авторами отмечается тенденция «опривычивания» бытовой коррупции, что, по их мнению, находится в корреляции с ростом числа коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, таких как взятки, мошенничество, превышение служебных полномочий и злоупотребление ими. Согласно точке зрения указанных авторов, в правоохранительных органах уже давно сформированы схемы оказания различных коррупционных услуг, о чем свидетельствуют типичность и стабильность коррупционного поведения силовых органов. Также авторы обращают внимание на то, что если ранее бытовая коррупция имела относительно равномерный характер, то теперь она функционирует по принципу «очаговости» [9].

Несмотря на ее чрезвычайную актуальность, проблематике бытовой коррупции, по мнению М. В. Номоконова и А. А. Русановой, все еще уделяется недостаточно внимания со стороны научного сообщества [10]. Е. В. Дьякова указывает на необходимость не только усиления мер, направленных на борьбу с самим указанным явлением, но и устранения причин, провоцирующих феномен бытовой коррупции [11].

Между тем ученые расходятся в определении основных бенефициаров бытовой коррупции. Так, по мнению ряда авторов, основными *бытовыми* коррупционерами в РФ являются работники сфер образования и медицины (доктора и учителя), а сама бытовая коррупция, как утверждает А. В. Савинский, процветает, соответственно, в медицинских и образовательных учреждениях [12]. Подобной точки зрения придерживаются А. Г. Таилова и А. А. Магомедов [13]. Е. Ю. Захарова и Г. Ю. Носаненко разделяют данное мнение. Они утверждают, что коррупция в российской медицине сегодня – обыденное явление. Данные проведенного ими исследования показывают, что каждый третий респондент вовлечен в коррупционные действия при решении основных бытовых проблем (в данном случае медицинских) и не видит ничего предосудительного, если их можно решить более быстро и качественно, но с помощью подарка / взятки. В результате, делают вывод авторы,

² В данном случае под «отступниками» понимаются представители правящей элиты, нарушившие неформальные групповые нормы и за это подвергнутые групповому ostracismu, например: М. Абызов, А. Улюкаев.

³ Дискурс-анализ представляет совокупность методов интерпретации текстов или высказываний как продуктов коммуникативной деятельности людей, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах. Подробнее см. в [4, с. 215–230].

коррупционные действия в медицине неоднократно воспроизводятся, становясь со временем социально одобряемым способом поведения [14].

Т. Г. Ганиев приводит аргументы, почему, по его мнению, именно сфера здравоохранения является безусловным лидером по проявлениям бытовой коррупции [15], тогда как в исследовании Н. В. Митрофанова множественные проявления бытовой коррупции связываются прежде всего с процессом получения студентами высшего образования [16].

Д. В. Дубенюк призывает обратить внимание на общественную опасность мелкого взяточничества, традиционно относимого к сфере бытовой коррупции [17]. И. С. Куприянов отмечает необходимость организации регулярных мониторингов бытового взяточничества в различных регионах страны для изучения ситуации в динамике и оценки эффективности проводимых антикоррупционных мероприятий [18].

Однако для нас по понятным причинам наибольший интерес представляет политическая коррупция, а также ее генезис, разновидности и проблемы теоретического осмысления [19]. Отметим, что любой, и в том числе политический, тип коррупции неразрывно связан с фактически существующими экономическими институтами, поскольку, как справедливо замечает А. Д. Богатуров, «Ориентированному на прямой подкуп чиновников бизнесу не нужны работающие институты гражданского общества, и он в них не инвестирует» [20, с. 19]. Напротив, бизнес, используя работающие технологии коррупции, «"вкладывает деньги" в государство, вернее, в чиновников» [20, с. 19].

Сразу следует уточнить, что поскольку публичная власть функционирует посредством системы политических институтов, любая коррупция, являясь изначальной формой злоупотреблений властью в широком смысле может рассматриваться в качестве политической коррупции. А проблема распространенности коррупционных отношений в сфере публичной власти определяется двумя ключевыми факторами: институциональным качеством публичной власти, индивидуальными качествами реализующих публичную власть должностных лиц [21, с. 34]. Это является уместным в ситуации ориентации на широкий подход в идентификации коррупционных отношений.

В случае же узкого подхода из всей сферы потенциальных коррупционных отношений целесообразно выделять именно те, которые напрямую связаны с различными аспектами публичной политики и политического управления, а именно: политический консалтинг, электоральные процессы и технологии;

лоббирование законопроектов и прочая лоббистская деятельность; процедуры обсуждения и принятия бюджета, законопроекта; финансирование деятельности политических партий и избирательных компаний, а также политическая составляющая определения вопросов собственности.

Отдельные исследователи предлагают дифференцировать политическую коррупцию и политический аспект коррупции. Под *политическим аспектом* коррупции ими понимается политический феномен, который не носит системного характера, но интегрирован в структуру коррупционных отношений. Тогда как *политическая коррупция* – это «общественный вид коррупции, субъекты которого (официальные и неофициальные, формальные и неформальные) стараются различными механизмами, технологиями политического свойства решать корыстные интересы, проблемы политико-неправомерного характера и тем самым способствовать разрушению политической системы общества, форм государства, мировоззрения личности» [22, с. 20]. Политическая коррупция как явление характеризуется целостностью и системностью, а акторы политической коррупции политичны по своей природе, целям и мотивации [23]. На это обращают внимание исследователи, пытающиеся выйти на решение проблемы коррупции через трансформацию личностных мотиваций.

В рамках уже самой политической коррупции можно выделить ряд ее типов. Например, можно выделить внутреннюю и международную политическую коррупцию. Касаясь последней, С. А. Кравченко и Е. В. Охотский указывают на изменения содержания коррупции в глобализирующемся мире, имманентный характер которого определяется резким увеличением неопределенностей и турбулентностей. По их мнению, для обеспечения эффективного противодействия вызовам глобальной коррупции «необходима адекватная *системная рефлексия* национальных и международных акторов» [24, с. 118]. Сдругой стороны, даже внутренние проблемы коррупции могут приобретать глобальное значение независимо от изначальной коррупционной типологии [25].

Тем не менее объективно уже сами процессы глобализации, связанные со стремительным развитием международных связей и отношений, по мнению С. П. Глинкиной, способствуют росту коррупции, особенно ее транснациональных и международных форм [26].

В центре коррупционного скандала, в значительной мере детерминируемого борьбой не только двух ведущих американских партий, но также глобальных элит, сегодня оказывается институт президента США. Не случайно ряд известных политиков,

представляющих республиканскую партию США, публично обвиняют президента США Дж. Байдена и членов его семьи в совершенных ими коррупционных преступлениях⁴.

Но дело здесь не только в личностных особенностях и пристрастиях конкретного политика и его окружения. По мнению Е. В. Смолянинова, уже сама специфика политического фандрайзинга в рамках американской внутренней политики формирует латентную структуру распределения ресурсов между государством и гражданской экономикой. Центром такого распределения институционально выступает президент, который использует инструмент коррупции, воздействуя на политическое регулирование [27].

В современном международном праве Л. Л. Блашкова отмечает отсутствие четкого и однозначного определения коррупции, равно как и юридически значимых признаков коррупции. Именно отсутствие на международном уровне корректной правовой дефиниции феномена коррупции, по ее мнению, порождает сложности идентификации коррупционных преступлений [28].

Иной точки зрения придерживается А. В. Швецов, по мнению которого институты ООН, несмотря на сохраняющиеся проблемы, все же являются эффективной площадкой для международного сотрудничества и диалога в рамках функционирования реально действующего антикоррупционного механизма [29].

Усилиями международного сообщества, как отмечают О. А. Кислый и М. А. Исаева, совершенствуется нормативная правовая база, а также механизм противодействия и предотвращения коррупционной деятельности в условиях нового технологического уклада [30], и это определяется сложностью и многогранностью решаемых задач. Ведь «если коррупционные преступления, совершаемые на национальном уровне, подрывают основы нормальной деятельности конкретного государства, и даже отдельных его институтов, то транснациональные коррупционные преступления подрывают общемировые финансовые, политические и экономические секторы, в результате чего происходит снижение продуктивности осуществляемых социальных, экономических, политических и иных программ, снижается эффективность инвестиционных проектов, что в конечном итоге способствует недобросовестной конкуренции и деятельности свободного рынка» [31, с. 15].

Однако, стремление международного сообщества выработать эффективные инструменты противодействия коррупционным преступлениям сопряжено и с определенными сложностями. Так, Е. А. Ковтун называет основные риски, с которыми сталкиваются международные акторы при реализации антикоррупционных мер, основанных на нормах международного права [32].

Главным препятствием на пути эффективного международного сотрудничества и унификации нормативно-правовых норм в борьбе против коррупционных правонарушений, по мнению П. С. Коротковой и Б. Б. Юсупова, являются разные системы права, различия в национальных интересах международных акторов [33].

Например, М. В. Баранова и И. П. Чикирева отмечают не только имеющиеся сходства, но и определенные различия, которые, по их мнению, мешают в интерпретации международных и российских принципов противодействия коррупции [34]. Кроме того, сами национальные государства, или по крайней мере политическая элита национальных государств, по мнению А. Н. Пророкова, далеко не всегда заинтересованы в эффективной борьбе с международной коррупцией. Именно с этим фактом автором связывается существование международных экономических офшоров [35].

О. А. Адоевская, отмечая существующие проблемы правоприменительной практики, утверждает, что даже коррумпированные российские чиновники, участники международных коррупционных отношений в реальности могут быть подвергнуты лишь мягкому, скорее символическому, нежели реальному наказанию за участие в международных коррупционных схемах [36], что вряд ли способствует эффективному противодействию проблеме международной коррупции. В этой связи А. Ф. Линецкий и другие исследователи, анализируя перспективы преодоления коррупции при ведении внешнеэкономической деятельности в России, приходят к неутешительному выводу о невозможности полного решения данной проблемы в обозримой перспективе [37].

Но существует и более высокий коррупциогенный уровень, отражающий трансцендентные основания глобальной коррупции, который политологи связывают с тотальным господством капитала, когда коррумпированные глобальные элиты не просто диктуют свою волю формально демократически избранным правительствам национальных государств, но и сами, по сути, определяют результаты

⁴ Senator releases FBI source's claim of Biden bribes from Ukraine. *BBC News*. 21 Jul 2023. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/world-us-canada-66272217> (accessed 20 Dec 2023).

де-юре демократического выбора [38] или же манипулируют общественным выбором при помощи сетевых технологий и *умных алгоритмов* [39].

Нередко в качестве специфической разновидности внутренней политической коррупции исследователями выделяется *административная коррупция* – по факту представляющая собой коррупционную нишу в системе государственного управления.

Так, В. Л. Римский с горечью признает: «Во многих взаимодействиях с органами власти обеспечение частных интересов граждан и бизнесменов осуществляется в нашей стране с помощью коррупции. Современная российская бюрократия во многом порождает и поддерживает коррупцию» [40, с. 105]. К. С. Расторгуева подчеркивает, что масштабы коррупции в органах власти в Российской Федерации колоссальные, и продолжается ежегодный рост должностных преступлений, и хотя в нашей стране на всех уровнях управления много говорится об активном противодействии коррупции, однако указанное противодействие характеризуется сравнительно низкой эффективностью [41].

Одним из путей решения указанной проблемы исследователи видят в дальнейшем расширение и внедрение информационных технологий в административную сферу общества, что призвано оптимизировать работу государственных органов, в том числе снизить долю коррупции в административном аппарате [42].

Значительную роль в противодействии коррупции, по мнению уральских политологов О. Ф. Русаковой и Е. Г. Грибовод, способна сыграть эффективная медиатизация антикоррупционной политики, предполагающая принятие системы мер для обеспечения информационной поддержки антикоррупционной деятельности государства [43].

Российские исследователи практически единодушны в том, что коррупция в системе государственного управления, являясь болезнью политической власти, приводящей к ее перерождению [44], подрывает социально-экономические и политические устои российской государственности [45]. При этом административная коррупция нередко бывает тесно интегрирована с *корпоративной*, или *деловой*, коррупцией [46].

Проблематике последней на сайте elibrary.ru посвящено около 200 научных публикаций. А. Г. Васильевич предлагает типологию системы мер по предупреждению коррупции в органах государственного управления, которые, по его мнению, носят правовой, служебный, профилактический, общественный, технологический, а также психологический характер [47].

Вместе с тем исследователи признают, что эффективность предлагаемых мер стратегического и тактического характера будет в значительной мере зависеть от полноты и системности реальных действий, направленных на противодействие коррупции [48], но пока коррупция, являясь главным фактором сдерживания экономического развития, превращается в основную угрозу национальной безопасности России [49, с. 81].

Исследователи отмечают, что проблематика безопасности приобретает особую актуальность в ситуации, когда речь идет о коррупционных преступлениях, совершаемых с участием военнослужащих, т.е. людей, от чьих действий напрямую зависит эффективность обороны государства и обеспечение национальной безопасности [50]. Сложившийся теневой альянс административной элиты и крупного бизнеса может приводить к узурпации ими политической власти и монополизации различных секторов производства, следствием чего является не только утрата политических свобод населением, но и актуализация для населения проблем социально-экономического характера.

Однако именно стремление граждан к прозрачности и открытости власти является, по мнению М. А. Батищевой, важнейшим фактором, обеспечивающим результативность борьбы с административной коррупцией [51].

Р. С. Мухаметов и Н. А. Буянов используют термин *регулятивный захват*, под которым понимают коррупцию власти, которая происходит, когда политический субъект кооптируется для обслуживания коммерческих или иных интересов экономического субъекта [52]. Такого рода захваты могут приобретать характер ренты, которая в своем негативном аспекте нередко сопоставляется с патрон-клиентскими отношениями и рассматривается как очевидное проявление коррупции [53].

К актуальным проблемам противодействия административной коррупции помимо борьбы с коррупцией в системе государственной власти можно отнести и повышение эффективности противодействия коррупции в органах местного самоуправления [54].

Вместе с тем Э. Х. Грипп и Ю. Х. Яхина полагают, что российское государство мало уделяет внимание местному самоуправлению, не в полной мере реализуя необходимые профилактические меры для противодействия коррупции на муниципальном уровне организации власти [55].

По мнению А. В. Воробьева, необходимо последовательно решать проблемы административной коррупции, но для этого требуется осуществить комплексную ревизию антикоррупционного

законодательства, развивая его сразу в нескольких направлениях, в том числе совершенствуя законодательство о коррупции на федеральном, региональном и муниципальном уровнях [56]. В системе местного самоуправления он выделяет три группы коррупциогенных факторов: недостатки российского законодательства в сфере противодействия коррупции на местном уровне; проблемы самой системы органов местного самоуправления; проблемы подбора кадров для местного самоуправления.

А. В. Воробьев называет проблемы системы местного самоуправления, способствующие коррупции: бюрократизм и волокита; преобладание распорядительных методов работы; избыточность низкоквалифицированного аппарата местного самоуправления; низкая зарплата аппарата местного самоуправления; низкий образовательный, профессиональный, моральный уровень сотрудников местного самоуправления; незаинтересованность руководства в выявлении фактов коррупции [56].

Обращаясь к отечественным диссертационным исследованиям, выполненным в 2000–2023 гг., следует отметить, что среди диссертаций, посвященных коррупционной тематике, преобладают работы по юридическим наукам (всего 241, из них 11 докторских [57–67]). Почти столь же активно разрабатывают коррупционную проблематику экономисты (146 диссертаций, из них 11 докторских [68–78]).

В рамках юридического подхода коррупция преимущественно интерпретируется исследователями как система действий, подрывающих существующую нормативно-правовую систему.

Основное внимание в этом подходе уделяется значению и роли действующего законодательства, а также подзаконных актов в превенции и пресечении проявлений коррупции. Отсутствие четкого правового поля, публичные нарушения принципов легитимности выступают следствием правового дисбаланса и кризиса правовых институтов.

В отличие от нормативно ориентированных юристов, экономисты рассматривают коррупцию как проблему, обусловленную прежде всего нарушением законов рынка. Это также связывается исследователями с пережитками, ложными ценностями, суевериями, закрепившимися в культуре и национальном менталитете, с неэффективным администрированием, волюнтаризмом в принятии политических и управленческих решений, в целом всем тем, что противоречит законам рынка и практической целесообразности.

Политологи в целом рассматривают коррупцию как латентную сферу политических ресурсов и возможностей, значительно выходящих за параметры

правового поля, но при этом реально влияющих на государственную власть и принятие / реализацию политических и управленческих решений. Российские авторы уделяют внимание как формальным, так и латентным аспектам управленческой деятельности. Ими учитываются как личностные аспекты коррупционных девиаций, так и системные влияния сложившейся институциональной среды, детерминирующие определенный тип поведения со стороны субъектов коррупционных отношений.

Политическим аспектам коррупции в современной РФ по данным РГБ в период 2000–2023 гг. посвящено 82 диссертации. Среди них 3 докторских и 79 кандидатских диссертаций. Из них большинство работ посвящено общим вопросам коррупции и ее отечественной специфике. Однако интерес политологов не ограничивается лишь российскими коррупционными реалиями. Также в защищенных работах представлен опыт антикоррупционной политики и других государств. В лидерах – коррупционные исследования по странам Юго-Восточной Азии: КНР – 2 диссертации [79; 80]; по одной диссертации посвящено Республике Корея [81] и Демократической Республике Вьетнам [82]. Центральная Азиатская часть постсоветского пространства представлена двумя диссертациями, затрагивающими Киргизстан [83] и Таджикистан [84]. Одна диссертация посвящена государствам Африки [85], как и проблемам коррупции в Польше, одна – политической коррупции в Финляндии и Эстонии [86].

По социологическим наукам на тему коррупции в России за указанный период защищено 26 диссертаций, из них 3 – на соискание ученой степени доктора социологических наук [87–89]. Несколько утрируя, можно утверждать, что в рамках социологического подхода коррупция анализируется как следствие детерминации определенных социальных факторов, включающих общекультурные, национально-этнические, морально-этические, социально-экономические и кризисные процессы (аномии), переживаемые общественными институтами.

Представителями философской науки защищено 10 кандидатских диссертаций по проблемам коррупции. Указанные авторы, как правило, исследуют коррупцию, представляя ее как аксиологическую проблему, истоки которой прослеживаются ими в образах коллективного бессознательного, присутствующего в народной культуре, верованиях и традициях различных народов мира. Философский анализ в данном случае основывается преимущественно на теоретико-методологических основаниях философского подхода и ценностной интерпретации феномена коррупции.

Заключение

Теоретические основания и практические решения различных научных подходов, представленных в исследовательской практике российских авторов, в целом представляют коррупцию как комплексную модель, влияющую на разные сферы общественного развития и не сводимую лишь только к ее узко-рыночным формам или традиционному взяточничеству.

Без понимания разных смыслов и контекстов динамики коррупционных отношений российским исследователям бывает очень сложно выстроить адекватную модель, объясняющую устойчивость воспроизводства коррупционных практик, и влияние последних на политическое развитие современного общества и государства. В этой связи анализ коррупционной эмпирики недопустимо осуществлять в отрыве от существующей теоретико-методологической основы, представляющей в виде синтеза политологических, социологических, культурных, а также экономических и правовых концепций и теорий коррупционных девиаций, предлагающих обобщенное восприятие современной ситуации в аспекте феномена коррупции и коррупционных отношений, сложившихся в общественной системе и в первую очередь в ее политической подсистеме.

В отечественной науке проблематику коррупции целесообразно исследовать и систематизировать через призму ведущих научных подходов: институционального, бихевиорального, структурно-функционального, системного, конструктивистского и др.

Если попытаться систематизировать и обобщить российский опыт противодействия коррупции, то можно прийти к заключению, что основой антикоррупционной политики на ее концептуальном уровне, по мнению большинства отечественных исследователей, занимающихся проблемами коррупции, должна стать выработка общей модели эффективного общественно-политического развития, имеющего своим следствием укрепление основ российской государственности. В этом случае борьба институтов гражданского общества с коррупционными проявлениями не должна ставиться в пик последней. Напротив, активная антикоррупционная деятельность, являющаяся залогом устойчивости государственного механизма, должна восприниматься государством, его институтами и представителями как индикатор проявления патриотизма, а не как его антитеза.

Сам же концептуальный уровень антикоррупционной политики не должен ограничиваться анализом законодательной сферы. Он, помимо этого, должен включать в себя процессы, связанные

с динамикой развития экономики, оздоровлением общественного сознания, преодолением ценностного нигилизма в обществе, развитием и коррекцией национальных культур и, конечно же, патриотическим воспитанием молодежи.

Таким образом, в отечественной науке наибольшее внимание уделяется изучению рыночных аспектов прежде всего бытовой и административной коррупции, тогда как институциональные и системные проявления различных типов коррупции изучены российскими учеными сравнительно хуже.

Также можно отметить существенный, преимущественно количественный вклад в изучение проблем коррупции со стороны представителей юридических и экономических наук, тогда как вклад политологов, социологов, философов и историков, их участие в анализе феномена коррупции количественно представлено пока несколько скромнее.

Традиционно невысокая эффективность отечественной антикоррупционной политики, отмеченная большинством российских исследователей, обусловлена множеством факторов, среди которых отечественными учеными в первую очередь отмечается отсутствие должной системности и последовательности в ее реализации. Наверное, можно согласиться с тем, что большинство антикоррупционных мероприятий сегодня носит, скорее, эпизодический характер либо сведено преимущественно к правотворческой форме реализации.

Между тем результативность антикоррупционной политики, на наш взгляд, может быть достигнута именно через систему коллаборации интегрированных антикоррупционных практик. Именно системный подход позволяет совместить апробированные технологии и теоретические наработки различных подходов, научных школ и направлений в рамках развития национальной модели эффективной антикоррупционной политики.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Статья поддержана в рамках реализации государственного задания на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности № FZSR-2023-0007.

Funding: The research was part of State Assignment No. FZSR-2023-0007.

Литература / References

1. Фадеев А. В. Анतिकоррупционное законодательство России и зарубежных стран: криминологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2015. 176 с. [Fadeev A. V. *Anti-corruption legislation in Russia and foreign countries: A criminological study*. Moscow: Iurlitinform, 2015, 176. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/teygyh>
2. Кузьмин Н. А. К вопросу о понятии и природе коррупции. *Российский следователь*. 2009. № 24. С. 23–26. [Kuzmin N. A. Concept and nature of corruption. *Russian Investigator*, 2009, (24): 23–26. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jwrosz>
3. Максимов В. К. Понятие коррупции в международном и российском праве. *Право и безопасность*. 2002. № 2-3. С. 34–41. [Maksimov V. K. The concept of corruption in international and Russian law. *Pravo i bezopasnost*, 2002, (2-3): 34–41. (In Russ.)]
4. Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование. М.: Аспект Пресс, 2011. 464 с. [Popova O. V. *Political analysis and forecasting*. Moscow: Aspekt Press, 2011, 464. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/razorb>
5. Кравцова М. В. Трансформация коррупционных отношений в постсоветской России. *Terra Economicus*. 2014. Т. 12. № 1. С. 73–79. [Kravtsova M. V. Transformation of corruption forms in post-Soviet Russia. *Terra Economicus*, 2014, 12(1): 73–79. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sgilvz>
6. Куксин И. Н., Мархгейм М. В. Системной коррупции – системный отпор: на пути к реализации. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2016. № 8. С. 107–111. [Kuksin I. N., Markhgeym M. V. Systemic rebuff to systemic corruption: Implementation prerequisites. *Science and Education: Economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*, 2016, (8): 107–111. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wfixfl>
7. Скоробогатова А. В. Институциональная коррупция в государственном управлении: модели и практики. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. № 75. С. 86–100. [Skorobogatova A. V. Institutional corruption in public administration: Models and practices. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 2019, (75): 86–100. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vurndi>
8. Чирун С. Н., Гладких С. С. Политический анализ проблемы соотношения феноменов рыночной и институциональной коррупции в современном обществе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 139–147. [Chirun S. N., Gladkikh S. S. Correlation between the phenomena of market and institutional corruption in modern society: Political analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 139–147. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-139-147>
9. Суходолов А. П., Иванцов С. В., Сидоренко Э. Л., Спасенников Б. А. Бытовая коррупция в России: основные криминологические параметры. *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Т. 12. № 5. С. 634–640. [Sukhodolov A. P., Ivantsov S. V., Sidorenko E. L., Spasennikov B. A. Street-level corruption in Russia: Basic criminological parameters. *Russian journal of criminology*, 2018, 12(5): 634–640. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(5\).634-640](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(5).634-640)
10. Номоконов М. В., Русанова А. А. Бытовая коррупция в ракурсе социологического анализа: региональный аспект. *Бизнес. Образование. Право*. 2014. № 2. С. 254–257. [Nomokonov M. V., Rusanova A. A. Everyday corruption from the perspective of sociological analysis: Regional aspect. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo*, 2014, (2): 254–257. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/scsfpb>
11. Дьякова Е. В. Сущность и пути преодоления бытовой коррупции. *Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания*. 2021. № 3. С. 16–18. [Dyakova E. V. Essence and prevention of petty corruption. *Aktualnye problemy sotsialno-gumanitarnogo i nauchno-tekhnicheskogo znaniia*, 2021, (3): 16–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nwzbtbe>
12. Савинский А. В. Бытовая коррупция в сфере медицины и образования: вопросы криминализации. *Журнал российского права*. 2018. № 11. С. 152–160. [Savinsky A. V. Everyday corruption in the field of medicine and education: Issues of criminalization. *Journal of Russian Law*, 2018, (11): 152–160. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/art_2018_11_15

13. Таилова А. Г., Магомедов А. А. Бытовая коррупция. *Современные тенденции развития науки и технологий*. 2016. № 9-6. С. 120–122. [Tailova A. G., Magomedov A. A. Domestic corruption. *Sovremennye tendentsii razvitiia nauki i tekhnologii*, 2016, (9-6): 120–122. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wxdzyh>
14. Захарова Е. Ю., Носаненко Г. Ю. Коррупция в медицине: региональный аспект. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6. № 4. С. 318–320. [Zakharova E. Yu., Nosanenko G. Yu. Corruption in medicine: Regional aspect. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2017, 6(4): 318–320. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yndvop>
15. Ганиев Т. Г. К вопросу о понятии и причинах бытовой коррупции в здравоохранении. *Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России*. 2020. № 1. С. 61–66. [Ganiev T. G. Concept and causes of petty corruption in healthcare. *Vestnik Tiumenskogo instituta povysheniia kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii*, 2020, (1): 61–66. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ztnnyj>
16. Митрофанов Н. В. Коррупция в российском высшем образовании. *Союз криминалистов и криминологов*. 2020. № 4. С. 140–147. [Mitrofanov N. V. Corruption in Russian higher education. *Soiuz kriminalistov i kriminologov*, 2020, (4): 140–147. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jsolfs>
17. Дубенюк Д. В. Мелкое взяточничество как одна из разновидностей бытовой коррупции. *Новый юридический вестник*. 2019. № 6. С. 29–31. [Dubenyuk D. V. Petty bribery a variety of domestic corruption. *Novyi iuridicheskii vestnik*, 2019, (6): 29–31. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qzlgxk>
18. Куприянов И. С. Социологический мониторинг бытовой коррупции в Ивановской области. *Вестник Ивановского государственного энергетического университета*. 2010. № 2. С. 92–94. [Kupriyanov I. S. Sociological monitoring of everyday-life corruption in Ivanovo region. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta*, 2010, (2): 92–94. (In Russ.)]
19. Шашкова А. В. Коррупция как проблема политической теории и практики. *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 6. С. 64–73. [Shashkova A. V. Corruption as a problem of political theory and practice. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2015, (6): 64–73. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vhixjv>
20. Богатуров А. Д. Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России. *Полис. Политические исследования*. 2011. № 4. С. 8–19. [Bogaturov A. D. Economic political science and its problematic field in Russia. *Polis (Russian Federation)*, 2011, (4): 8–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxpuij>
21. Нисневич Ю. А. Публичная власть и коррупция: социально-антропологический подход. *Полис. Политические исследования*. 2014. № 6. С. 32–51. [Nisnevich Yu. A. Public power and corruption: Socio-anthropological approach. *Polis (Russian Federation)*, 2014, (6): 32–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.06.03>
22. Зарандия Д. А. Политическая коррупция как форма теневой власти: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2012. 25 с. [Zarandiya D. A. *Political corruption as a form of shadow power*. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr. Rostov-on-Don, 2012, 25. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ornplo>
23. Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивации? *Полис. Политические исследования*. 2013. № 1. С. 50–71. [Busygina I. M., Filippov M. G. How to limit corruption: New people or new motivations? *Polis (Russian Federation)*, 2013, (1): 50–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pznlaz>
24. Кравченко С. А., Охотский Е. В. Международное сотрудничество в сфере противодействия глобально-локальной коррупции. *Полис. Политические исследования*. 2018. № 1. С. 116–128. [Kravchenko S. A., Okhotsky Ye. V. International cooperation in the field of combating globalized corruption. *Polis (Russian Federation)*, 2018, (1): 116–128. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.08>
25. Суханов В. А. Коррупция в органах государственной власти как глобальная проблема. *Вестник МГИМО-Университета*. 2013. № 4. С. 212–218. [Sukhanov V. A. Corruption in government as a global problem. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2013, (4): 212–218. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/railwv>
26. Глинкина С. П. Международная коррупция. *Новая и новейшая история*. 2011. № 1. С. 13–30. [Glinkina S. P. International corruption. *Novaya i Novejshaya istoriya*, 2011, (1): 13–30. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nqhvnx>
27. Смолянинов Е. В. Специфика политического фандрайзинга. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2010. № 2. С. 48–54. [Smolyaninov E. V. The specific of political fundraising. *RUDN Journal of Political Science*, 2010, (2): 48–54. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mugkpv>
28. Блашкова Л. Л. Содержание термина «коррупция» в международном уголовном праве. *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2021. Т. 15. № 2.

- C. 242–247. [Blashkova L. L. Content of the term "corruption" in international criminal law. *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2021, 15(2): 242–247. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18255/1996-5648-2021-2-242-247>
29. Швецов А. В. Международные аспекты борьбы с коррупцией. *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*. 2015. Т. 1. № 4. С. 108–111. [Shvetsov A. V. International aspects of the fight against corruption. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*, 2015, 1(4): 108–111. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vtntjn>
30. Кислый О. А., Исаева М. А. Международный опыт борьбы с коррупцией. *Вестник Московского гуманитарно-экономического института*. 2021. № 4. С. 196–202. [Kisliy O. A., Isaeva M. A. International experience in fighting corruption. *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta*, 2021, (4): 196–202. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ixrjwg>
31. Икромжонов И. И., Мохорова А. Ю. Транснациональная коррупция как состав международного преступления. *Актуальные проблемы науки и практики*. 2021. № 2. С. 14–18. [Ikromzhonov I. I., Mokhorova A. Yu. Transnational corruption as part of an international crime. *Aktualnye problemy nauki i praktiki*, 2021, (2): 14–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/avtciu>
32. Ковтун Е. А. Конференция государств-участников Конвенции ООН против коррупции: возможности международного сотрудничества и результаты деятельности. *Международная аналитика*. 2022. Т. 13. № 1. С. 83–93. [Kovtun E. A. Conference of the states parties to the United Nations Convention against corruption: Opportunities for international cooperation and results of activities. *Journal of International Analytics*, 2022, 13(1): 83–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-1-83-93>
33. Короткова П. С., Юсупов Б. Б. Международное сотрудничество государств по борьбе с коррупцией. *Эго: Экономика. Государство. Общество*. 2020. № 2. С. 14. [Korotkova P. S., Yusupov B. B. International cooperation of states in the fight against corruption. *Ego: Ekonomika. Gosudarstvo. Obshchestvo*, 2020, (2). (In Russ.)] URL: <https://ego.ui.ranepa.ru/issue/2020/02/14> (accessed 20 Dec 2023). <https://www.elibrary.ru/xjykil>
34. Баранова М. В., Чикирева И. П. Международные и российские принципы противодействия коррупции. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 4. С. 109–113. [Baranova M. V., Chikireva I. P. The international and Russian principles of combatting corruption. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, (4): 109–113. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10417>
35. Пророков А. Н. Международные стандарты по проблемам коррупции. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2015. Т. 193. № 4. С. 408–416. [Prorokov A. N. International standards on corruption. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 2015, 193(4): 408–416. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/waegnt>
36. Адоевская О. А. О проблеме унификации международных, зарубежных и национальных норм о борьбе с коррупцией. *Уголовное право*. 2013. № 3. С. 91–96. [Adoyevskaya O. A. The problem of unification of the international, foreign and national anticorruption legal norms. *Ugolovnoe pravo*, 2013, (3): 91–96. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qdfdhp>
37. Линецкий А. Ф., Тарасов А. Г., Старыгин М. В. Пути преодоления коррупции при ведении внешнеэкономической деятельности в России. *Общество: политика, экономика, право*. 2020. № 8. С. 47–52. [Linetsky A. F., Tarasov A. G., Starygin M. V. Ways to overcome corruption in foreign economic activity in Russia. *Society: Politics, Economics, Law*, 2020, (8): 47–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/rep.2020.8.8>
38. Журбина И. В. Неолиберальный тип демократии: стратегии «исключения» политического. *Дискурс-Пи*. 2022. Т. 19. № 3. С. 70–85. [Zhurbina I. V. Neoliberal democracy: The strategy of excluding the political meaning. *Discourse-P*, 2022, 19(3): 70–85. (In Russ.)] https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_70
39. Давыдов Д. А. И сказал Интернет: сотворим нетократию по образу и подобию нашему. Критический взгляд на концепцию посткапитализма А. Барда и Я. Зодерквиста. *Дискурс-Пи*. 2022. Т. 19. № 4. С. 66–81. [Davydov D. A. And the Internet said, let us make netocracy in our image, after our likeness. A critical view on the concept of post-capitalism by A. Bard and J. Söderqvist. *Discourse-P*, 2022, 19(4): 66–81. (In Russ.)] https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_66
40. Римский В. Л. Универсальные и коррупционные нормы взаимодействий в российской политике. *Полис. Политические исследования*. 2011. № 4. С. 104–116. [Rimskiy V. L. Universal and corrupt norms of interactions in Russian politics. *Polis (Russian Federation)*, 2011, (4): 104–116. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nxpulr>

41. Расторгуева К. С. Коррупция в органах местного самоуправления. *Юридическая наука: история и современность*. 2021. № 1. С. 79–83. [Rastorguyeva K. S. Problems of combating corruption in local self-government bodies. *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost*, 2021, (1): 79–83. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xhiaed>
42. Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство в России: состояние и перспективы. *Полис. Политические исследования*. 2013. № 1. С. 86–99. [Pavlyutenkova M. Yu. Electronic government in Russia: State and prospects. *Polis (Russian Federation)*, 2013, (1): 86–99. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pznlbt>
43. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Медиатизация антикоррупционной политики: теоретический анализ. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2020. Т. 9. № 1. С. 123–135. [Rusakova O. F., Gribovod E. G. Mediatization of anti-corruption policy: Theoretical analysis. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2020, 9(1): 123–135. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(1\).123-135](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(1).123-135)
44. Шевцов Д. В. Государственное управление и коррупция в Российской Федерации. *Вестник Университета Российской академии образования*. 2020. № 5. С. 59–67. [Shevtsov D. V. Corruption in the public administration system of the Russian Federation. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniia*, 2020, (5): 59–67. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wtqqks>
45. Панкратов И. А. Коррупция как деструктивное явление в системе государственного управления. *Социальная политика и социальное партнерство*. 2019. № 6. С. 37–40. [Pankratov I. A. Corruption as a destructive phenomenon in the public administration system. *Sotsialnaia politika i sotsialnoe partnerstvo*, 2019, (6): 37–40. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bneoon>
46. Ботнев В. К. Сущность, причины и последствия деловой коррупции в Российской Федерации. *Государственная служба*. 2014. № 5. С. 47–50. [Botnev V. K. Essence of the causes and consequences of business corruption in the Russian Federation. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2014, (5): 47–50. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sxtjih>
47. Василькевич А. Г. О некоторых дополнительных мерах по предупреждению коррупции в органах государственного управления. *Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции*. 2019. № 12. С. 66–73. [Vasilkevich A. G. About some additional measures to prevent corruption in government. *Problemy ukrepleniia zakonnosti i pravoporiadka: nauka, praktika, tendentsii*, 2019, (12): 66–73. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vsgpoj>
48. Пасечко В. В. Влияние коррупции на эффективность государственного управления. *Вопросы управления. Management Issues*, 2017, (4): 14–20. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xzlejf>
49. Верченко Н. И. Незаконное участие должностных лиц в предпринимательской деятельности. М.: Юрлитинформ, 2013. 192 с. [Verchenko N. I. *Illegal participation of officials in business*. Moscow: Iurlitinform, 2013, 192. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tevoer>
50. Волков А. А. Динамика коррупционной преступности в Вооруженных Силах РФ и некоторые вопросы наказуемости военнослужащих за совершение преступлений коррупционной направленности в 2002–2018 гг. (на материалах Дальнего Востока России). *Общество: политика, экономика, право*. 2019. № 12. С. 52–56. [Volkov A. A. Dynamics of corruption crime in the Armed Forces of the Russian Federation and some issues punishment of military personnel for committing corruption-related crimes in 2002–2018 (based on materials from the Russian Far East). *Society: Politics, Economics, Law*, 2019, (12): 52–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/rep.2019.12.9>
51. Батищева М. А. Служебные разоблачения в сфере государственной службы. *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 3. С. 195–203. [Batishcheva M. A. Whistleblowing in civil service: Experience of Europe. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2014, (3): 195–203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/stqtdj>
52. Мухаметов Р. С., Буянов Н. А. Политические практики «вращающихся дверей» в России: региональный аспект. *Дискурс-Пи*. 2021. Т. 18. № 3. С. 128–141. [Mukhametov R. S., Buyanov N. A. "Revolving doors" practices in Russia: The regional aspect. *Discourse-P*, 2021, 18(3): 128–141. (In Russ.)] https://doi.org/10.17506/1817956_8_2021_18_3_128
53. Глазырин В. А. Новое рентное общество. *Дискурс-Пи*. 2021. Т. 18. № 2. С. 158–169. [Glazyrin V. A. New rental society. *Discourse-P*, 2021, 18(2): 158–169. (In Russ.)] https://doi.org/10.17506/1817956_8_2021_18_2_158
54. Костин Ю. В. Актуальные проблемы повышения эффективности противодействия коррупции в органах местного самоуправления современной России. *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2012. № 4. С. 57–62. [Kostin Yu. V. Effective anticorruption measures in regional governments in modern Russia. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2012, (4): 57–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjwkot>

55. Грипп Э. Х., Яхина Ю. Х. Реализация полномочий органов местного самоуправления по противодействию коррупции. *Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина*. 2018. № 3. С. 15–19. [Gripp E. Kh., Yakhina Yu. Kh. Implementation of the powers of local self-government bodies to combat corruption. *Aktualnye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniia prav i svobod cheloveka i grazhdanina*, 2018, (3): 15–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytrjryj>
56. Воробьев А. В. Коррупция в системе органов местного самоуправления: условия, причины и меры предупреждения. *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2016. № 3. С. 80–83. [Vorobyov A. V. Corruption in system of local governments: Conditions, reasons and measures of the prevention. *Vestnik of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia*, 2016, (3): 80–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmmqzr>
57. Борков В. Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. 39 с. [Borkov V. N. *Crimes against the exercise of state functions committed by officials*. Dr. Law Sci. Diss. Abstr. Omsk, 2015, 39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkrrcr>
58. Фоменко Е. В. Концептуальные подходы к противодействию подкупу уголовно-правовыми средствами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 38 с. [Fomenko E. V. *Conceptual approaches to combating bribery using criminal legal means*. Dr. Law Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2021, 38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypxznm>
59. Кашкаров А. А. Должностная преступность в органах публичной власти и ее предупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2019. 423 с. [Kashkarov A. A. *Official crime in public authorities and its prevention in the conditions of a change of state ownership of the territory*. Dr. Law Sci. Diss. Krasnodar, 2019, 423. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/stpjlj>
60. Александрова И. А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 59 с. [Alexandrova I. A. *Modern criminal policy to ensure economic security and combat corruption*. Dr. Law Sci. Diss. Abstr. Nizhny Novgorod, 2016, 59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zpyfvj>
61. Сорочкин Р. А. Теоретико-правовые основы учения о субъекте коррупционного преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 415 с. [Sorochkin R. A. *Theoretical and legal foundations of the doctrine of the subject of a corruption crime*. Dr. Law Sci. Diss. Moscow, 2021, 415. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gympqa>
62. Шeverдяев С. Н. Закрепление антикоррупционной проблематики в современном российском конституционном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 417 с. [Sheverdyayev S. N. *Consolidation of anti-corruption issues in modern Russian constitutional law*. Dr. Law Sci. Diss. Moscow, 2020, 417. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwezvj>
63. Артемьев А. Б. Коррупция в механизме функционирования государства: теоретико-правовое исследование в рамках эволюционного подхода: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 438 с. [Artemyev A. B. *Corruption in the mechanism of functioning of the state: Theoretical and legal research as part of evolutionary approach*. Dr. Law Sci. Diss. Moscow, 2015, 438. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/duhbom>
64. Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 37 с. [Astaniin V. V. *Anti-corruption policy of Russia: Criminological aspects*. Dr. Law Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2009, 37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znyokd>
65. Александров С. Г. Правовой механизм борьбы полиции с коррупцией (сравнительно-правовое исследование на примере Российской Федерации и ведущих зарубежных стран): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 38 с. [Alexandrov S. G. *Legal mechanism of the police fight against corruption: comparative legal research in the Russian Federation and advanced foreign countries*. Dr. Law Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2005, 38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zmxvux>
66. Куракин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Люберцы, 2008. 48 с. [Kurakin A. V. *Administrative and legal means of preventing and suppressing corruption in the public service system of the Russian Federation*. Dr. Law Sci. Diss. Abstr. Lyubertsy, 2008, 48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nkomol>
67. Полукаров А. В. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в социальной сфере: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 594 с. [Polukarov A. V. *Administrative and legal regulation of combating corruption in the social sphere*. Dr. Law Sci. Diss. Moscow, 2020, 594. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oymqzw>
68. Головкин М. В. Теневая экономика в системе угроз национальной экономической безопасности страны: факторы, эволюция, направления противодействия: дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2020. 426 с.

- [Golovko M. V. *Shadow economy in the system of threats to the national economic security of the country: Factors, evolution, and counteraction*. Dr. Econ. Sci. Diss. St. Petersburg, 2020, 426. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vexaie>
69. Степичева О. А. Развитие механизмов регулирования теневой экономики в России: дис. ... д-ра экон. наук. Тамбов, 2008. 300 с. [Stepicheva O. A. *Developing mechanisms for regulating the shadow economy in Russia*. Dr. Econ. Sci. Diss. Tambov, 2008, 300. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/npubhd>
70. Купрещенко Н. П. Противодействие теневой экономике в системе обеспечения экономической безопасности России (теоретико-методологический подход): дис. ... д-ра экон. наук. М., 2008. 368 с. [Kupreshchenko N. P. *Countering the shadow economy in the system of ensuring economic security of Russia (theoretical and methodological approach)*. Dr. Econ. Sci. Diss. Moscow, 2008, 368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gmdcpb>
71. Тарасов М. Е. Государственное воздействие на теневую экономику: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2001. 360 с. [Tarasov M. E. *State influence on shadow economy*. Dr. Econ. Sci. Diss. Moscow, 2001, 360. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nmakdb>
72. Ечмаков С. М. Генезис теневых экономических отношений: анализ и моделирование: дис. ... д-ра экон. наук. Тамбов, 2005. 326 с. [Echmakov S. M. *Genesis of shadow economic relations: Analysis and modeling*. Dr. Econ. Sci. Diss. Tambov, 2005, 326. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nnspe1>
73. Заводиленко К. А. Ликвидация теневой экономики как направление обеспечения экономической безопасности России: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009. 169 с. [Zavodilenko K. A. *Eliminating the shadow economy as a direction for ensuring economic security of Russia*. Dr. Econ. Sci. Diss. Moscow, 2009, 169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nqomu1>
74. Александрова Н. А. Рентные отношения в государственных организациях: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Кострома, 2006. 47 с. [Aleksandrova N. A. *Rental relations in government organizations*. Dr. Econ. Sci. Diss. Abstr. Kostroma, 2006, 47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njvpxn>
75. Алексеев С. Л. Антикоррупционный контроль в системе обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Н. Новгород, 2022. 46 с. [Alekseev S. L. *Anti-corruption control in the system of ensuring economic security of the constituent entities of the Russian Federation*. Dr. Econ. Sci. Diss. Abstr. Nizhny Novgorod, 2022, 46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lhvcsa>
76. Дронов Р. В. Механизм нейтрализации коррупции в органах государственного управления: дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2010. 323 с. [Dronov R. V. *Mechanism for neutralizing corruption in government bodies*. Dr. Econ. Sci. Diss. St. Petersburg, 2010, 323. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qfesrj>
77. Юхачев С. П. Коррупция как экономические отношения социума: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Тамбов, 2010. 43 с. [Yukhachev S. P. *Corruption as economic relations of society*. Dr. Econ. Sci. Diss. Abstr. Tambov, 2010, 43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qhbuuz>
78. Наумов Ю. Г. Теория и методология противодействия институциональной коррупции: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2014. 49 с. [Naumov Yu. G. *Theory and methodology of combating institutional corruption*. Dr. Econ. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2014, 49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zpkeov>
79. Смирнова Л. Н. Борьба с коррупцией в КНР (международный опыт и «особая китайская модель»): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. 27 с. [Smirnova L. N. *The fight against corruption in China: International experience vs. Chinese model*. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2014, 27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zpnapv>
80. Адамс О. Ю. Борьба с коррупцией в КНР на этапе реформ, 1978–2000 гг.: дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. 210 с. [Adams O. Yu. *The fight against corruption in China at the stage of reforms, 1978–2000*. Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2001, 210. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nlwfpx>
81. Русецкий Е. А. Влияние коррупции на политический процесс Республики Корея: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2009. 25 с. [Rusetskiy E. A. *Effect of corruption on the political process in the Republic of Korea*. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr. Vladivostok, 2009, 25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nkydof>
82. Чан Х. Т. Антикоррупционная политика как фактор политической стабильности в современном Вьетнаме: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2018. 27 с. [Chan H. T. *Anti-corruption policy as a factor of political stability in modern Vietnam*. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2018, 27. (In Russ.)]
83. Идинов А. К. Проблема борьбы трансформирующихся государств с международной коррупцией в условиях глобализации (на материалах Кыргызской Республики): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Бишкек, 2011. 20 с. [Idinov A. K. *The problem of the struggle of transforming states against international corruption in the context of globalization in the Kyrgyz Republic*. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr. Bishkek, 2011, 20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zofcwb>

84. Халифаев М. Н. Политико-правовые аспекты противодействия коррупции в Таджикистане: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Душанбе, 2009. 25 с. [Khalifaev M. N. *Political and legal aspects of combating corruption in Tajikistan*. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr. Dushanbe, 2009, 25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nlhaip>
85. Гевелинг Л. В. Клептократия, социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики (борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти): дис. ... д-ра полит. наук. М., 2001. 591 с. [Geveling L. V. *Kleptocracy, the socio-political dimension of corruption and negative economics (the struggle of the African state against destructive forms of organization of power)*. Dr. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2001, 591. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qdqzdl>
86. Семьнин А. С. Противодействие политической коррупции политико-правовыми средствами в государствах Евросоюза (опыт Финляндии и Эстонии): дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 216 с. [Semynin A. S. *Countering political corruption by political and legal means in the European Union: Finland and Estonia*. Cand. Law Sci. Diss. Voronezh, 2009, 216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qeihvx>
87. Шедий М. В. Коррупция как социальное явление (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2014. 46 с. [Shediy M. V. *Corruption as a social phenomenon: Sociological analysis*. Dr. Sociol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2014, 46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zpnitt>
88. Алексеев С. В. Коррупция в переходном обществе: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Новочеркасск, 2008. 49 с. [Alekseev S. V. *Corruption in a transitional society: Sociological analysis*. Dr. Sociol. Sci. Diss. Abstr. Novochechassk, 2008, 49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzlgwf>
89. Латов Ю. В. Социальные функции теневой экономики в институциональном развитии постсоветской России: дис. ... д-ра социол. наук. Тюмень, 2008. 405 с. [Latov Yu. V. *Social functions of the shadow economy in the institutional development of post-Soviet Russia*. Dr. Sociol. Sci. Diss. Tyumen, 2008, 405. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qehnzj>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xhrdkz>

Вклад работодателей мегаполиса в сохранение здоровья сотрудников (на примере города Москвы)

Богдан Игнат Викторович

Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 1891-5081
<https://orcid.org/0000-0002-7002-1646>

Чистякова Дарья Павловна

Российское общество «Знание», Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 8799-0909
<https://orcid.org/0000-0002-8729-9898>

Горносталев Максим Дмитриевич

Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 2564-4865
<https://orcid.org/0009-0002-0989-5077>
GornostalevMD@zdrav.mos.ru

Аннотация: Ведение здорового образа жизни – залог профилактики неинфекционных заболеваний, что является одним из приоритетов государственной политики в данной области. Обеспечение возможности ведения здорового образа жизни на рабочем месте – важный фактор его распространения. Здоровые сотрудники – ценный ресурс функционирования и развития организации. Цель – выявить вариативность и особенности применения практик ведения здорового образа жизни в организациях Москвы различных форм собственности. Обнаружены статистически значимые зависимости между вниманием работодателя к вопросам сохранения здоровья сотрудников, их следованием принципам здорового образа жизни и самооценкой их здоровья. 61 % опрошенных трудоспособных москвичей считают, что их работодатель заботится о здоровье своих подчиненных. Выявлены основные направления сохранения здоровья в организациях: создание комфортных условий труда – 75 %, запрет употребления алкоголя – 71 %, создание благоприятной психологической атмосферы – 64 %, соблюдение режима труда и отдыха – 62 %. Среди конкретных программ сохранения здоровья лидирует предоставление ДМС (44 %). Описаны нюансы реализации основных принципов здорового образа жизни: физическая активность, правильное питание, сохранение психического здоровья, отказ от курения и употребления алкоголя. Сделан вывод, что наиболее разнообразны программы сохранения здоровья сотрудников в крупных и очень крупных организациях. Приведены принципы, которые важно учитывать при построении корпоративных программ.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, профилактика неинфекционных заболеваний, психическое здоровье, корпоративные программы здоровья, корпоративное управление здоровьем, правильное питание, физическая активность

Цитирование: Богдан И. В., Горносталев М. Д., Чистякова Д. П. Вклад работодателей мегаполиса в сохранение здоровья сотрудников (на примере города Москвы). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 198–208. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-198-208>

Поступила в редакцию 20.12.2023. Принята после рецензирования 15.04.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Contribution of Metropolitan Employers to the Maintenance of Employees' Health: Moscow Experience

Ignat V. Bogdan

Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 1891-5081
<https://orcid.org/0000-0002-7002-1646>

Daria P. Chistyakova

Russian Society "Znanie", Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 8799-0909
<https://orcid.org/0000-0002-8729-9898>

Maksim D. Gornostalev

Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 2564-4865
<https://orcid.org/0009-0002-0989-5077>
GornostalevMD@zdrav.mos.ru

Abstract: Healthy lifestyle prevents noncommunicable diseases, which is a priority of state policy in this area. To follow this policy, employers should provide their employees with the possibility to maintain healthy lifestyle at work because healthy workers are an important business resource, not to mention public benefits. The research objective was to study the healthy lifestyle practices in Moscow organizations of various forms of ownership. The authors revealed some statistically significant dependencies between the employer's attitude to the employees' health, the employees' lifestyle, and how the employees assessed their health. According to the survey, 61 % of able-bodied Muscovites believe that their employers care about their health. The main health preservation practices included comfortable working conditions (75 %), alcohol ban (71 %), friendly atmosphere (64 %), and good work-and-rest patterns (62 %). In addition, voluntary medical insurance was mentioned as a popular measure (44 %). Other basic principles of healthy lifestyle at work included physical activity, healthy diet, maintaining mental health, quitting smoking and alcohol consumption, etc. Large businesses proved to offer their employees the most diverse health programs. The authors also developed some principles of corporate health programs.

Keywords: healthy lifestyle, prevention of noncommunicable diseases, mental health, corporate health programs, corporate health management, healthy diet, physical activity

Citation: Bogdan I. V., Gornostalev M. D., Chistyakova D. P. Contribution of Metropolitan Employers to the Maintenance of Employees' Health: Moscow Experience. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 198–208. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-198-208>

Received 20 Dec 2023. Accepted after review 15 Apr 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

Ведение здорового образа жизни – это залог профилактики неинфекционных заболеваний, поддержания физического и психического здоровья [1]. В связи с этим логичным является то, что увеличение доли людей, ведущих здоровый образ жизни (ЗОЖ), до 60 % к 2025 г. выступает целью приоритетного проекта «Формирование здорового образа жизни» государственной программы развития здравоохранения¹.

В свою очередь, достижение такого целевого показателя требует комплексных интервенций, среди которых информирование о корректных принципах ЗОЖ и их популяризация, создание условий для занятий физкультурой и спортом, борьба с вредными привычками и т.д. Указанные практики важно делать доступными как с точки зрения легкости выполнения соответствующих техник и правил, так и с точки зрения приближения ЗОЖ к индивиду.

¹ Об утверждении государственной программы РФ «Развитие здравоохранения». Постановление Правительства РФ № 1640 от 26.12.2017 (ред. от 01.04.2024). СПС КонсультантПлюс.

В этой связи представляется перспективным использование рабочей среды, позволяющей приобщать население к ЗОЖ, например, во время перерывов между работой.

Данное направление известно в науке как *корпоративное управление здоровьем* (*corporate health management*) и развивается по всему миру [2–4]. Существование отдельного направления с наработанными практиками – индикатор признания важности правильной организации релевантных процессов [5]. Практическая применимость названного направления подтверждается исследованиями, которые показывают эффект такого рода программ: снижение временной нетрудоспособности, улучшение самоощущения здоровья у сотрудников, рост их производительности, сокращение опозданий и пропусков и др. [6–10]. Таким образом, практики внедрения ЗОЖ работают не только на социальные цели (улучшение здоровья населения за счет коррекции поведенческих факторов развития хронических неинфекционных заболеваний [11–16]), но и на цели самой организации [17]. Более того, корпоративные программы еще и способствуют повышению имиджа организации [18; 19]. Неудивительно, что, по данным опросов, руководители бизнеса по всему миру считают это направление очень важным [3].

Соответствующий опыт имеется и в нашей стране. Например, физкультурно-оздоровительные практики, такие как физкультминутки, имели широкое распространение в СССР, но утратили свою популярность после его распада. Сегодня мы можем видеть определенный Ренессанс в этой области: начинают приобретать популярность корпоративные программы сохранения здоровья сотрудников. Установленные программы поддержаны федеральными и региональными законодательствами, а также библиотеками *лучших практик* и инструментов на федеральном и региональном уровнях [2]. Кроме того, велика роль частной инициативы: как и за рубежом, отечественные организации разрабатывают свои специфические корпоративные программы [17].

Наряду с мнением о том, что корпоративные программы в целом повышают благополучие работников [20; 21], отмечается: сотрудники получают различный объем услуг в зависимости от социально-экономических возможностей организации, что создает неравенство в отношении здоровья [22].

В Москве (в самом крупном городе России) миллионы людей работают в организациях различной формы собственности. В части из этих организаций имеются разные практики заботы о здоровье сотрудников, однако унификация в данной области сегодня

по большей части отсутствует. Понимание распространенности и вариативности практик работы по ЗОЖ в организациях столицы будет способствовать работе по унификации в этой области, поможет определить *лучшие практики* и основные вызовы, а также предложить подходы к их преодолению.

Цель исследования – выявить вариативность и особенности применения практик ведения здорового образа жизни в организациях Москвы различных форм собственности. Опыт Москвы ввиду многообразия представленных в столице организаций может быть интересен и при организации практик ЗОЖ в других мегаполисах.

Методы и материалы

В 2022 г. авторы провели количественный опрос и фокус-групповые дискуссии с жителями Москвы трудоспособного возраста (18–55 лет для женщин и 18–60 лет для мужчин). Исследование было ограничено территорией столицы. При этом авторы предполагают, что полученные результаты будут актуальны для других мегаполисов нашей страны.

Опрос проведен по авторской анкете с использованием случайной двухосновной стратифицированной выборки московских мобильных и стационарных телефонов (CATI). Выборка стратифицирована по полу и возрасту на основе данных Росстата о количестве трудоспособного населения в городе Москве. Объем выборки составил 1522 человека (с подвыборкой 1129 работающих москвичей в организациях столицы, в подвыборку не включались неработающие москвичи, а также фрилансеры и самозанятые). Соотношение респондентов мужчин и женщин трудоспособного возраста составляет 48 % и 52 % соответственно. Распределение по форме собственности показало, что 21,5 % респондентов работают в государственных организациях, в частных – 62 %, в частных организациях с государственным участием – 13 %, в других (в основном общественные организации) – 1,5 %, затруднились с ответом 2 %.

Исходя из указанного объема, максимальный размер ошибки выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,51 %. Значимость различий рассчитывалась с помощью z-критерия. Статистическая обработка данных количественного опроса осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics 26.0.

12 онлайн-фокус-групповых дискуссий по авторскому гайду с жителями Москвы трудоспособного возраста, работающих в организациях различной формы собственности, были проведены для уточнения отдельных нюансов ситуации. Анализ выполнялся на основе дословных транскриптов фокус-групповых дискуссий.

Результаты

Обнаружено значимое различие ($p < 0,05$) между вниманием работодателя к вопросам сохранения здоровья сотрудников (например, поддержка следования принципам физической активности и правильного питания) и высокой самооценкой сотрудников в отношении следования отдельным аспектам ЗОЖ. Последняя же, в свою очередь, связана с более высокой самооценкой здоровья.

61 % респондентов указали, что их работодатель уделяет большое внимание сохранению здоровья сотрудников (полностью или скорее согласны с этим утверждением), 36 % скорее так не считают. Размер компании является основным из исследованных предикторов, влияющим на корпоративную политику в отношении здоровья сотрудников, в том числе это можно связать с тем, что крупные организации имеют большие финансовые возможности. 71 % респондентов, работающих в очень крупных компаниях (численностью более 1000 человек), заявили, что их работодатель проявляет заботу о здоровье персонала. О том же сообщили только 42 % респондентов, работающих в малых и средних компаниях (численность сотрудников до 500 человек).

Наиболее часто указываемыми мерами мотивации сотрудников к ведению ЗОЖ оказывались: создание комфортных условий труда – 75 %, запрет на употребление алкоголя и табака на территории организации – 71 %, создание благоприятного психологического климата – 64 %, соблюдение режима труда и отдыха – 62 % (табл. 1).

Выявлены значимые различия в применении мотивации сотрудников к ведению ЗОЖ ($p < 0,05$):

1. В государственных организациях основным механизмом стимулирования сотрудников на заботу о здоровье является прохождение обязательных медицинских осмотров (66 %).

2. В частных компаниях – регулярное создание благоприятного психологического климата (69 %) и комфортных условий труда (80 %).

3. В частных компаниях с государственным участием характерной особенностью можно назвать организацию здорового питания (54 %).

4. В целом в очень крупных компаниях ($p < 0,05$) чаще встречается проведение ежегодных медицинских обследований (60 %), организация возможностей для здорового питания (44 %) и физической активности на рабочем месте (39 %).

Что касается конкретных программ сохранения здоровья сотрудников, наиболее распространенной из них является предоставление полиса ДМС (44 %), далее по распространенности идут корпоративный фитнес (21 %), корпоративный спортивный отдых

Табл. 1. Меры поощрения сотрудников к ведению ЗОЖ, присутствующие в организации респондентов

Tab. 1. Measures employers take to encourage employees to lead a healthy lifestyle

Вариант ответа	%
Создание комфортных условий труда	75
Запрет на употребление алкоголя на территории организации, в том числе дворовой	71
Создание благоприятного психологического климата в коллективе	64
Соблюдение режима труда и отдыха, в том числе отсутствие переработок, соблюдение графика отпусков и т.д.	62
Запрет на курение на территории организации, в том числе дворовой	45
Проведение ежегодных медицинских осмотров	43
Организация возможности для здорового питания, например, меню в столовой, фруктовые дни и др.	36
Возможность ведения физической активности на рабочем месте, в том числе физкультурные минутки, спортивный зал, подвижные игры на территории организации и т.д.	32
Другое (менее 2 % упоминаний)	11
Затрудняюсь ответить	2

Прим.: N = 1129, вопрос задавался только работающим москвичам. Сумма ответов больше 100 %, т. к. респондент мог выбрать несколько вариантов.

(20 %), программы санаторно-курортного лечения (15 %) и отказа от курения (12 %) (табл. 2).

35 % опрошенных заявили об отсутствии каких-либо программ у них в организации. Значительно чаще указывают на их отсутствие респонденты, работающие в организациях численностью до 500 человек – 48 %, относительно крупных (500–1000 сотрудников) – 27 % и очень крупных организациях (более 1000 сотрудников) – 17 % ($p < 0,001$). Рассмотрим выявленные особенности в контексте программ сохранения здоровья в организациях различных форм собственности ($p < 0,05$):

- В частных организациях с численностью сотрудников 500–1000 человек около 50 % работников получают ДМС (в очень крупных частных компаниях доля сотрудников, входящих в программу ДМС, достигает 70 %); около 36 % респондентов, находящихся в очень крупных частных компаниях, сообщают о наличии программы корпоративного фитнеса, а об организации спортивного отдыха – 32 %.

- В частных организациях с государственным участием набор программ, как правило, такой же, как и в исключительно частных компаниях, но охват сотрудников, попадающих под эти программы, выше, особенно для очень крупных предприятий (например, для последних охват программами ДМС – 86 %).
- Отличительными чертами государственных компаний являются более частое наличие программ санаторно-курортного лечения (24 %), корпоративного фитнеса (26 %), корпоративного спортивного отдыха (31 %). Данные практики характерны в первую очередь для очень крупных организаций.

В ходе исследования существующие практики соотносились с запросами самих сотрудников. При ответе на вопрос *Как Вы считаете, какие программы, меры должны в первую очередь проводиться Вашим работодателем для сохранения здоровья сотрудников?* (открытый вопрос) сотрудники называли:

1. Заботу о физической активности (предоставление скидок / абонементов / компенсаций для посещения спортзалов, фитнес-клубов; возможность для занятия спортом в пределах офиса; корпоративные спортивные мероприятия (спартакиады, походы и т.д.)) – 33 % опрошенных.

Табл. 2. Программы сохранения здоровья сотрудников, действующие в организации респондентов
Tab. 2. Employee's health preservation programs

Вариант ответа	%
Программа дополнительного медицинского страхования (ДМС)	44
Нет никаких программ сохранения здоровья	35
Программы корпоративного фитнеса	21
Программы корпоративного физкультурного отдыха	20
Программы санаторно-курортного лечения	15
Программы отказа от курения	12
Программы раннего выявления раковых заболеваний	9
Программы предотвращения сердечно-сосудистых заболеваний	7
Программы фитнес-меню	6
Другое (менее 2 % упоминаний)	6
Затрудняюсь ответить	2

Прим.: N = 1129, вопрос задавался только работающим москвичам. Сумма ответов больше 100 %, т.к. респондент мог выбрать несколько вариантов.

2. Улучшение условий труда (нормированный рабочий график, комфортное рабочее место (освещение, температурный режим, локация), соблюдение охраны труда и т.д.) – 19 %.

3. Медицинское обслуживание и профилактику (ДМС; проведение профилактических осмотров) – 16 %.

Отдельные направления работы по ЗОЖ в компаниях Москвы

Самые распространенные корпоративные *физкультурно-спортивные мероприятия*: предоставление возможности для физической активности в рабочее время (54 %) и проведение товарищеских спортивных игр в нерабочее время (54 %) (табл. 3).

Практики проведения товарищеских спортивных игр в нерабочее время, участие в городских спортивных мероприятиях и компенсация абонементов в фитнес-клуб наиболее характерны для организаций с численностью сотрудников более 500 человек. Участие в городских мероприятиях больше свойственно для государственных организаций (57 %). Наиболее распространенные способы организации *здорового питания* – это предоставление возможности для употребления принесенной из дома еды (90 %) и наличие диетического меню в столовой (80 %) (табл. 4).

Можно заметить, что частные компании относительно государственных более изобретательны в организации правильного питания, например, они чаще практикуют проведение фруктово-ореховых

Табл. 3. Физкультурно-спортивные мероприятия, проводящиеся в организации респондентов
Tab. 3. Physical culture and sports events

Вариант ответа	%
Товарищеские спортивные мероприятия в вечернее время или выходные дни	54
Возможности для физической активности, подвижных игр в рабочее время	54
Участие сотрудников компании в городских спортивных мероприятиях	44
Раздача абонементов в фитнес-зал, бассейн и т.д., их компенсация	41
Совместные туристические походы	34
Физкультминутки	26
Другое (менее 2%)	19
Затрудняюсь ответить	8

Прим.: N = 1129, вопрос задавался только работающим москвичам. Сумма ответов больше 100 %, т.к. респондент мог выбрать несколько вариантов.

дней – 34 % ($p = 0,031$), проведение фуршетов из здоровых перекусов – 35 % ($p < 0,05$).

Наиболее распространенные мероприятия по поддержанию благоприятного психологического климата в коллективе:

- совместное времяпрепровождение, в том числе в рамках тимбилдинга, включая совместные выезды на природу, совместные приемы пищи и т.д. (18 %);
- работа по кадровой совместимости / сплочению коллектива, а для этого важен вклад работодателя, который также подчеркивался респондентами (*руководитель собрал хорошую команду, правильный подбор людей с правильной жизненной позицией* и т.д.) (12 %);
- организация психологической помощи (*появилась программа психологической помощи, есть 2 сеанса бесплатного психолога в месяц, абонементы на психологические услуги* и т.д.) (10 %) (табл. 5).

Очень крупные организации (численность сотрудников более 1000 человек) уделяют больше внимания относительно малых и средних организаций работе по оказанию психологической помощи сотрудникам (16 % и 5 % соответственно). Дополнительно на фокус-группах упоминалась достаточно редкая практика, которую могут себе позволить в основном крупные компании – организация комнаты отдыха.

В целом средняя оценка стресса, получаемого на работе, по данным опроса, составляет 5,32 балла. Наиболее подвержены стрессу более молодые респонденты в возрасте от 18 до 34 лет (5,6 балла), женщины (5,48 балла). Важно отметить, что респонденты, ведущие ЗОЖ, испытывают меньший стресс (5,11 балла), чем не ведущие (5,64 балла) ($p < 0,05$).

Практики отказа от курения и потребления алкоголя, которые применяют организации Москвы, изучались в ходе фокус-групповых дискуссий. Полученные данные свидетельствуют о том, что обычно запрет на курение во время работы вводится в организациях, где по технике безопасности и так не допускается наличие любых открытых источников огня. Хотя употребление алкоголя в рабочее время работодателями не поощряется, празднование дней рождений, праздников, корпоративных мероприятий часто сопровождается употреблением спиртных напитков. По материалам фокус-групп встречаются следующие корпоративные практики по стимулированию отказа от вредных привычек:

1. *Ограничение количества перерывов для курения.* Руководство организаций (особенно в сфере услуг и общественного питания) вводит регламент по количеству или времени перекуров.

Табл. 4. Возможности для здорового питания в период работы, созданные в организации респондентов
Tab. 4. Opportunities for healthy diet

Вариант ответа	%
Организована возможность употребления собственной, принесенной из дома еды, есть комната приема пищи	90
Меню в столовой включает здоровое питание	80
Организована доставка здоровой еды	31
Организованы фуршеты для сотрудников, состоящие из здоровых перекусов	28
В организации существуют фруктовые, ореховые, овощные и другие дни	28
Другое (менее 2 %)	10
Затрудняюсь ответить	1

Прим.: N = 1129, вопрос задавался только работающим москвичам. Сумма ответов больше 100%, т.к. респондент мог выбрать несколько вариантов.

Табл. 5. Мероприятия, техники, условия, созданные в организации респондентов для поддержания благоприятного психологического климата в коллективе
Tab. 5. Psychological atmosphere in the team

Вариант ответа	%
Никаких	23
Мероприятия по тимбилдингу, совместному времяпрепровождению (неформальные встречи, корпоративные мероприятия, выезды на природу)	18
Работа по кадровой совместимости / горизонтальные связи / командный дух	12
Оказание психологической помощи специалистами	10
Диалог с руководством	7
Образовательные мероприятия (семинары, тренинги, вебинары, курсы и т.д.)	5
Хорошие условия труда (комфортное рабочее место, охрана труда и т.д.)	4
Спортивная активность	4
Рабочие собрания (совещания, пятиминутки, планерки и т.д.)	4
Гибкий график / комфортный режим работы (в том числе возможность работать удаленно)	3
Другое (менее 2 %)	8
Затрудняюсь ответить	21

Прим.: N = 1129, открытый вопрос, вопрос задавался только работающим москвичам. Сумма ответов больше 100 %, т.к. респондент мог выбрать несколько вариантов.

2. *Пропаганда отказа от курения.* Например, размещение в специально отведенных для курения местах плакатов антитабачной направленности.

3. *Денежное поощрение за отказ от курения.* Работодатели платят сотрудникам за то, что они бросили курить (...у нас в компании 25 000 рублей дают тем, кто курил и отказался, а после этого доказал, т. е. анализы сдают). К тому же встречаются ежемесячные доплаты к жалованию за отказ от курения.

4. *Отказ от употребления алкоголя на всех корпоративных мероприятиях, праздниках.* Эта практика также может внедряться из-за личного негативного отношения руководства организации к употреблению алкоголя.

5. *Полный запрет на употребление алкоголя на территории организации.* Данная практика упоминалась в контексте работы на режимных предприятиях.

Обсуждение

Обнаружены статистически значимые зависимости между заботой работодателей о здоровье сотрудников, следованием сотрудниками принципам ЗОЖ и самооценкой их здоровья, которые свидетельствуют в пользу эффективности корпоративных программ как средств продвижения ЗОЖ и улучшения здоровья (части) населения.

Несмотря на то что по результатам опроса 61 % работающих москвичей заявили, что работодатели занимаются сохранением здоровья сотрудников, следует учитывать, что в понятие *забота о здоровье сотрудников* респонденты могли вкладывать разные смыслы: от проведения плановой диспансеризации (инициатива которой не исходит от работодателя) до наличия больших инициативных корпоративных программ. Поэтому поспешно будет утверждать, что полноценные программы сохранения здоровья сотрудников есть в большинстве организаций Москвы.

Наличие политики в области сохранения здоровья сотрудников зависит от размера организации. Наименьшее количество практик сохранения здоровья имеется в организациях с численностью до 500 сотрудников, наибольшее – в организациях с численностью более 1000 сотрудников, что можно связать с наличием соответствующих ресурсов, обладанием существенным финансово-организационным потенциалом, несмотря на то что далеко не все практики ЗОЖ требуют большого количества финансовых ресурсов. Форма собственности также может считаться определяющей, т. к. в частных организациях (включительно с государственным участием) количество респондентов, вовлеченных в программы корпоративного здоровья

(предоставление полиса ДМС, оплата фитнеса), намного больше, чем в государственных. Значительное количество корпоративных программ внедрено именно в очень крупных частных организациях (в том числе с государственным участием) [8].

Самой упоминаемой из развиваемых практик вовлечения сотрудников в ЗОЖ, применяемых в столичных организациях, является организация физической активности сотрудников (как во время работы, так и после), что можно связать с их определенной гибкостью, вариативностью в части требований к их организации и стоимости: от физкультурных минуток, не требующих финансовых затрат, до организации масштабных корпоративных соревнований. Крупные организации могут себе позволить тренажерный зал, средние и малые – поставить тренажер, теннисный стол.

Опасения вызывает небольшая распространенность физкультурминуток, которые не требуют финансовых и больших временных затрат, но при этом необходимы для людей, ведущих сидячий образ жизни. Это направление можно развивать как с помощью инициативы со стороны руководства, так и с помощью активистов внутри коллектива.

При разработке рекомендаций для организаций столицы важен комплексный подход. Желательно, чтобы различные программы по ведению физической активности были организованы в единую логичную систему, начиная от ивентов, направленных на первое вовлечение в мероприятия по физической активности, и заканчивая поддержанием постоянной активности тех, кто уже был вовлечен. Системный подход по привлечению работников к занятиям физической культурой уже в среднесрочной перспективе дает значительные результаты по увеличению количества ведущих ЗОЖ [23].

Политика большинства организаций в соблюдении принципов здорового питания сводится к возложению ответственности за их соблюдение на самих сотрудников. Наличие программ сохранения здоровья чаще упрощается до предоставления ДМС. Эти программы не являются однородными, и объем предоставляемых услуг сильно зависит от финансовых возможностей организации: от компенсации части затрат на некоторые виды медицинской помощи до 100 % оплаты всех медицинских процедур сотрудникам и их родственникам. Таким образом, и по эффекту для здоровья сотрудников разные программы ДМС будут различны.

Все больше внимания сегодня уделяется вопросам психического здоровья, полноценного сна, баланса труда и отдыха для сотрудников. При этом профилактика стресса – все же относительно неразвита

отрасль сохранения здоровья в московских организациях сегодня (прочем как и в нашей стране в целом) [24]. Очень крупные организации могут позволить себе нанять в штат психолога или создать *комнату психологической разгрузки*, но большинство организаций ориентируются на налаживание внутриколлективных связей и профилактику конфликтов в служебное время, опираясь на собственные силы, зачастую *по наитию*. Также важно учитывать тот факт, что вопрос про психологическую поддержку в исследовании не предполагал формализованных вариантов ответа, тем самым внося субъективный компонент – для одних хорошие условия труда уже являются отражением заботы о благоприятном психологическом климате, для других необходимы более активные действия со стороны работодателя.

Вызывает настороженность единственный ответ *есть психолог, но без образования*. К сожалению, факт широкой распространенности неквалифицированных специалистов, не имеющих соответствующей практической подготовки, может негативно сказываться на представлении о необходимости и эффективности психологической помощи.

Исследования ГБУ НИИОЗММ ДЗМ указывают на то, что психологический климат в коллективе – основной фактор лояльности сотрудников, который, в свою очередь, является значимым предиктором эффективной работы организации [25]. Это свидетельствует о важном экономическом аспекте такого рода работ и необходимости более активного развития существующей области.

Наконец, стимулирование отказа от курения и потребления алкоголя, по-видимому, недостаточно проработано, представляя собой соблюдение законодательных норм о запрете нахождения на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения и курения в служебных помещениях. В ряде случаев наличие иных практик подталкивания сотрудников к отказу от вредных привычек исходит из личной позиции руководства.

В условиях социально-экономической турбулентности многие компании, даже крупные, не могут выделять значимые средства для программ сохранения здоровья сотрудников. В этой связи важно продвигать рекомендации с максимальным соотношением *вложения – результат*. При разработке такого рода интервенций важно соблюдать следующие принципы:

1. Системность, планирование и обозначение конкретных целей программ. Контроль за внедрением практик ЗОЖ с назначением ответственных исполнителей.

2. Личный пример руководства.

3. Поддержание психологического комфорта и в целом культуры ЗОЖ за счет развития соответствующих аспектов корпоративной культуры.

4. Дифференцированный подход к сотрудникам при вовлечении в ЗОЖ, например, организация участия неспортивных людей во внутрикорпоративных соревнованиях по популярным видам спорта, не требующих хорошей физической подготовки (настольный теннис, дартс и т.д.).

5. Стимулирование сотрудников для самоорганизации в ведении ЗОЖ.

6. Полноценное информирование сотрудников о доступных кооперативных программах.

7. Желательна ежедневная ЗОЖ-активность для формирования устойчивых привычек и стабильного результата.

8. Активное участие в городских командных спортивных мероприятиях, использование городской спортивной инфраструктуры для занятий спортом с коллективом.

9. Основой корпоративной программы должна быть практика, а не теоретические лекции.

С точки зрения региональной и федеральной власти такая активность тоже может быть поддержана в рамках имеющихся ресурсов: за счет создания атласов *лучших практик* в данной области и единых информационных порталов корпоративного здоровья, предоставления возможностей для удобного посещения сотрудниками компаний муниципальных спортивных объектов, централизованного заказа правильного питания, выделение соответствующих налоговых льгот, организации выездных диспансеризаций с выдачей рекомендаций по ЗОЖ и др. Стоит отметить, что в различных странах мира, таких как США, Канада, Австралия, страны Европы, правительство активно включается в помощь организации охраны здоровья на рабочем месте [1; 26].

Заключение

Внедрение практик ведения ЗОЖ на рабочем месте – важное направление, которое привлекает сегодня все больше внимания как работодателей, так и региональных властей как Москве, так и в других субъектах. Исследование показывает сложившуюся вариативность практик в мегаполисе, что, с одной стороны, дает больше возможностей для выбора и тиражирования лучших практик в имеющейся области, с другой – говорит об определенной нестандартности. Более того, эти практики, как правило, концентрируются в крупных организациях, обладающих значимым финансовым ресурсом, несмотря на то что есть и практики, которые вообще не требуют денежных вложений.

Забота о здоровье сотрудников как физическом, так и психическом должна быть *модной*, приносить компании хорошую репутацию не только среди потенциальных сотрудников, но и среди населения – потребителей продукта. Собственно, уже сегодня, как было указано, специалисты отмечают связь корпоративной культуры и имиджа организации. Такую моду (с обязательным учетом отечественного культурного контекста и законодательства) можно развивать и в нашей стране, начиная как раз с мегаполисов, которые по большей части и являются популяризаторами прогрессивных идей. Тем более, что яркие практики в данной области мы уже можем наблюдать в Москве.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. В. Богдан – концепция и методика исследования, литературный обзор, подготовка рукописи. М. Д. Горносталев – концепция и методика исследования, анализ и интерпретация результатов, литературный обзор, подготовка рукописи. Д. П. Чистякова – концепция и методика исследования, анализ и интерпретация результатов.

Contribution: I. V. Bogdan developed the research concept and methodology, performed the literary review, and wrote the manuscript. M. D. Gornostalev developed the research concept and methodology, interpreted the results obtained, wrote the literary review, and drafted the manuscript. D. P. Chistyakova developed the research concept and methodology, analyzed the data obtained, and interpreted the results.

Литература / References

1. Sara J. D., Prasad M., Eleid M. F., Zhang M., Widmer R. J., Lerman A. Association between work-related stress and coronary heart disease: A review of prospective studies through the job strain, effort-reward balance, and organizational justice models. *Journal of the American Heart Association*, 2018, 7(9). <https://doi.org/10.1161/jaha.117.008073>
2. Скулкина Ю. Н. Основные подходы к управлению здоровьем персонала на рабочем месте. *Здоровье мегаполиса*. 2022. Т. 3. № 1. С. 88–93. [Skulkina J. N. Basic approaches to personnel health management in the workplace. *City healthcare*, 2022, 3(1): 88–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2022.v3i1;88-93>
3. Аксенова Е. И., Горбатов С. Ю., Камынина Н. Н. Корпоративные практики управления здоровьем сотрудников. М.: ГБУ НИИОЗММ ДЗМ, 2022. 40 с. [Aksenova E. I., Gorbatov S. Y., Kamynina N. N. *Corporate practices of employee health management*. Moscow: SBI RIHOMM MHD, 2022, 40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nyohbt>
4. Попович М. В., Маньшина А. В., Концевая А. В., Драпкина О. М. Корпоративные программы укрепления здоровья работников – обзор зарубежных публикаций. *Профилактическая медицина*. 2020. Т. 23. № 3. С. 156–161. [Popovich M. V., Manshina A. V., Kontsevaya A. V., Drapkina O. M. Corporate worker health promotion programs – Review of foreign publications. *Preventive medicine*, 2020, 23(3): 156–161. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17116/profmed202023031156>
5. Соболевская О. В., Черепов В. М. Корпоративные практики по охране здоровья работающих как фактор достижения целей устойчивого развития компаний. *Материалы 17-го российского национального конгресса с международным участием «Профессия и здоровье»*: 17-й Росс. нац. научн. конгр. (Нижний Новгород, 26–29 сентября 2023 г.). Н. Новгород: НКО Ассоциация врачей и специалистов медицины труда, ФГБУ НИИ медицины труда имени академика Н.Ф. Измерова, 2023. С. 438–442. [Sobolevskaya O. V., Cherepov V. M. Corporate practices for the protection of employees' health as a factor in achieving the sustainable development goals of companies. *Proceedings of the 17th Profession and Health Russian National Congress with international participation*: Proc. 17th Russian Natation Congr., Nizhniy Novgorod, 26–29 Sept 2023. Nizhniy Novgorod: NKO Assotsiatsiia vrachei i spetsialistov meditsiny truda, FGBU NII meditsiny truda imeni akademika N. F. Izmerova, 2023, 438–442. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31089/978-5-6042929-1-4-2023-1-438-442>
6. Концевая А. В., Анциферова А. А., Иванова Е. С., Драпкина О. М. Разработка пакета инструментов и внедрения корпоративных программ укрепления здоровья в организационных коллективах. *Экология человека*. 2021. № 7. С. 58–64. [Kontsevaya A. V., Antsiferova A. A., Ivanova E. S., Drapkina O. M. Development of the set of tools and implementation of workplace well-being programs. *Human ecology*, 2021, (7): 58–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2021-7-58-64>

7. Жидкова Е. А., Гутор Е. М., Панкова В. Б., Вильк М. Ф., Попова И. А., Гуревич К. Г., Драпкина О. М. Предварительные результаты реализации программы по снижению заболеваемости и предотвращению смертности от болезней системы кровообращения у работников локомотивных бригад. *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. 2022. Т. 21. № 9. С. 50–57. [Zhidkova E. A., Gutor E. M., Pankova V. B., Vilk M. F., Popova I. A., Gurevich K. G., Drapkina O. M. Preliminary results of the implementation of the program to reduce morbidity and prevent mortality from diseases of the circulatory system in workers of locomotive crews. *Cardiovascular therapy and prevention*, 2022, 21(9):50–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2022-3307>
8. Ковалев С. П., Яшина Е. Р., Ушаков И. Б., Турзин П. С., Лукичев К. Е., Генералов А. В. Корпоративные программы укрепления профессионального здоровья работников в Российской Федерации. *Экология человека*. 2020. № 10. С. 31–37. [Kovalev S. P., Yashina E. R., Ushakov I. B., Turzin P. S., Lukichev K. E., Generalov A. V. Corporate workplace health promotion programs in the Russian Federation. *Human ecology*, 2020, (10): 31–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2020-10-31-37>
9. Киреева А. В., Антипенкова И. В., Мазурина А. В. Корпоративные программы укрепления профессионального здоровья и их роль в повышении двигательной активности трудящихся. *Физическая культура и спорт. Олимпийское образование: Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 12–13 октября 2023 г.)* Краснодар: Экоинвест, 2023. С. 239–243. [Kireeva A. V., Antipenkova I. V., Mazurina A. V. Corporate programs for strengthening professional health and their role in increasing the motor activity of workers. *Physical education and sports. Olympic education: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Krasnodar, 12–13 Oct 2023*. Krasnodar: Ekoinvest, 2023, 239–243. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54939028>
10. Григорьева Т. В., Григорьев Н. С. Эффективность внедрения корпоративных программ укрепления здоровья. *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. 2022. Т. 17. № 3. С. 1488–1495. [Grigorieva T. V., Grigoriev N. S. The efficacy of health promotion programs. *Health – the basis of human potential: Problems and ways to solve them*, 2022, 17(3): 1488–1495. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ripury>
11. White J. S., Lowenstein C., Srivirojana N., Jampaklay A., Dow W. H. Incentive programmes for smoking cessation: Cluster randomized trial in workplaces in Thailand. *BMJ*, 2020, 14: 371–379. <https://doi.org/10.1136/bmj.m3797>
12. Schilbach F. Alcohol and self-control: A field experiment in India. *American Economic Review*, 2019, 109: 1290–1322. <https://doi.org/10.1257/aer.20170458>
13. Hunter R. F., Murray J. M., Gough A., Tang J., Patterson C. C., French D., McIntosh E., Xin Y., Kee F. Effectiveness and cost-effectiveness of a loyalty scheme for physical activity behaviour change maintenance: Results from a cluster randomised controlled trial. *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*, 2018, 15(1). <https://doi.org/10.1186/s12966-018-0758-1>
14. Камардина Т. В., Попович М. В., Усова Е. В., Анциферова А. А., Концевая А. В., Драпкина О. М. Методологические аспекты постановки целей и задач в корпоративных программах укрепления здоровья. *Профилактическая медицина*. 2023. Т. 26. № 3. С. 7–13. [Kamardina T. V., Popovich M. V., Usova E. V., Antsiferova A. A., Kontsevaya A. V., Drapkina O. M. Methodological aspects of setting goals and objectives in corporate health promotion programs. *Preventive medicine*, 2023, 26(3): 7–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17116/profmed2023260317>
15. Андропова О. В. Зарубежный опыт использования корпоративных программ укрепления здоровья. *АПК: Экономика, Управление*. 2023. № 3. С. 91–100. [Andropova O. V. Foreign experience of using corporate health promotion programs. *AIC: Economics, management*, 2023, (3): 91–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33305/203-91>
16. Устинова О. Ю., Зайцева Н. В., Власова Е. М., Костарев В. Г. Корпоративные программы профилактики нарушений здоровья на производстве вредных предприятий как инструмент управления профессиональным риском. *Анализ риска здоровью*. 2020. № 2. С. 72–82. [Ustinova O. Yu., Zaitseva N. V., Vlasova E. M., Kostarev V. G. Corporate programs for preventing health disorders among workers employed at adverse productions as a tool for occupational risk management. *Health risk analysis*, 2020, (2): 72–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21668/health.risk/2020.2.08>
17. Kowlessar N. M., Goetzel R. Z., Carls G. S., Tabrizi M. J., Guindon A. The relationship between 11 health risks and medical and productivity costs for a large employer. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 2011, 53(5): 468–477. <https://doi.org/10.1097/JOM.0b013e31821586b8>
18. Практика и проблемы управления: Внутривуз. научн. практ. конф., ред. И. М. Осипова. (Иркутск, 18 мая 2022 г.) Иркутск: ИрГТУ, 2022. 69 с. [Practice and problems of management: Proc. Intra-university sci.-prac. conf., ed. Osipova I. M., Irkutsk, 18 May 2022. Irkutsk: IrGTU, 2022, 69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvlpws>

19. Зудин А. Б., Введенский А. И. Управление здоровьем сотрудников на рабочем месте в условиях реализации корпоративной социальной политики. *Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко*. 2022. № 1-2. С. 36–41. [Zudin A. B., Vvedensky A. I. Managing the health of employees at the workplace in the context of the implementation of corporate social policy. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*, 2022, (1-2): 36–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25742/NRIPH.2022.01.004>
20. Celma D., Martinez-Garcia E., Raya J. M. Socially responsible HR practices and their effects on employees' wellbeing: Empirical evidence from Catalonia, Spain. *European Research on Management and Business Economics*, 2018, 24(2): 82–89. <https://doi.org/10.1016/j.iedeen.2017.12.001>
21. Fabius R., Phares S. Companies that promote a culture of health, safety, and wellbeing outperform in the marketplace. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 2021, 63(6): 456–461. <https://doi.org/10.1097/jom.0000000000002153>
22. Анциферова А. А., Концевая А. В., Худяков М. Б., Ипатов П. В., Драпкина О. М. Опыт внедрения корпоративных программ укрепления здоровья на рабочем месте в Российской Федерации: результаты опроса работодателей на платформе «Атрия». *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. 2022. Т. 21. № 6. С. 52–62. [Antsiferova A. A., Kontsevaya A. V., Knudyakov M. B., Ipatov P. V., Drapkina O. M. Experience in implementing workplace wellbeing programs in Russia: Results of a survey of employers on the atria platform. *Cardiovascular therapy and prevention*, 2022, 21(6): 52–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2022-3266>
23. Киреева А. В., Антипенкова И. В., Фомин С. Г. Повышение двигательной активности трудящихся через реализацию программы развития корпоративного спорта в АО «Концерн «Росэнергоатом». *Сборник материалов 73-й научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава ФГБОУ ВО «СГУС» по итогам НИР за 2022 год: 73 Науч.-практ. и науч.-метод. конф.* (Смоленск, 2 февраля 2023 г.) Смоленск: Смоленский государственный университет спорта, 2023. С. 134–137. [Kireeva A. V., Antipenkova I. V., Fomin S. G. Increasing the physical activity of workers through corporate sports development program at Rosenergoatom Concern. *Proceedings of the 73d scientific-practical and scientific-methodological conference of Smolensk State University of Sports: research results 2022: Proc. 73rd Sci.-Prac. and Sci.-Method. Conf.*, Smolensk, 2 Feb 2023. Smolensk: Smolenskii gosudarstvennyi universitet sporta, 2023, 134–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aredwy>
24. Быкова Г. А., Галстян В. А., Литвинова А. В. Корпоративное здоровье: как мотивировать сотрудников к ведению здорового образа жизни. *Актуальные проблемы, современные тенденции развития физической культуры и спорта с учетом реализации национальных проектов: Всеросс. науч.-практ. конф.* (Москва, 19–20 мая 2020 г.) М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2020. С. 692–696. [Bykova G. A., Galstyan V. A., Litvinova A. V. Corporate health: How to motivate employees to lead a healthy lifestyle. *Relevant issues and modern trends in physical culture and sports: National projects: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 19–20 May 2020. Moscow: PRUE, 2020, 692–696. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vlylav>
25. Богдан И. В., Дренёва А. А., Праведников А. В., Чистякова Д. П. Лояльность персонала медицинских организаций: теория и практика. М.: ГБУ НИИОЗММ ДЗМ, 2021. 187 с. [Bogdan I. V., Dreneva A. A., Pravostnikov A. V., Chistyakova D. P. *Corporate loyalty of medical personnel: Theory and practice*. Moscow: SBI RИНОММ МНД, 2021, 187. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bacymg>
26. Ертлеуова Б., Сагадатов Р. Well-being: как фактор повышения эффективности организации. *Государственное управление в новых геополитических и геоэкономических условиях: XIX Междунар. конф.* (Москва, 5–9 декабря 2022 г.) М.: КДУ, Добросвет, 2023. С. 224–230 [Yertleuova B., Sagadatov R. Well-being: As a factor in improving business performance. *Public administration in new geopolitical and geo-economic conditions: Proc. XIX Intern. Conf.*, Moscow, 5–9 Dec 2022. Moscow: KDU; Dobrosvet, 2023, 224–230 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fmlitz>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/abslws>

Трансформация российской семьи: история вопроса и тенденции современного периода

Протасова Татьяна Николаевна

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 4101-5452

<https://orcid.org/0000-0001-7250-3449>

tn.protasova@mail.ru

Аннотация: Сегодня вопрос о векторах изменения и состоянии института семьи рассматривается в контексте национальной безопасности. Цель – выявить и охарактеризовать основные тенденции трансформации института семьи в условиях современной России. В работе представлены этапы трансформации института семьи в контексте модернизации общественных отношений, выделены факторы его изменений, определены основные тенденции, характеризующие современное состояние данного института. В рамках исследования обнаружен ряд специфических для нашего времени тенденций изменения российской семьи: многообразие моделей семьи, стратегий развития отношений и родительства; переформатирование, редукция традиционных функций семьи и появление новых; индивидуализм и рационализация вместо нормативности; запрос на репродуктивные технологии позднего родительства и пр. Было установлено, что новые тенденции неравномерно распространены по территории страны и представлены среди поколений. Рационализация и проявление свободы выбора наиболее характерны для молодежи, проживающей в больших городах. Это выражается в относительной легкости создания и разрушения семейных отношений, необязательности брака, более позднем по возрасту вступлении в брак и рождении детей. Сделан вывод, что необходима концептуальная разработка и реализация государственной семейной политики в современной России, основанная на учете современных тенденций изменения семьи и отношения россиян к семейно-детному образу жизни.

Ключевые слова: семья, трансформация института семьи, функции семьи, структура семьи, семейные ценности, семейное поведение, семейно-детный образ жизни, государственная семейная политика

Цитирование: Протасова Т. Н. Трансформация российской семьи: история вопроса и тенденции современного периода. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 209–219. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-209-219>

Поступила в редакцию 21.02.2024. Принята после рецензирования 23.04.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Transformation of Russian Family: History and Modern Trends

Tatiana N. Protasova

Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 4101-5452

<https://orcid.org/0000-0001-7250-3449>

tn.protasova@mail.ru

Abstract: In modern Russia, the family institution is a matter of national security. This research featured the key transformations of the modern Russian family. The article presents the transformation stages in the context of the actual social relations, identifies the factors of these changes, and establishes the main trends that characterize the current state of the Russian family. Family models have become more diverse, as well as the strategies of couple relationship and parenthood. The traditional family functions are undergoing some transformations, e.g., new formats appear while others fade into the past. The modern family is characterized by individualism and rationalization instead of standards. Late parenthood requires more available reproductive technologies. These new trends are to be observed all over the country and in all age groups. Young metropolitan dwellers manifest rationalization and freedom of choice: they make marriage and divorce decisions quite easily, see marriage as optional, and are prone to late marriage and parenthood. The concept and implementation of state

family policy in modern Russia need to take into account the abovementioned trends, as well as the actual attitude of the population to family relations and parenthood.

Keywords: family, transformation of family institution, family functions, family structure, family values, family behavior, family lifestyle and parenthood, state family policy

Citation: Protasova T. N. Transformation of Russian Family: History and Modern Trends. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 209–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-209-219>

Received 21 Feb 2024. Accepted after review 23 Apr 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

В современной России крайне актуализировался дискурс о состоянии института семьи, происходящих в данном институте изменениях, взаимосвязи этих изменений с социальной структурой и динамикой общества, об их последствиях для общества как социальной системы. В истории нашей страны можно выделить периоды, характеризующиеся разным отношением общества, государства и науки к институту семьи. Но в целом доминировало понимание, что семья, так или иначе выполняющая свои функции, была, есть и будет. На современном этапе сформировалось понимание острого кризисного состояния института семьи, что требует глубокого изучения проблемы и разработки соответствующих действий.

В современной отечественной науке и практике трансформация института семьи связывается с демографической ситуацией в стране и анализируется в контексте национальной безопасности как ключевой сферы государственного управления. Демографическая ситуация оценивается как кризисная, характеризуется сокращением численности населения в условиях второй волны депопуляции [1, с. 6; 2, с. 43]. В РФ взят курс на защиту традиционных ценностей, 2024 г. объявлен Годом семьи.

Режим суженного воспроизводства населения в России установился еще с 1964 г. Однако до 1991 г. в стране численность населения продолжала расти за счет потенциала демографического роста. Старение возрастной структуры привело к потере потенциала роста. Ситуацию усугубила демографическая яма 1990-х гг. С тех пор и до сегодняшнего дня (исключением стал период 2013–2015 гг.) наше общество ежегодно теряет население, происходит естественная убыль населения (смертность превышает рождаемость). По среднему варианту прогноза Росстата численность населения России снизится с 146 млн человек в 2023 г. до 138 млн человек к 2045 г.¹

Методы и материалы

Выводы о ведущих тенденциях изменения института семьи в условиях современной России сделаны исходя из анализа данных текущего статистического учета населения, всероссийских переписей населения (2010, 2020 / 2021), репрезентативных выборочных наблюдений репродуктивных планов населения (2012, 2017, 2022), опросов ВЦИОМ, а также ряда современных социально-демографических и социологических исследований. Теоретико-методологическая основа исследования базируется на системном подходе, ценностном (аксиологическом) подходе и структурно-функциональной теории.

Результаты

Научная полемика о том, что институт семьи изменяется со временем, началась еще с середины XIX в. с работ швейцарского историка Иоганна Якоба Бахофена «Материнское право» [3], шотландского этнолога Джона Фергюсона Мак-Леннана «Первобытный брак» [4], американского антрополога Льюиса Генри Моргана «Система родства и свойства человеческой семьи» [5]. Исследователи пришли к выводу об изменчивости форм семьи и брака в истории человечества, что вызвало на тот момент острую критику. В европейских странах патриархальная семья считалась универсальной и единственно верной формой семейно-брачных отношений, рассматривалась как микромодель общества со всеми характеристиками патриархальности (частной собственностью, субординацией, авторитарностью, жесткой нормативностью и пр.) [6, с. 67–70].

Однако с конца XIX в. в институте семьи начинают происходить трансформационные процессы: снижается рождаемость, меняются стратегии брачного выбора, растет эмансипация женщин от мужчин и детей от родителей, формируется тенденция нуклеаризации, постепенно происходит редукция функций семьи и т. п. О кризисе, разложении, распаде

¹ Демография. ФСГС. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 06.02.2024).

института семьи писал в своих работах П. А. Сорокин. На основе проведенных исследований П. А. Сорокин констатировал ослабление связи между мужем и женой, между родителями и детьми, прогнозировал дальнейшее сокращение социокультурных функций семьи как социального института и превращение его в случайное сожителство [7].

В 1920–1930-е гг. в СССР полемика вокруг изменения института семьи, как правило, сводилась к вопросу разрушения старых и формированию новых семейно-брачных отношений, смены буржуазной формы моногамии на советскую социалистическую в рамках теоретико-идеологического обеспечения практической деятельности правящей партии. После возрождения отечественной социологии во времена хрущевской оттепели вопросы семьи стали изучаться в разных направлениях и аспектах. В 1970–1980-е гг. наблюдается переключение внимания ученых с семьи как социального института на семью как социальную группу [8, с. 415–429]. В советской социологии вопросами института семьи занимались многие известные деятели науки [9–20]. В результате осмысления вопросов изменения и развития семьи в отечественной социологии сформировались две противоборствующие концептуальные позиции: консервативно-кризисная (А. И. Антонов, В. А. Борисов, В. М. Медков, А. Б. Синельников, А. Г. Харчев и др.); либерально-прогрессистская (А. Г. Вишневский, С. И. Голод и др.).

Представители консервативно-кризисного подхода (институционального кризиса семьи), стремясь сохранить общественно-функциональное значение семьи, пишут о глубокой деградации института семьи в революционной форме, о его гибели, разрушении, крахе, что угрожает существованию нашего общества и даже человеческого рода [6, с. 91].

Представители либерально-прогрессистской позиции, опираясь на идеи стабильности института семьи, имманентные закономерности ее развития, социокультурную и экономическую модернизацию, утверждают, что семья претерпевает прогрессивную эволюцию под влиянием объективных факторов. Традиционная, патриархальная семья трансформируется в современную, эгалитарную, добровольную. Разнообразие семейных форм и нестабильность семейных отношений – это плата за прогресс [21].

Сегодня все больше получает поддержку умеренная позиция, в рамках которой исследователи признают, с одной стороны, влияние исторических тенденций общественного развития в целом, исторического развития индивидуальности, ценности свободы выбора, с другой – кризисное состояние современного института семьи. Кризис современной

российской семьи характеризуется редукцией, недостаточным выполнением или даже утратой ее традиционных функций, особенно репродуктивной и социализационной. На смену концептуальному противостоянию приходит объединение идей эволюционного и функционального подходов, изучаются модернизационные и кризисные аспекты [22, с. 21; 23, с. 267]. Аргументируется необходимость сохранить семью как социальный институт с его функциями, значением как для общества, так и для личности.

К основным факторам трансформации института семьи исследователи относят: развитие капиталистических отношений, рыночную экономику; урбанизацию; научно-технический прогресс; индустриализацию и рост эффективности производства; усложнение социально-групповой структуры общества; усиление возможностей территориальной и социальной мобильности; общеевропейские тенденции изменения семейно-брачных ценностных ориентаций личности; рост демографической эффективности семьи из-за снижения уровня детской смертности, демографические переходы; массовое вовлечение женщин в образование и работу по найму; преобладание в современном обществе индивидуалистических ценностей над фамилистическим [23].

Изменение института семьи представители либерально-прогрессистской парадигмы связывают с общественными трансформациями в контексте модернизации, переходом от одного типа общества к другому [24, с. 5; 25].

В доиндустриальном обществе господствовали ценности фамилизма над индивидуализмом. В семейных отношениях доминировали отношения родства, поддерживались связи с членами семьи, а также с родственниками; признавались авторитет старших поколений и приоритет мужчины; в регуляции поведения следовали семейным традициям, жестким общественным нормам. При любых обстоятельствах сохранялась целостность семьи. Собственность и знания передавались последующим поколениям. Мотивы рождаемости были экономическими. Рождаемость и детская смертность были высокими.

В индустриальном обществе актуализируются отношения порождения, т.к. дети стали рассматриваться как условие благополучной старости родителей. Семья благодаря победе над экзогенными факторами смертности (гигиена, вакцинация, изобретение антибиотиков и др.), а также разработке и доступности эффективных методов контрацепции получила возможность выбора количества желанных

для рождения детей, ожидая, что они доживут до взрослого возраста. Возросла роль любви к детям, материальной и духовной заботы о них, воспитания.

В семье постиндустриального общества доминирующими становятся отношения супружества (личного взаимодействия супругов). Во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в семье, повышается значение эгоистических мотивов, желаний, потребностей, ценностей индивидуализма, а не фамилизма. Каждая семья сегодня – это не только социальная группа ее членов с определенными статусами и функциями, она состоит из работающих или получающих образование членов, со своими возможностями, проблемами, интересами. Современному работодателю нужны мобильные, высококвалифицированные работники, готовые работать в условиях многозадачности и ненормированного трудового дня. На смену социальным мотивам рождаемости пришли психологические, для удовлетворения которых достаточно родить одного ребенка в удобный для семьи период времени.

Сторонники модернизационной парадигмы считают, что депопуляция (результат снижения рождаемости) решает ряд экологических и экономических проблем человечества [26, с. 23–24]. Однако данный подход к оценке низкой рождаемости не может быть применим для реалий нашей страны. Достаточность, недостаток или избыточность численности населения необходимо оценивать относительно конкретной территории, конкретных ресурсов.

Выделим основные тенденции трансформации современной российской семьи.

Изменение структуры семьи

Переход от многодетности к малодетности, однодетности, в отдельных случаях – добровольной бездетности. Россия пережила два демографических перехода: от нерегулируемой рождаемости к возможности сознательно выбирать количество детей; от регулируемой рождаемости к массовой ориентации на двухдетную семью [27]. Из поколения в поколение в российских семьях в среднем рождается меньшее количество детей. Динамику репродуктивных установок россиян за последние 10 лет можно проследить на основе выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (РПН),

которое Росстат проводил в 2012, 2017 и 2022 гг. В данный период времени наблюдается снижение среднего показателя как желаемого числа детей (мужчины: 2,30 % в 2012 г., 2,16 % в 2017 г., 1,97 % в 2022 г.; женщины: 2,28 % в 2012 г., 2,15 % в 2017 г., 2,00 % в 2022 г.), так и ожидаемого числа детей (мужчины: 1,92 % в 2012 г., 1,88 % в 2017 г., 1,74 % в 2022 г.; женщины: 1,92 % в 2012 г., 1,88 % в 2017 г., 1,76 % в 2022 г.). Негативной тенденцией является увеличение процента опрошенных, желающих и ожидающих бездетность. Процент женщин, выбирающих при всех необходимых условиях для рождения детей бездетность, увеличился с 0,70 % до 2,41 %, а таких мужчин с 1,90 % до 3,54 %. По результатам опроса 2022 г., не собираются иметь детей (ожидаемое число детей) 3,73 % женщин и 5,37 % мужчин. 74 % женщин хотели бы иметь не более 2-х детей, а 78,13 % ожидают, что у них родится 1–2 ребенка либо не родится вообще².

По данным Всероссийской переписи населения (ВПН-2020), среди семейных ячеек: супружеских пар с детьми – 37 %, супружеских пар без детей – 31 %³. Однако при сопоставлении результатов переписей 2010 г. и 2021 г. отмечается ряд положительных тенденций: сокращение доли однодетных семей с детьми в возрасте до 18 лет с 59 % до 47 %; доминирование семей с двумя детьми (в том числе и взрослыми, но еще не в браке) – 53 % [28, с. 78].

Нуклеарность. Современные дети стремятся как можно быстрее уехать от родителей и жить самостоятельно, хотя зачастую при финансовой поддержке родителей. Молодые семьи также стремятся к отделению от родительской семьи. И даже старость родителей, сопровождающаяся потребностью в помощи со стороны другого человека, не всегда может стать причиной совместного проживания под одной крышей разных поколений. В том числе происходит рост доли одиноких пожилых людей. По итогам ВВП-2020 средний размер частного домохозяйства составил 2,2 человека (в городах – 2,1; в селах – 2,5). Самым распространенным оказывается домохозяйство из 1 человека (41,8 % от общего числа домохозяйств). Преобладание одиночек в составе домохозяйств за всю историю переписей в России зафиксировано впервые. Например, в переписи 2010 г. доля домохозяйств из 1 человека составляла 25,7 %⁴. В 2021 г.

² Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения: 2012. ФЦИС. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html; 2017. ФЦИС. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html; 2022. ФЦИС. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 04.02.2024).

³ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения – 2020. Том 8. Число и состав домохозяйств. ФЦИС. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domochozajstv (дата обращения: 04.02.2024).

⁴ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения – 2010. Том 6. Число и состав домохозяйств. ФЦИС. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 04.02.2024).

из общего числа домохозяйств, состоящих из одного человека, 0,07 % – это лица моложе трудоспособного возраста, 57,4 % – лица трудоспособного возраста и 42,6 % – старше трудоспособного возраста. Домохозяйств из 2-х человек на 9,3 % больше, чем из 3-х человек и на 14,3 % больше, чем из 4-х человек⁵.

Большая доля неполных семей. Негативной тенденцией является увеличение доли неполных семей с детьми. По данным ВПН-2020 среди семейных ячеек в стране – около 32 % семей с одним родителем, из них матерей, одиноко воспитывающих детей, – 26 %, отцов-одиночек с детьми – 6 %⁶. Традиционными причинами, приводящими к такой структуре семьи, считаются разводы и смерть одного из супругов. Сегодня распространение получает целенаправленное рождение ребенка зрелой женщиной для себя.

Изменения в реализации функций семьи

Участие в реализации семейных функций других социальных институтов. Современная семья активно передает часть своих традиционных функций различным социальным институтам, а институты активно включаются в их реализацию, предлагая новые возможности, задавая новые стандарты. Данная ситуация обусловлена в том числе высокими требованиями к социализированности, компетентности современного человека в разных сферах жизнедеятельности, его профессионализму, что не может обеспечить семья в одиночку. Например, в реализации функций социализации, воспитания, образования принимают участие институт образования (детские сады, школы, вузы, организации дополнительного образования и пр.), Интернет как новый социальный институт с культурно-образовательными и педагогическими ресурсами и СМИ. Функцию защиты сегодня помогают реализовать полиция, армия; социально-бытовую – сфера услуг (учреждения социальной защиты населения, клининговые организации, организации общественного питания, доставка и пр.); социально-статусную – организации профессионального образования, наемный труд; функцию эмоциональной поддержки – друзья, профессиональные психологи, лайки в социальных сетях и т. п.

Изменение содержания и качества реализации семейных функций. На современном этапе развития изменяется содержание реализации функций, что влечет за собой как положительные, так и отрицательные эффекты. Так, сегодня социализационная функция семьи в основном связана с обеспечением

возможности получения детьми качественного разностороннего образования. Реализация этой задачи зависит от статуса семьи (экономических возможностей, властного влияния на территории, места жительства, наличия времени у родителей сопровождать детей в образовательные организации и пр.). Такая ситуация ведет к ослаблению внутрисемейных контактов, усилению солидарности в поколенческих группах, социальной дифференциации.

В реализации многих функций используются современные технологии. К бытовой технике, упрощающей осуществление социально-бытовой функции, мы все уже привыкли. Современные технологии помогают совершать онлайн-покупки, быстрые переводы денежных средств членам семьи, регулярно общаться на расстоянии через видео-звонки, обучать и воспитывать детей.

Новой тенденцией является запрос значительной части населения на вспомогательные репродуктивные технологии, например, искусственное оплодотворение, суррогатное материнство. Сегодня в России 15–18 % супружеских пар имеют диагноз *бесплодие* [29, с. 33]. В связи с проблематичностью этой ситуации с 2014 г. в программу ОМС включена процедура экстракорпорального оплодотворения, с 2016 г. расширены возможности проведения данной процедуры для женщин, с 2024 г. в программу диспансеризации населения России включена глубокая оценка репродуктивного здоровья женщин и мужчин. Сегодня актуализируется запрос на развитие технологий сохранения репродуктивного здоровья для позднего родительства.

Также важно указать на деструктивное содержание ряда функций, реализуемых институтом семьи. Например, снижение рождаемости, появление и распространение бездетных браков указывают на деструктивное содержание репродуктивной функции.

Изменение значимости семейных функций. В современном институте семьи ряд функций теряет свое значение. Например, экономическая функция, т. к. сегодня индивид самостоятельно может обеспечить приемлемый уровень жизни. Даже выгоднее жить одному. Индивидуальная заработная плата не учитывает семейности. Дети рассматриваются как фактор обеднения семьи. При этом в мире стрессов, скоростей и рисков повышается значимость психологической функции семьи [30, с. 528]. Появляются новые для семьи функции, например управление услугами [31, с. 29].

⁵ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения – 2020. Том 8...

⁶ Там же.

Отдельная проблема – выполнение семейных функций союзами, основанными на сожительстве. Среди всех функций, которые традиционно выполнял институт семьи, самыми важными можно назвать функции воспроизводства, социализации детей и обеспечения психологического комфорта для членов семьи. В сожительствующих парах не всегда рождаются дети, соответственно, эти союзы вообще не выполняют первые две функции. Качество выполнения третьей тоже под вопросом [32, с. 95].

Изменения в реализации семейного поведения

Продолжающаяся автономизация брачности, прокреации и сексуальности. Для традиционной семьи была характерна слитность и взаимозависимость всех видов семейного поведения. Сегодня каждый вид поведения представляет самостоятельный феномен, со своими целями, характеристиками, спецификой и проблемами. Чтобы родить ребенка, не обязательно заключать брак, даже вступать в интимные отношения. Брак не подразумевает обязательного рождения детей, а интимные отношения – официально зарегистрированный брак.

Кризис брачности. Изменилось матримониальное поведение (связанное с брачным выбором). Выбор будущего супруга не зависит от социальных норм, от рекомендаций родителей. По результатам опроса ВЦИОМ 2023 г., было установлено, что любовь – ключевое условие для создания семьи (57 %). После любви важным является финансовая самостоятельность партнеров: отдельное жилье (35 %), доход, обеспечивающий независимость от родителей⁷.

Исчезает норма обязательного заключения брака. По результатам РПН-2022, женщины и мужчины по-разному относятся к регистрации брака. 66,14 % женщин и 56,75 % мужчин считают, что первый брак в жизни должен быть обязательно зарегистрирован; желательно зарегистрирован – 29,73 % женщин и 35,72 % мужчин; нет, не нужно регистрировать – 4,13 % женщин и 7,52 % мужчин. Относительно регистрации повторного брака снижается строгость в требовании обязательности. Лишь 33,20 % женщин и 24,79 % мужчин предпочли обязательность регистрации брака, 50,83 % женщин и 49,68 % мужчин предпочли желательность, а 15,97 % женщин и 25,53 % мужчин считают, что регистрировать повторный брак не нужно.

Среди опрошенных доля состоящих в незарегистрированном браке от состоящих в супружеских отношениях составляет 41,25 % женщин в возрасте до 25 лет и 56,04 % мужчин того же возраста⁸.

Становятся популярными нетрадиционные (альтернативные) формы брака и семьи: сожительство, пробный брак, параллельный брак, дистанционная семья, свободный союз и пр. Тенденция распространения сожительств снижает рождаемость [28, с. 79].

Изменение возрастных границ брачности. По данным Росстата, в 2022 г. наибольшее количество браков заключалось в возрастном периоде 25–34 лет, а еще в 2002 г. – 18–24 лет. В 2022 г. в возрасте 35 лет и более заключалось больше браков, чем в возрасте 18–24 лет⁹. Данная статистика свидетельствует о более позднем возрасте вступления в брак и о распространенности повторных браков.

Изменение возрастных границ родительства (материнства). По результатам РПН-2022, средний возраст матери при рождении первого ребенка из года в год увеличивается. При рождении первого ребенка в 1995–1999 гг. средний возраст матери составлял 19,54 года; в 2018–2022 гг. – 26,75 лет¹⁰.

Изменения внутри семейных отношений

Разнообразие типов семей с превалированием супружеского типа. В современном российском обществе присутствуют разные типы семей: традиционные, детоцентрические, супружеские. Но все большее распространение получает супружеский тип, где каждый член семьи имеет свои личные интересы, достижения, специфику, свободу выбора. Семья рассматривается как ресурс для удовлетворения индивидуальных потребностей ее членов. Ведущими отношениями являются не родство и родительство, а отношения между супругами. Современная семья в большей степени становится социально-психологической группой, чем продолжает быть социальным институтом, выполняющим предписанные ей функции [22].

Перераспределение гендерных обязанностей в семье. Жесткая гендерная иерархия сменяется гендерным консенсусом. По данным ВЦИОМ (опрос 2023 г.), 68 % россиян считают, что можно обойтись без главы семьи, взаимные решения должны приниматься совместно, а менее важные – в соответствии с разделением обязанностей. Равноправие

⁷ Совет да любовь! ВЦИОМ. 20.10.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sovet-da-ljubov> (дата обращения: 05.02.2024).

⁸ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. 2022...

⁹ Демография...

¹⁰ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. 2022...

в семейных отношениях чаще выбирают женщины (70 % против 64 % мужчин), молодежь 18–34 лет, россияне со средним образованием и выше, жители обеих столиц, а также предпочитающие Интернет телевидению¹¹. Современные мужчины в семье все больше участвуют в домашних делах и воспитании детей. Постепенно происходит сдвиг от традиционного к вовлеченному отцовству [33]. Современные женщины активнее участвуют в материальном обеспечении семьи, упрощая реализацию бытовых функций с помощью современных технологий и сервисов (доставка, клининг, наем *домашних помощниц*), требуя поддержки и их разделения от мужчин.

Рост автономии поколений. Современные родители все меньше превозносят интересы детей в ущерб своим. Поздние роды, чтобы *пожить для себя*, укрепить материальное положение; рождение 1–2 детей; использование современных технологий, упрощающих воспитательный процесс; эмоциональное дистанцирование и пр. Современные дети все меньше испытывают благодарности к родителям, которые их родили, вырастили и, возможно, еще продолжают обеспечивать, и воспринимают это как их обязанность. При этом дети все меньше испытывают обязанность подчиняться требованиям родителей, уважать их и ценить. Важным фактором автономизации поколений является научно-технический прогресс, все ускоряющиеся социальные изменения, которые приводят к устареванию трудовой культуры, социальных навыков старшего поколения. Молодое поколение в данной ситуации получает преимущество, т.к. быстро осваивает современную технологическую культуру. Параллельно автономизации поколений происходит усиление солидарности в поколенческих группах [34, с. 58–59]. Современные дети ориентированы на отдельное проживание от родителей, стремятся покинуть родительские семьи, в том числе под предлогом получения образования в другом городе. Проблема автономизации распространяется и на отношения между поколением взрослых детей и их пожилых родителей. Показателем этой ситуации оказывается высокая потребность населения старше трудоспособного возраста в стационарном обслуживании в домах-интернатах. По оценкам исследователей эта потребность сегодня не обеспечивается имеющимися мощностями [35].

Автономизация супружества от родительства.

Отделение отношений супружества от родительства проявляется в либерализации отношения общества, особенно молодежи, к чайлдфри. По результатам опроса ВЦИОМ (2021 г.), растет терпимость людей к тем, кто может, но сознательно решил не заводить детей. 58 % опрошенных в оправдание такого решения считают, что в жизни бывают разные обстоятельства, и 34 % – что не стоит их осуждать¹².

Высокая конфликтность, разводимость, превалирование интересов супругов над интересами детей в ситуации развода приводят к серьезным проблемам у детей: росту числа детей с неврозами, личностными расстройствами, девиациями и пр.

Отделение отцовства от материнства. На современном этапе наблюдается рост числа матерей-одиночек, отцов-одиночек, смешанных семей, где дети воспитываются отчимами, мачехами.

Изменения ценностей и норм семейно-детного образа жизни

Трансформация системы семейных ценностей. Семья как ценность для россиян продолжает быть лидирующей [23]. По результатам ряда опросов ВЦИОМ 2023–2024 гг., ценность крепкой семьи выступает лидирующей. Так, в 2023 г. крепкая семья являлась наивысшей ценностью для 68 % россиян. Особенно важна данная ценность для опрошенных 35–45 лет (77 %). Для молодежи 18–24 лет она лишь немного приоритетнее, чем ценность самореализации (57 % и 50 % соответственно)¹³. По данным аналитического отчета по результатам межрегионального социолого-демографического исследования «Ценности семейно-детного образа жизни», проведенного исследовательским коллективом кафедры социологии семьи и демографии МГУ (СеДОЖ-19), ценность *семья, дети, заботливые близкие* расположилась в иерархии жизненных ценностей опрошенных на втором месте после *здоровья*. Исследователи отмечают, что с возрастом значение семьи как ценности растет. Эта ценность имеет большее значение для супругов, состоящих в официальном браке, чем для сожительствующих пар, а также для имеющих детей, чем для бездетных [36, с. 24].

На смену фамилистическим ценностям (супружество, родительство, целостность семьи и брака)

¹¹ Кто в доме хозяин? ВЦИОМ. 05.06.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kto-v-dome-khozjain> (дата обращения: 03.02.2024).

¹² Семья и дети: установки и реалии. ВЦИОМ. 02.12.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-deti-ustanovki-i-realii> (дата обращения: 06.02.2024).

¹³ Ценность # 1: навстречу году семьи. ВЦИОМ. 23.11.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennost-1-navstrechu-godu-semi> (дата обращения: 06.02.2024).

приходят либеральные ценности, основанные на индивидуализме (карьерный рост, личная независимость, материальное обогащение, потребительство и пр.). Претерпевают изменение такие фамилистические ценности, как брак (он становится необязательным), целостность брака и семьи (конфликты внутри семей и разводы стали атрибутами брака), детность (как ценность, определяющая количество детей в семье, хотя дети как семейная ценность пока остается значимой для многих), ценность детей определенного пола (доминирует важность рождения определенного количества детей). Отношение современной личности к созданию семьи, рождению и воспитанию детей определяется в большей мере не биологической потребностью, а социальной, т. е. потребностью в личностной самореализации [37, с. 265].

При этом ученые фиксируют рост толерантности общества к любому выбору семьи: брачность – безбрачие, детность – бездетность, карьера – семья и т. п. Сегодня складывается ситуация, когда традиционную семью с детьми начинают воспринимать как устаревшую, немодную [38].

Размывание системы поведенческих норм в сфере брака и семьи. Происходит перенос социального контроля над семейным поведением с общественных институтов (государство, церковь, коллектив) на индивидуальный уровень [22, с. 22].

Рост толерантности к разводам. Приемлемость развода в семье с детьми по субъективным причинам (прошла любовь, угасла страсть к супругу, не нарушавшему норм и правил семейной жизни) рассматривается в науке как симптом институционального кризиса семьи [36, с. 35–36; 39, с. 78]. По результатам опроса СеДОЖ-19, большинство опрошенных признают моральное право жены на развод с нелюбимым мужем (71,2 %) и мужа на развод с нелюбимой женой (68,6 %), несмотря на то что в семье есть дети [36, с. 36]. Общественное признание уважительности субъективных причин развода снижает брачность и рождаемость, т. к. формирует понимание того, что брак – не навсегда, он в любой момент может развалиться по желанию второй половины [39, с. 78].

Рационализация репродуктивных планов. Современная молодежь рационализирует свое поведение, аргументируя принятие решения о более позднем браке, родителем либо отказе от рождения детей необходимостью решения жилищного вопроса, достижения экономической самостоятельности. По результатам исследования СеДОЖ-19, молодые опрошенные по сравнению с респондентами

более старших возрастов меньше разделяют такие утверждения, отражающие семейные ценности, как *Ничто не приносит такого удовлетворения, как выращенный ребенок*, *Бездетные часто ощущают пустоту своей жизни*, но молодые в большей степени разделяют тезис *Быть счастливым можно и не имея детей*, а также идеи о необходимости материальной основы перед рождением детей [36, с. 42–43].

Следует отметить неравномерность распространения современных тенденций в нашей стране. Имеют значение такие региональные особенности, как национальные и местные традиции, вероисповедание, нормативно-ценностные ориентации жителей региона и пр. В небольших городах, селах образ жизни меняется медленнее. В больших городах, столицах современные тенденции, новые практики в сфере семьи и родительства развиваются быстрее [40]. Например, по результатам опроса о распределении гендерных ролей в российских семьях, проведенного ВЦИОМ в 2023 г., патерналистскую модель семейных отношений больше предпочитают жители сел (28 % против 11 % в обеих столицах), в Северо-Кавказском федеральном округе данная модель (45 %) конкурирует с консенсусной (46 %) ¹⁴.

Заключение

Современная семья становится все более разнообразной в моделях и формах взаимоотношений, многовариантной в своем развитии и выборе репродуктивных планов, но все более малочисленной, простой по структуре. Снижается регламентирующее и регулирующее значение социальных норм, традиций, повышается роль индивидуальных решений.

Современный кризис института семьи основан на противоречии ожиданий общества и стремлений личности относительно рождения детей. Личность стремится к свободному выбору в вопросах семейно-брачных отношений, а общество ожидает эффективную реализацию процессов физического и социокультурного воспроизводства населения. Институт семьи оказывается жертвой в этом конфликте.

Доминирование ценностей индивидуализма над традиционными ценностями фамилизма приводит к формированию угрожающих нашему обществу тенденций: отсрочке деторождения на более поздний возрастной период, что увеличивает количество и разнообразие проблем с зачатием и вынашиванием, рождением детей с заболеваниями; полному отказу от рождения детей среди некоторой части молодежи.

¹⁴ Кто в доме хозяин?...

На сегодняшний день важной задачей социального управления является создание условий для осознания личностью семьи в качестве социокультурной ценности, формирование нравственной потребности личности в создании крепкой, здоровой, полноценной семьи. Актуализируется необходимость разработки и реализации методов и инструментов воздействия на личность, установления границ свободы личности в контексте национальной безопасности. Для разработки мер сохранения семьи нужны исследования характерных черт современной семьи, существующих и лишь только формирующихся тенденций в семейном образе жизни, в отношении людей, особенно молодых поколений, к семье, браку, рождению детей и пр.

Комплексное, разностороннее изучение ситуации позволит прогнозировать дальнейшие процессы

изменения семейной структуры общества, семейных функций, последствий этих изменений для общества и государства. Следовательно, нужна новая концепция семейной политики, имеющая комплексный характер воздействия: от формирования потребностей в семейно-детном образе жизни, значимости семейных ценностей до создания условий для их реализации. Интересы семьи должны учитываться как приоритетные во всех сферах жизни общества.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author stated that there are no potential conflicts of interests regarding the research, authorship and / or publication of this article.

Литература / References

1. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году, отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. М.: Проспект, 2023. 448 с. [*Russian society and state in the context of the emergence of a new world order: Demographic situation in 2022*, eds. Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K. Moscow: Prospekt, 2023, 448. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023>
2. Ростовская Т. К. О разработке Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства: авторский взгляд. *Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. 2023. Т. 16. № 1. С. 40–47. [Rostovskaya T. K. On the development of an action Strategy to save men and support responsible fatherhood: The author's view. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 2023, 16(1): 40–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-40-47>
3. Bachofen J. J. *Das Mutterrecht: Eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur*. Stuttgart: Verlag von Kraiss & Hoffmann, 1861, 435.
4. McLennan J. F. *Primitive marriage: An inquiry into the origin of the form of capture in marriage ceremonies*. Edinburgh: Adam and Charles, 1865, 326.
5. Morgan L. H. *Systems of consanguinity and affinity of the human family*. Washington: Smithsonian Institution, 1870, 590. <https://doi.org/10.5962/bhl.title.29577>
6. Социология семьи, ред. А. И. Антонов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2005. 640 с. [*Sociology of the family*, ed. Antonov A. I. 2nd ed. Moscow: Infra-M, 2005, 640. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qodlhx>
7. Сорокин П. А. Кризис современной семьи. *Вестник Московского университета. Серия. 18. Социология и политология*. 1997. № 3. С. 65–79. [Sorokin P. A. The crisis of the modern family. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 1997, (3): 65–79. (In Russ.)]
8. Социология в России, ред. В. А. Ядов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФНИСЦ РАН, 1998. 696 с. [*Sociology in Russia*, ed. Iadov V. A. 2nd ed. Moscow: FCTAS RAS, 1998, 696. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tcioab>
9. Антонов А. И. Социология рождаемости: теоретические и методологические проблемы. М.: Статистика, 1980. 271 с. [Antonov A. I. *Sociology of fertility: Theoretical and methodological problems*. Moscow: Statistika, 1980, 271. (In Russ.)]
10. Борисов Б. И. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с. [Borisov B. I. *Fertility prospects*. Moscow: Statistika, 1976, 248. (In Russ.)]
11. Васильева Э. К. Семья и ее функции. Демографо-статистический анализ. М.: Статистика, 1975. 181 с. [Vasilieva E. K. *Family and its functions. Demographic and statistical analysis*. Moscow: Statistika, 1975, 181. (In Russ.)]
12. Вишневецкий А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. 287 с. [Vishnevsky A. G. *Population reproduction and society. History, modernity, and prospects*. Moscow: Finansy i statistika, 1982, 287. (In Russ.)]

13. Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984. 136 с. [Golod S. I. *Family stability: Sociological and demographic aspects*. Leningrad: Nauka, 1984, 136. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xpmunf>
14. Мацковский М. С., Гурко Т. А. Молодая семья в большом городе. М.: Знание, 1986. 48 с. [Matskovsky M. S., Gurko T. A. *Young family in a big city*. Moscow: Znanie, 1986, 48. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ymckbf>
15. Мацковский М. С., Заикина Г. А., Гурко Т. А. Специфика современных брачно-семейных отношений. *Социальная сфера. Преобразование условий труда и быта*, отв. ред. В. Н. Иванов. М.: Наука, 1988. С. 106–153. [Matskovsky M. S., Zaikina G. A., Gurko T. A. Specifics of modern marriage and family relations. *Social sphere. Transformation of working and living conditions*, ed. Ivanov V. N. Moscow: Nauka, 1988, 106–153. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ynvegb>
16. Антонов А. И., Медков В. М. Второй ребенок. М.: Мысль, 1987. 299 с. [Antonov A. I., Medkov V. M. *A second child*. Moscow: Mysl, 1987, 299. (In Russ.)]
17. Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в СССР. М.: Наука, 1989. 104 с. [Sinelnikov A. B. *Marriage and birth rates in the USSR*. Moscow: Nauka, 1989, 104. (In Russ.)]
18. Сысенко В. А. Устойчивость брака. Проблемы, факторы, условия. М.: Финансы и статистика, 1981. 200 с. [Sysenko V. A. *Marriage stability. Problems, factors, and conditions*. Moscow: Finansy i statistika, 1981, 200. (In Russ.)]
19. Юркевич Н. Г. Советская семья. Функции и условия стабильности. Мн.: БГУ, 1970. 207 с. [Yurkevich N. G. *Soviet family. Functions and conditions of stability*. Minsk: BSU, 1970, 207. (In Russ.)]
20. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 368 с. [Kharchev A. G. *Marriage and family in the USSR*. Moscow: Mysl, 1979, 368. (In Russ.)]
21. Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи. *Социологические исследования*. 2008. № 1. С. 40–49. [Golod S. I. Russian family's state and evolution – sociological demographic analysis. *Sociological Studies*, 2008, (1): 40–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ipwlvw>
22. Кучмаева О. В., Кучмаев М. Г., Петрякова О. Л. Трансформация института семьи и семейные ценности. *Вестник славянских культур*. 2009. № 3. С. 20–29. [Kuchmaeva O. V., Kuchmaev M. G., Petryakova O. L. Transformation of institution of family and family values. *Bulletin of Slavic Cultures*, 2009, (3): 20–29 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kwdgiz>
23. Кучмаева О. В., Ростовская Т. К. Российская семья и семейная политика: тенденции и оценки. *Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции*, ред. С. В. Рязанцев. М.: Экон-информ, 2019. С. 267–271. [Kuchmayeva O. V., Rostovskaya T. K. Russian family and family policy: Trends and estimates. *National demographic priorities: New approaches and trends*, ed. Ryazantsev S. V. Moscow: Ekon-inform, 2019, 267–271. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uuxpez>
24. Берковский В. А., Бобрышов С. В., Ивакина В. В., Каневская Ж. О., Маслова Т. Ф., Суменко Л. В., Тронина Л. А. Трансформация аксиологических оснований современной российской семьи. Ставрополь: СГПИ, 2018. 128 с. [Berkovsky V. A., Bobryshov S. V., Ivakina V. V., Kanevskaya Zh. O., Maslova T. F., Sumenko L. V., Tronina L. A. *Transformation of the axiological foundations of the modern Russian family*. Stavropol: SSPI, 2018, 128. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/aafljm>
25. Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов. *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2015. № 3. С. 193–200. [Galkina E. P., Kadnichanskaya M. I. Transformation of the institution of family in today's modernization process. *Herald of Omsk University. Series Economics*, 2015, (3): 193–200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uuywgp>
26. Вишневецкий А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo Sapiens. *Демографическое обозрение*. 2014. Т. 1. № 1. С. 6–33. [Vishnevsky A. G. The demographic revolution is changing the reproductive strategy of Homo Sapiens. *Demograficheskoe obozrenie*, 2014, 1(1): 6–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlmuvv>
27. Розенберг Н. В., Иванишко А. М. Проявления второго демографического перехода в России и Пензенской области: особенности репродуктивных установок. *Наука. Общество. Государство*. 2021. Т. 9. № 4. С. 148–158. [Rozenberg N. V., Ivanishko A. M. Manifestations of the second demographic transition in Russia and Penza Region: Features of reproductive attitudes. *Science. Society. State*, 2021, 9(4): 148–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-4-17>
28. Синельников А. Б. Семейно-демографический контекст многодетности в современной России. *Перестройка мира: исследования (в) новой реальности: XIII Междунар. социолог. Грушинская конф.*

- (Москва, 25–27 мая 2023 г.) М.: ВЦИОМ, 2023. С. 77–82. [Sinelnikov A. B. Family and demographic context of large families in modern Russia. *Remaking the World: Exploring (in) a New Reality*: Proc. XIII Intern. Sociolog. Grushinskaya Conf., Moscow, 25–27 May 2023. Moscow: VCIOM, 2023, 77–82. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/olynha>
29. Новицкая Т. Вспомогательные репродуктивные технологии как фактор реконфигурации семейно-родственных связей в Беларуси и России. *Наука и инновации*. 2018. № 4. С. 27–33. [Navitskaya T. Assisted reproductive technologies as a factor of family relationship reconfiguration in Belarus and Russia. *Science and Innovation*, 2018, (4): 27–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xsfhfh>
30. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020. Т. 20. № 3. С. 527–545. [Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. Transformation of the desired family model in different generations: Results of the All-Russian sociological study. *RUDN Journal of Sociology*, 2020, 20(3): 527–545. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545>
31. Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах. *Ценности и смыслы*. 2011. № 4. С. 26–44. [Gurko T. A. Family institute in postindustrial societies. *Values and Meanings*, 2011, (4): 26–44. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/opzegz>
32. Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? *Социологический журнал*. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113. [Sinelnikov A. B. Family and marriage: Crisis or modernization? *Sociological Journal*, 2018, 24(1): 95–113. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>
33. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция. *Социологические исследования*. 2022. № 2. С. 94–106. [Bezrukova O. N., Samoylova V. A. Fatherhood in modern Russia: Meanings, values, practices and intergenerational translation. *Sociological Studies*, 2022, (2): 94–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013216250016970-0>
34. Черняк Е. М. Семейведение: субкультура семьи и брака. М.: Дашков и К, 2021. 288 с. [Chernyak E. M. *Family studies: Subculture of family and marriage*. Moscow: Dashkov i K, 2021, 288. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rfnqzq>
35. Гончарова Н. Л. О состоянии стационарной формы обслуживания населения старше трудоспособного возраста. *Вестник Академии знаний*. 2020. № 41. С. 79–84. [Goncharova N. L. On the state of the stationary form of service for the population over the working age. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2020, (41): 79–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2020-10765>
36. Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В., Новоселова Е. Н., Синельников А. Б. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019). М.: МАКС Пресс, 2020. 486 с. [Antonov A. I., Karpova V. M., Lyalikova S. V., Novoselova E. N., Sinelnikov A. B. *The family-child lifestyle values (SeDOJ–2019)*. Moscow: MAKS Press, 2020, 486. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019>
37. Мустафаева Д. Ш. Образовательная среда как условие подготовки будущего педагога к формированию ценностного отношения к семье. *Вестник университета*. 2013. № 7. С. 264–270. [Mustafaeva D. Sh. The educational environment as a condition for preparing a future teacher for the formation of a value-based attitude towards the family. *Vestnik universiteta*, 2013, (7): 264–270. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rmsekld>
38. Невеличко Л. Г., Воротилкина И. М. Проблемы трансформации института семьи и брака на современном этапе. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2023. Т. 14. № 2. [Nevelichko L. G., Vorotilkina I. M. Problems of transformation of the institution of family and marriage at the present stage. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2023, 14(2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.15862/43SCSK223>
39. Синельников А. Б. Социальная приемлемость объективных и субъективных причин для развода в современной России. *Социологические исследования*. 2023. № 4. С. 75–83. [Sinelnikov A. B. Social acceptability of objective and subjective reasons for divorce in modern Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2023, (4): 75–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013216250022703-6>
40. Гурко Т. А. Семья и родительство в России на фоне постиндустриальных обществ. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: IV Очередной Всеросс. социолог. конгресс. (Уфа, 23–25 октября 2012 г.)* М.: РОС, 2012. С. 3343–3350. [Gurko T. A. Family and parenthood in Russia against the backdrop of post-industrial societies. *Sociology and society: global challenges and regional development*: Proc. IV The next All-Russian Sociolog. Congress, Ufa, 23–25 Oct 2012. Moscow: ROS, 2012, 3343–3350. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rgoxqn>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/blqmrv>

Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 1

Пьянкова Людмила Алексеевна

Сибирский государственный индустриальный университет, Россия, Новокузнецк

eLibrary Author SPIN: 7296-4481

<https://orcid.org/0000-0003-1486-5542>

duby.ludmila@yandex.ru

Аннотация: Разработка ментальной концепции профессиональной ориентации молодежи рассматривается в контексте решения проблемы социально-экономических и юридических отношений в условиях дефицита трудовых ресурсов и метапредметных компетенций, которые отражают бифуркацию человеческой цивилизации в ее когнитивном, ценностно-мировоззренческом и поведенческом аспектах, обозначающих показатели идентификации самоопределения. Менталитет представляет собой сложный экзистенциальный, антропологический и феноменологический концепты, выступающие в качестве конструирующего начала личности, уникального результата целенаправленных действий интериоризации социальной среды и предпосылки ее трансформации. Он формируется в условиях аксиологического раскола общества России на индивидуалистов и коллективистов, детерминирован внутриличностными, социально-экономическими и культурно-историческими факторами. Конструирование ментальной концепции опирается на идею сглаживания ценностно-мировоззренческих противоречий путем трансформации мягких / неформальных и жестких / формальных институтов, стремящихся к изменению норм в общественном сознании в сторону договороспособности, повышения уровня доверия как фактора снижения транзакционных издержек в деятельности компаний / предприятий, а также при помощи системы социально-экономических мер, инициируемых и осуществляемых государством. В качестве методологической основы реализуемой концепции выступают положения антропологического и конвергентного подходов: улучшение качества человеческого капитала посредством освоения сложных видов деятельности как факторов для повышения производительности труда и ориентира для выбора траектории личностного и профессионального развития. Антропологический подход представляет преобразование личностных особенностей, культурной основы и факторов социально-экономического поведения в определенных исторических условиях; конвергентный подход как обновление содержания образовательных программ выступает ответом на запрос рынка труда в отношении метапредметных и сложных индустриальных компетенций специалистов.

Ключевые слова: ментальная концепция, профессиональная ориентация, молодежь, менталитет, антропологический подход, конвергентный подход, акмеологический базис

Цитирование: Пьянкова Л. А. Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 1. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 220–229. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-220-229>

Поступила 06.12.2023. Принята после рецензирования 14.03.2024. Принята в печать 20.03.2024.

full article

Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part I

Lyudmila A. Pyankova

Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk

eLibrary Author SPIN: 7296-4481

<https://orcid.org/0000-0003-1486-5542>

duby.ludmila@yandex.ru

Abstract: The development of the youth professional orientation mental concept is considered in the context of solving the socio-economic and legal relations problem under a shortage of labor resources and meta-subject competencies, which reflects the cognitive, value and worldview, as well as behavioral bifurcation of human

civilization. Mentality is a complex existential, anthropological and phenomenological concept, a unique result of purposeful action of the social environment internalization and a prerequisite for its transformation. It forms under an axiological split in the society and is determined by intrapersonal, socio-economic, cultural, and historical factors. The mental concept construction is based on the idea of smoothing out the value and worldview contradictions, possibly transforming the institutions that seek to change the norms in the public consciousness in the direction of negotiability, increasing the level of trust, which reduces enterprises activities' transaction costs. The methodological basis of the implemented concept is made up of the anthropological and convergent approaches' provisions.

Keywords: mental concept, professional orientation, youth, mentality, anthropological approach, convergent approach, acmeological basis

Citation: Pyankova L. A. Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part I. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 220–229. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-220-229>

Received 6 Dec 2023. Accepted after peer review 14 Mar 2024. Accepted for publication 20 Mar 2024.

Введение

Решение вопроса профориентации молодежи, значимого и одновременно дефицитного ресурса рынка труда, неизбежно затрагивает проблему профессионального определения как субъектной идентификации в личностном, профессиональном и деловом полях. В разработанном нами механизме профессионального определения в конфигурации факторов идентификации на первый план выдвигается *надо* [1]. Данный фактор указывает на внутриличностный переход к определенности в текущих турбулентных условиях, влияющих на выбор профессии и построения траектории карьерного, а значит и субъектного развития в сторону человека экономического, руководящегося определенной мотивацией, направленностью, интересами, целями и потребностями, следуя внешним посылам получить необходимый экономический результат, который бы соответствовал и внутренним побуждениям. Таким образом, целесообразно рассматривать профессиональное определение исходя из запросов рынка труда не только в отношении номенклатуры специалистов, набора и структуры их компетенций, но и как фактор, формирующий ментальную составляющую, предусматривающий ответственность перед обществом, обязательства взамен на получение образования и профессии, где задействуются сложные компетенции как социально-экономические и личностные блага.

Менталитет как сложный экзистенциальный, антропологический и феноменологический концепт является дискуссионным, что и определяет разрозненность методологии его исследования, выраженной следующими подходами:

- **Социокультурный подход** «Новой истории» – школы «Анналов» (М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Дюби,

Р. Мандру, Л. Февр) [2] прослеживает взаимосвязь менталитета и культурных особенностей народов. Объяснение феномена *менталитет* предполагает изучение социально-культурных интенций, коллективного бессознательного и глубинных психических процессов, влияющих на ход исторических событий. В рамках данного подхода А. Я. Гуревич полагал менталитет обобщающим средством восприятия мира, манерой чувствовать и думать, что характерно для определенного исторического периода [3]. От менталитета зависят коллективные психологические установки, способы освоения действительности, имплицитные навыки представителя социума. М. Вебер ввел понятие *идеальный тип* как синергию общего и индивидуального в представителе исторической эпохи [4, с. 389–402]. П. А. Сорокин в рамках концепции культурных систем определяет менталитет, выраженный идеалами, ценностями и методами познания как свойство, присущее определенным группам людей. Изменение мировоззрения выступает предпосылкой цивилизационного развития [5].

- **Психологический подход** фокусируется на изучении психологических процессов, механизмов и структур, лежащих в основе менталитета (З. Фрейд, Э. Фромм, К. Г. Юнг) [6–8]. Необходимым условием вступления в культурное пространство и социализацию называется идентичность, менталитет рассматривается через призму национального характера [9, с. 6]. Э. Фромм, подчеркивая присутствие менталитета в социально-психологических установках, оценках и смыслах, вводит понятие *социальный характер*, который образован ядром структуры характера, присущего большинству членов схожих культурных групп [10].

• **Структурно-феноменологический подход** представляет собой синергию социокультурного феномена, психологического компонента, образованного национальным характером и индивидуальными установками представителя этноса и цивилизационного компонента, реализуемого в структуре производства, используемых технологиях, организации труда и других характеристиках экономической системы [11]. Фундаментально он был исследован в работе французских социологов и философов Э. Дюркгейма и М. Мосса как результат взаимодействия социокультурных, психологических и экономических факторов. Э. Дюркгейм усматривал влияние общественных норм и ценностей на коллективное сознание [12], а М. Мосс акцентировал внимание на роль социальных институтов и экономических условий [13].

Менталитет, представляющий одновременно субъективный аспект профессионального определения и результат взаимодействия различных факторов, является таким уникальным продуктом внутреннего осознания социальной среды и предпосылки для ее изменения, который и конструирует сложный личностный акт выбора из множества идентичностей. В доказательство такого тезиса приведем ряд аргументов:

1. Менталитет – система ценностей, убеждений, норм и представлений, релевантных определенной культурной или социальной группе, влияющих на выбор профессионального пути молодежи. Известно, что представители восточной группы цивилизаций ориентированы на коллективизм и при выборе профессии стремятся к гармонии взаимоотношений с ближайшим окружением и уважают семейные ценности. При этом в Японии или Китае традиционно большое значение придается научным и техническим специальностям. Западный менталитет более индивидуалистичен, ориентирован на самореализацию, личную свободу и достижение успеха, поэтому молодежь предпочитает творческие специальности, предпринимательство или работу в сфере услуг. В менталитете россиян представлены черты восточной и западной цивилизаций, воспринимаемые представителями коллективистской и индивидуалистической части страны как противоположные, что является причиной раскола ценностно-мировоззренческого базиса в трудовых, учебных и студенческих коллективах.

2. Менталитет опосредован социокультурно, исторически, экономически и политически. Меняющиеся со временем условия по-новому расставляют приоритеты молодежи. Поэтому ее профессиональная ориентация может быть нестабильна

и изменчива, особенно в условиях зыбкости самого конструкта *профессия* ввиду размытости его функционала, соотношения тяжелых и универсальных компетенций, неоднородного акмеологического базиса.

3. Индивидуальная вариативность менталитета проявляется в уникальной комбинаторике, формируемой под влиянием личного опыта, образования, семейного и социального окружений, что и отражает персонализированные предпочтения в построении траектории карьерного развития.

4. Недостаточная осведомленность о ситуации на рынке труда в ближайшей и среднесрочной перспективах, собственных профессиональных и личностных возможностях и ожиданиях значительно ограничивает способность к принятию обоснованных решений.

5. Влияние социальных стереотипов сужает выбор профессионального пути, дает ложное представление о ситуации на рынке труда за счет искусственных рейтингов профессий, запросов работодателей, позиции средств массовой информации в подаче такого рода материалов.

6. Отсутствуют четкие ориентиры социально-экономических результатов как ментальные индикаторы востребованных рынком труда компетенций и номенклатуры профессий, которые должны быть достигнуты страной.

Определяя логику нашего исследования, мы исходили из того, что ожидаемый социально-экономический результат, фиксирующий когнитивные аксиологические, поведенческие и мотивационные базисы, формируемые как действие формальных / жестких и неформальных / мягких институтов, транслируемые на общественный и индивидуальный уровни, позволит определить ментальные ориентиры идентификации молодежи.

Таким образом, цель исследования заключается в разработке ментальной концепции профессиональной ориентации молодежи в условиях цивилизационной трансформации, которая детерминирует ее аксиологические, когнитивные, поведенческие и мотивационные изменения на индивидуальном и общественном / социально-экономическом уровнях через определение их внутренних и внешних механизмов, значимо влияющих на способы производства, коммуникацию и организацию общества, где знания, информация и технологии играют ключевую роль [14].

В данной статье, представляющей собой часть единого исследовательского материала, менталитет рассматривается как сложный экзистенциальный, антропологический и феноменологический концепт,

аксиологические, поведенческие и мотивационные компоненты которого являются важным фактором профессионального определения личности в ситуации цивилизационного поворота, а также как уникальный результат интериоризации социальной среды и детерминанта ее изменения.

Результаты

Ментальный базис профориентации молодежи определяется ценностно-мировоззренческими предпосылками и национальными системами стимулирования профессионального определения и занятости, детерминированными общественным укладом. Сущностно и практически он может быть реализован в программе профориентации как психологический механизм целесообразных по отношению к идентификации стадий, а фактически – как проектный подход к профориентации в регионе (Кемеровской области – Кузбассе), который можно экстраполировать и на другие субъекты РФ. Такое допущение обусловлено пониманием менталитета как ядра, сформированного общими паттернами, свойственными социуму, проживающему на единой территории в сходных исторических условиях, где находят отражение когнитивные, поведенческие, аксиологические и мотивационные детерминанты. При этом социальное транслируется и отражается на индивидуальном уровне, общественное же прирастает и трансформируется из индивидуального. Такие идеи отражены в программах *Единая модель профессиональной ориентации*¹ и *Билет в будущее*² в контексте непротиворечивости общего и индивидуального в человеке и унификации подходов.

Единое предметное поле профориентации, экономики труда, институциональных и инфраструктурных аспектов ее развития, значимо влияющих на поведение молодежи, обозначенное нами как формат решения поставленной прикладной проблемы, исходит из следующего:

- Профориентация является процессом выбора и развития профессиональной карьеры молодежи. Она включает в себя оценку интересов, навыков, ценностей и амбиций, ожиданий человека, а также ознакомление с возможностями и требованиями различных профессий. Качество профориентации коррелирует с успешностью трудовой деятельности и удовлетворенностью работой.

- Экономика труда исследует взаимосвязь между рынком труда, занятостью, заработной платой и производительностью труда. Она анализирует спрос и предложение на рабочую силу, механизмы формирования заработной платы, безработицу, трудовые отношения и другие аспекты, связанные с рынком труда. Экономические условия и политика значимо влияют на выбор профессии и возможности трудоустройства молодежи.

- Институциональные и инфраструктурные аспекты развития экономики труда рассматриваются как условия / аспекты профессиональной ориентации молодежи и ее трудоустройства. Они определяют не только доступность, разнообразие, перспективы развития профессий, но и через транслируемые формальные и неформальные правила в правовых, политических, социальных и культурных институтах создают модели поведения индивида и групп людей на уровне горизонтальных и вертикальных связей. Это находит отражение в возможностях получения профессионального образования и переобучения, что, с одной стороны, определяет развитие экономики труда и инноваций, реализуя принципы доступности образования и труда, а также правовой поддержки занятости, в том числе и предпринимательства, а с другой – формирует условия для удовлетворения базовых персонализированных потребностей, реализуемых в стратегии выбора.

Сложность решения поставленной проблемы проистекает из ценностного раскола общества: приверженцы индивидуализма и коллективизма значимо расходятся в этом мировоззренческом базисе³. Индивидуалистической России (И-России) нужны свобода, демократия, конкуренция, модернизация; коллективистская Россия (К-Россия) ориентирована на взаимопомощь, стабильность, социальную защиту. Необходимо создать проект, консолидирующий И-Россию и К-Россию.

Следовательно, решая исследовательскую и прикладную задачи, следует опираться на консолидирующий базис для антагонистических в аксиологическом отношении представителей социума, который бы сглаживал их мировоззренческие противоречия. Это может трансформировать функционирование мягких (неформальных, но общепринятых, делающих понятным и предсказуемым поведение) и жестких (законодательно определяемых) институтов

¹ О внедрении Единой модели профессиональной ориентации. Письмо Министерства просвещения РФ № АБ-2324/05 от 01.06.2023. ИПП Гарант.

² Билет в будущее. URL: <https://bvbinfo.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).

³ Аузан А. Как связаны экономический успех и религия: аудиолекция. *Arzamas*. 09.09.2021. URL: <https://arzamas.academy/courses/90/2> (дата обращения: 20.05.2023).

посредством изменения норм в общественном сознании в сторону договороспособности, повышения уровня доверия и консенсуса как факторов снижения транзакционных издержек в деятельности компаний / предприятий, а также при помощи системы социально-экономических мер, инициируемых и реализуемых государством.

Такая постановка задач конструирует логику анализа нашего исследования: определение внутреннего и внешнего механизмов трансформации ценностно-мировоззренческих основ как условия для формирования готовности к личностной, социальной и профессиональной идентификации молодежи, реализуемой на индивидуальном и социально-экономическом уровнях посредством изменения мягких и жестких институтов для снижения транзакционных издержек, возникающих в том числе из-за аксиологических противоречий И-России и К-России. Это в конечном итоге сможет создать основу для факторов социально-экономического роста страны.

Выделены целевые ориентиры для конструирования ментальной концепции, представляющие повороты в ценностно-мировоззренческом базисе молодежи как формирование индикаторов ее готовности к профессиональному выбору и конструированию карьерных маршрутов в актуальной конфигурации факторов профессионального определения для удовлетворения нужд рынка труда, трансформации структуры занятости в части квалификации и компетенций: *надо*, отраженное в пространстве социально-экономических отношений, *взамен хочу*, затем *могу* и *имею*. Акцентируем внимание на необходимости внутриличностного перехода субъекта к личностной определенности в условиях длительной социально-экономической и геополитической турбулентности для удовлетворения запроса на стабильность, выраженную в материальной безопасности и возможности долгосрочного планирования.

Содержательный базис предусматривает формирование когнитивной, поведенческой, аксиологической и мотивационной готовности субъектов профессионального определения, в котором мотивация – механизм содействия внутреннему опосредованию внешнего влияния. Итогом опосредования является появление внутреннего актора выбора как способности к идентификации в широком континууме в отношении содержания и характера профессиональной деятельности, видов занятости, корпоративной культуры, векторов построения карьеры, готовности к кооптации и консенсусу, договороспособности и др.

Отправными точками в реализации содержательного наполнения ментальной концепции профессиональной ориентации выступили три предположения:

1. Внутриличностным (психологическим) механизмом трансформации, согласно культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, выступает процесс интериоризации внешнего внутрь [15]. Объект этой модели, ее узловой конструкт – мировоззрение определяющегося субъекта – выступает феноменом, сущностно представленным как процесс и результат формирования высших психических функций, значимо вовлеченных в освоение и присвоение культурно-исторического опыта, отраженного в национальном менталитете. Последний, интериоризируясь и опосредуясь индивидуально-типологическими особенностями личности, преобразуется и становится индивидуальным опытом, который реализуется в когнитивной, поведенческой, аксиологической и мотивационной готовностях к личностной, социальной и профессиональной идентификации, являющейся внутренним актором выбора.

2. Социально-экономический базис представляет собой переучреждение мягких и жестких институтов в сторону устранения противоречий между И-Россией и К-Россией через создание законодательно-нормативной среды, выгодной не только государству, но и гражданам. Такая мера должна стремиться к смягчению экономической нагрузки на средний класс и бедные слои общества, поддержке инициатив, идущих снизу, от бизнеса, отраслевых и профессиональных сообществ. Это позволит снизить участие государственного аппарата в управлении страной, повысит уровень ответственности человека и специалиста в осуществлении модернизации и создаст такую систему воспроизводства жизни общества, в которой всякая хозяйственно-экономическая деятельность станет предсказуемой, а планирование – стратегическим. Внешний механизм трансформации связан с деятельностью мягких институтов в целях кооптации с институтами формальными, ориентированными на жизнь граждан. При этом государство не только санкционирует и наказывает, но и являет себя как деловой партнер, формирующий комплекс структур, обеспечивающих функционирование общественных и экономических механизмов воспроизводства социума, и транслирующий ментальные ориентиры для снижения затрат бизнеса через повышение доверия и договороспособности И-России и К-России.

3. Культурно-исторический базис рассматривает национальный менталитет как совокупность

установок, ценностных ориентаций, иерархии мотивов, реализуемых в поведенческих паттернах, отраженных в традициях отечественной системы профессиональной ориентации и профессионального определения. Данный образ мышления на индивидуальном и общественном уровнях является результатом исторических, социальных, экономических и культурных факторов, созданных под влиянием мягких и жестких институтов. Известно, что в культуре, где ценятся закон и порядок, формальные институты будут стремиться к эффективной работе и соблюдению правил. И наоборот, неформальные институты, включая семью, религию, обычаи, традиции и т. д., влияя на национальный менталитет, формируют ценностно-мировоззренческие установки и поведенческие паттерны. Так, в культуре, где семья играет важную роль, неформальные институты могут укреплять семейные ценности и стабильность, что влияет на восприятие и отношение к формальным институтам.

В качестве методологической основы выдвинуты положения антропологического и конвергентного подходов, интерпретируемых как изменение ценностно-мировоззренческих установок и иерархии мотивов на субъектном и общественном уровнях, реализуемых в личностных, социальных и профессиональных паттернах в условиях цивилизационного перехода [16, с. 16–21]. Конечной целью такого перехода является улучшение качества человеческого капитала путем освоения сложных видов деятельности как основы для повышения производительности труда и ориентира для выбора траектории личностного и профессионального развития.

Антропология рассматривает молодежь в контексте ее социокультурной среды [17; 18], выявляя различные факторы, влияющие на выбор профессии и достижение успеха в ней, включая индивидуально-типологические особенности, социальные и экономические детерминанты [19–21]. Антропологический подход анализирует изменение сложной личностной сущности в цивилизационном повороте как экзистенциальный, культурный и исторический феномены, детерминирующие в том числе социальные, экономические, политические и технологические изменения [22; 23]. Личность как объект анализа исследуется в контексте трансформации ее ценностных ориентаций, поведенческих паттернов и мотивационно-потребностных компонентов при взаимодействии с представителями различных культурных групп цивилизации [24].

Отсюда профессиональную идентичность человека полагаем как результат взаимодействия субъектных, общественных, экономических и культурно-

исторических факторов. Конвергентный подход в нашем исследовании представляет изменение содержания образовательных программ как реализацию готовности удовлетворять запрос рынка труда в метапредметных компетенциях специалистов, особенно в части высокоиндустриальных навыков, что представляет нелинейную коннотацию когнитивного движения в сложно устроенном мире, бифуркацию человеческой цивилизации [25]. Ее эволюционирование требует не только рефлексии способов производства и нового набора кондиций человека, но и целеполагания изменения базовых ориентаций, реализуемых на общественном и индивидуальном уровнях. Поэтому мы считаем конвергентный подход мерой институциональных трансформаций в части общественных установок в ходе профессионального определения и заместительной моделью существующей инфраструктуры в области образовательной политики в регионах страны.

Такие допущения обусловлены следующими послылками:

- Антропологический подход подразумевает, что институты и их действия должны быть изучены и поняты в контексте культурных, социальных и исторических факторов. Правила и нормы формальных и неформальных институтов отражены в менталитете человека в виде его паттернов поведения, установок и ценностей. Антропологический подход подчеркивает уникальность каждой культуры и института, рассматривает их взаимодействие с другими аспектами общества; он позволяет учесть контекстуальные особенности и уникальные аспекты каждого института, но может быть ограничен в обобщении результатов на другие социумы.

- Конвергентный подход фокусируется на общих принципах и тенденциях, которые присутствуют в различных институтах и обществах. Междисциплинарность как основной принцип реализации данного подхода для конструирования ментальной модели профессиональной ориентации молодежи соотносится с объектами (и выступает как онтологическая междисциплинарность), теориями, объясняющими процессы познания и приобретения знаний (эпистемологическая междисциплинарность), методами (методологическая междисциплинарность) и проблемами [26]. Конвергентный подход [27–30], выявляя общие принципы и тенденции, может упускать важные детали и контекстуальные различия: формальные и неформальные институты имеют разные уровни мягкости и жесткости. Так, законы и правила более устойчивы, а ценностные ориентации, традиции и нормы могут быть гибкими и компромиссными, особенно в период цивилизационных

поворотов. Недоучет исторического, социокультурного и экономического контекстов может быть фактором, снижающим эффективность принятых юридических мер, и существенно тормозить исполнение решения за счет транзакционных издержек, когда необходимо согласовывать и координировать действия различных сторон в рамках законодательной меры, фактически – их обходить⁴.

Практически данные методологические детерминанты должны быть реализованы на общественном уровне в институциональном и инфраструктурном аспектах экономики труда путем создания возможностей для удовлетворения базовых потребностей через транслируемые формальные и неформальные правила в правовых, политических, социальных и культурных институциях, ориентированных на ценности кооптации, договороспособности, доверия, готовности брать на себя ответственность. Это позволило бы создать предсказуемую с точки зрения правил и норм ведения хозяйственной деятельности основу для модернизации и уменьшило транзакционные издержки бизнеса, сформировало условия для долгосрочного планирования и снизило фактор турбулентности, в чем нуждаются представители И-России и К-России. На индивидуальном уровне данные подходы реализуются путем конструирования механизма когнитивной, поведенческой, аксиологической и мотивационной готовности к идентификации через опосредование, осуществляемых при помощи информационной, технологической и образовательной инфраструктур.

Менталитет как предмет нашего рассмотрения выступает сложным, интегративным и дискуссионным конструктом молодежи, представленным тремя подходами – социокультурным, психологическим и структурно-феноменологическим. Доказательная база выражена следующими основаниями:

- Менталитет как соотношение ценностей, набора убеждений, представлений и способов мышления являет такую последовательность феноменов: социализация – профессионализация – индивидуализация.

- Факторы, влияющие на конструирование менталитета, отличаются в зависимости от культурных, социальных и исторических контекстов: различные поколения демонстрируют разный ценностный базис, убеждения, образ жизни, являющиеся предпосылками личностного и профессионального выбора.

- Профессиональное определение молодежи связано с выбором профессии и карьерного пути,

что объективно требует разных навыков и подходов к работе. Нередко принятие решения представляет собой множественные тяготения и интенции на разных возрастных этапах жизни, происходящие из иерархии мотивов, потребностей, меняющихся ценностных ориентаций и целевых ориентиров, а также требований рынка труда к квалификации, номенклатуре компетенций.

- Формирование менталитета современной молодежи происходит в условиях цивилизационного поворота, меняющего представления о способах и характере личностной, социальной и профессиональной идентификаций, реализуемых в предмете и содержании труда и характере занятости. Происходит размывание самого понятия *профессия*, функционал и перспективы развития которой становятся неочевидными.

Менталитет является производным тех социально-экономических процессов, которые реализуются через действие формальных и неформальных институтов на индивидуальном и общественном уровнях в новой конфигурации факторов через доминирование *надо* как реализации интенции человека экономического, что показывает внутриличностный переход к определенности в текущих турбулентных условиях, исходя из трендов развития общества в отношении личностных, деловых и профессиональных качеств. Предполагается, что внутренним механизмом конструирования мировоззренческого базиса является процесс интериоризации – присвоения социального опыта извне внутрь, а затем снова вовне в трансформированном виде через опосредование индивидуально-типологическими особенностями. Разный аксиологический базис представителей И-России и К-России, реализуемый на индивидуальном и общественном уровнях, проявляет себя и в ментальных кондициях: когнитивных, поведенческих и мотивационных, – что осложняет выбор траектории жизненного и профессионального пути в отношении вида деятельности, номенклатуры и структуры компетенций, ориентации на внешние или внутренние мотивы. Разработка ментальной модели, ориентированной на результаты социально-экономического развития страны, позволит не только содержательно наполнить компоненты готовности к профессиональному выбору, но и зафиксировать установку на необходимость личностной трансформации в сложном устроенном мире через овладение метапредметными компетенциями.

⁴ Аузан А. Как связаны экономический...

Заключение

В статье рассмотрены литературные источники, в которых обобщены психолого-педагогические и прикладные аспекты профессиональной ориентации молодежи на разных этапах возрастного развития, которые можно использовать для ментальной концептуализации исследуемого процесса в условиях цивилизационного перехода. Фиксируя этот поворотный этап развития России, укажем на ключевые особенности, являющиеся основанием для определения ментальных ориентиров профессиональной ориентации молодежи:

- профессиональная ориентация представляет собой сложный и многогранный феномен, зависящий от ряда факторов: социокультурной среды, экономической ситуации, образования, семейного воспитания и геополитических условий;
- цивилизационная трансформация происходит за счет высокотурбулентных и экспоненциальных изменений в способах производства и мирохозяйственном укладе, которые не всегда удается отразить и принять, что проявляется в следовании традиционным установкам при выборе жизненного и профессионального пути, готовности занять отстраненную, пассивную позицию, выражающуюся в отказе от субъектности;
- дискуссионность подходов к ментальной концептуализации обнаруживает себя в индивидуализации выбора: есть те, кто тяготеет к стабильности и материальному благополучию, другие предпочитают развитие, свободу и социальную ответственность.

Формирование ментальной идентичности представляет сложный процесс интериоризации внешнего внутрь, а затем снова вовне. Условием психолого-педагогической поддержки является трансформация сознания на индивидуальном и общественном уровнях, реализуемая в действии формальных и неформальных институтов. Активным участником этого движения выступает человеческая личность в ее субъектных проявлениях, реализуемых в индивидуальном и коллективном разумах и свободе, положенной в известном смысле на вынужденную необходимость.

Статья является первой частью комплексного исследования, задача которого – разработка ментальной концепции профессиональной ориентации в современных условиях, отражающей трансформацию ценностно-мировоззренческой основы молодежи как формирование готовности к профессиональному выбору и карьерному конструированию

в ситуации цивилизационного поворота, сущностно являющего актуальную требованиям рынка труда и поведению человека экономического с преобладанием интенции *надо* взамен *хочу*. Такая профессиональная ориентация предполагает готовность при выборе карьеры следовать запросам рынка трудовых услуг в части компетенций и квалификации, а также предусматривает переучреждение институтов, стремящихся к кооптации граждан и государства через создание законодательной среды и нормативного пространства, аутентичного целям модернизации страны. На личностном уровне профессиональная ориентация представляет собой переход к личностной определенности в условиях длительной турбулентности.

Интегративный конструкт *готовность* образован когнитивными, поведенческими, аксиологическими и мотивационными компонентами, где побуждения – это механизм содействия внутреннему опосредованию внешних воздействий. Данный социальный механизм представляет собой преодоление отчуждения между формальными и неформальными институтами, их нацеленность на взаимодействие и создание условий для решения текущих проблем рынка труда в части формирования структуры и номенклатуры компетенций. Результат опосредования – формирование внутреннего актора как способности к идентификации, актуализации субъектности для построения траектории карьерного развития.

Методологическая основа концепции профессиональной ориентации представлена антропологическим подходом как трансформацией личностных характеристик, культурных детерминант и особенностей общественного и экономического поведения субъекта в существующих исторических реалиях, а также конвергентным подходом, реализуемым в модернизации содержания образовательных программ с целью удовлетворения запроса рынка труда, нуждающегося в метапредметных и сложных индустриальных компетенциях специалистов. Практика реализации антропологического и конвергентного подходов лежит в базисе институциональных и инфраструктурных аспектов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Пьянкова Л. А. Междисциплинарный анализ научной категории *профессиональное определение*. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 1. С. 75–88. [Pyankova L. A. Interdisciplinary analysis of the scientific category of professional identity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(1): 75–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-1-75-88>
2. Тихонова В. Л. Понимание культуры представителями Школы Анналов. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2011. № 3. С. 187–189. [Tikhonova V. L. Annales school representatives' understanding of culture. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2011, (3): 187–189. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nycaih>
3. Гуревич А. Я. Ментальность как пласт социальной целостности (ответ оппонентам). *Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов»*, отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 1993. С. 49–50. [Gurevich A. Ia. Mentality as a layer of social integrity (response to opponents). *Disputes about the big question: Discussions about the present and future of historical science around the French school of "Annales"*, ed. Bessmertnyi Iu. L. Moscow, 1993, 49–50. (In Russ.)]
4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с. [Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990, 808. (In Russ.)]
5. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с. [Sorokin P. A. *Human. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat, 1992, 543. (In Russ.)]
6. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. 192 с. [Freud S. *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. St. Petersburg: Azbuka-Attikus, 2013, 192. (In Russ.)]
7. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2005. 400 с. [Fromm E. *The Sane Society*. Moscow: AST, 2005, 400. (In Russ.)]
8. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 288 с. [Jung C. G. *Archetype and symbol*. Moscow: Renessans, 1991, 288. (In Russ.)]
9. Алиханова В. Л. Психоаналитическая концепция феномена идентичности. *Время науки*. 2018. № 1. С. 3–12. [Alikhanova V. L. Psychoanalytic concept of the identity phenomenon. *The Times of Science*, 2018, (1): 3–12. (In Russ.)]
10. Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя. М.: АСТ, 2004. 571 с. [Fromm E. *Escape from freedom. Man for himself*. Moscow: AST, 2004, 571. (In Russ.)]
11. Корнеева Т. С. Менталитет как социокультурный феномен (философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2005. 12 с. [Korneeva T. S. *Mentality as a socio-cultural phenomenon (philosophical analysis)*. Cand. Phil. Sci. Diss. Abstr. Omsk, 2005, 12. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zmydwx>
12. Дюркгейм Э. Социология и теория познания. *Хрестоматия по истории психологии*, ред. П. Я. Гальперин, А. Н. Ждан. М.: МГУ, 1980. С. 203–224. [Durkheim E. Sociology and theory of knowledge. *History of Psychology Reader*, eds. Galperin P. Ia., Zhdan A. N. Moscow: MSU, 1980, 203–224. (In Russ.)]
13. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: КДУ, 2011. 416 с. [Mouss M. *Societies. Exchange. Personality*. Moscow: KDU, 2011, 416. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qomuyn>
14. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2009. 795 с. [Toffler A. *The third wave*. Moscow: AST, 2009, 795. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qokosp>
15. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций: из неопубликованных трудов. М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1960. 500 с. [Vygotskiy L. S. *Development of higher mental functions: Unpublished works*. Moscow: Akademiia pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1960, 500. (In Russ.)]
16. Ласло Э. Макросдвиг: к устойчивости мира курсом перемен. М.: Тайдекс Ко, 2004. 207 с. [Laszlo E. *Macroshift: Navigating the Transformation to a Sustainable World*. Moscow: Taideks Ko, 2004, 207. (In Russ.)]
17. Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С., Сорокин О. В. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования. *Вестник Института социологии*. 2021. Т. 12. № 3. С. 79–98. [Zubok J. A., Chuprov V. I., Lubutov A. S., Sorokin O. V. Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Vestnik instituta sotsiologii*, 2021, 12(3): 79–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738>
18. Гегель Л. А. Трактровка социокультурных оснований субъектности молодежи. *Горизонты гуманитарного знания*. 2020. № 1. С. 21–35. [Gegel L. A. An interpretation of sociocultural foundations of youth's subjectivity. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, 2020, (1): 21–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17805/ggz.2020.1.2>

19. Кравцова А. В., Миронова Ю. Г. Приоритеты молодежи на рынке труда. *Вестник магистратуры*. 2016. № 3-2. С. 11–12. [Kravtsova A. V., Mironova Y. G. Priorities of youth in the labor market. *Vestnik magistratury*, 2016, (3-2): 11–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqaftq>
20. Власенко Л. В. Профессиональные ориентации молодежи Северо-Восточного округа Москвы (опыт социологического анализа). *Вестник МГСУ*. 2011. № 6. С. 560–566. [Vlasenko L. V. Professional orientations of youth of northeast district of Moscow (experience of the sociological analysis). *Vestnik MGSU*, 2011, (6): 560–566. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owftbx>
21. Шогорева Е. Ю. Внутренние предпосылки осознания профессиональной деятельности способом самореализации. *Психологические проблемы смысла жизни и акме: XXVI Междунар. симпозиум*. (Москва, 13–14 апреля 2021 г.) М.: ПИ РАО, 2021. С. 168–171. [Shogoreva E. Yu. Internal prerequisites for understanding professional activity as a way of self-realization. *Psychological problems of the meaning of life and acme: XXVI Intern. Symposium*, Moscow, 13–14 Apr 2021. Moscow: PI RAE, 168–171. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/plfwj>
22. Лепехин В. А. Антропологический подход в исследовании проблемы сущностных признаков российской цивилизации: дис. ... канд. филос. наук. М., 2015. 193 с. [Lepekhin V. A. *Anthropological approach to the study of the essential characteristics of Russian civilization problem*. Cand. Philos. Sci. Diss. Moscow, 2015, 193. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjtotl>
23. Остапенко С. М. Культурно-образовательная среда в эпоху цивилизационных переходов. *Век глобализации*. 2020. № 4. С. 112–126. [Ostapenko S. M. Cultural and educational environment in the era of civilizational transitions. *Vek Globalizatsii*, 2020, (4): 112–126. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ojdvdsd>
24. Романова Е. С., Макшанцева Л. В. Антропологические аспекты в психологических исследованиях по профориентации. *Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология*. 2012. № 3. С. 49–50. [Romanova E. S., Makshantseva L. V. Anthropological aspects in psychological research on vocational guidance. *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*, 2012, (3): 49–50. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oiyroi>
25. Шевелев А. А. Институциональный анализ в эпоху четвертой промышленной революции: становление конвергентной методологии. *Проблемы современной экономики*. 2017. № 2 С. 40–43. [Shevelev A. A. Institutional analysis in the epoch of the fourth industrial revolution: Formation of the convergence methodology (Russia, St. Petersburg). *Problems of Modern Economics*, 2017, (2): 40–43. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zmyuyr>
26. Schmidt J. C. NBIC – Interdisciplinary? A framework for a critical reflection on inter- and transdisciplinary of NBIC-scenario. *Georgia Institute of Technology Working Paper*, 2007, (26): 1–15.
27. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий. *Вопросы философии*. 2016. № 1. С. 59–70. [Arshinov V. I., Budanov V. G. Paradigm of complexity and socio-humanitarian projections of convergent technologies. *Voprosy filosofii*, 2016, (1): 59–70. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vsasit>
28. Баксанский О. Е. Конвергенция знаний, технологий и общества: за пределами конвергентных технологий. *Философия и культура*. 2014. № 7. С. 1061–1068. [Baksanskii O. E. Convergence of knowledge, technology and society: Beyond convergent technologies. *Philosophy & Culture*, 2014, (7): 1061–1068. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sjmkih>
29. Баксанский О. Е. Мировоззрение будущего: конвергенция как фундаментальный принцип. *Педагогика и просвещение*. 2014. № 3. С. 17–29. [Baksanskii O. E. World view of the future: Convergence as a fundamental principle. *Pedagogy and education*, 2014, (3): 17–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2306-434X.2014.3.13521>
30. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития. *Вопросы философии*. 2013. № 3. С. 3–11. [Kovalchuk M. V., Naraikin O. S., Yatsishina E. B. Convergence of science and technology – a new stage of scientific and technological development. *Voprosy filosofii*, 2013, (3): 3–11. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pyklut>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/bxspwi>

Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 2

Пьянкова Людмила Алексеевна

Сибирский государственный индустриальный университет, Россия, Новокузнецк

eLibrary Author SPIN: 7296-4481

<https://orcid.org/0000-0003-1486-5542>

duby.ludmila@yandex.ru

Аннотация: Сконструирован культурно-исторический базис профессиональной идентификации молодежи, в котором ключевым концептом выступает национальный менталитет с неочевидно выраженными особенностями именно русского этноса в силу многоукладности и разновекторности цивилизационной ориентации российского государства. Однако же среди явных аксиологических характеристик в нем присутствуют ценности коллективизма, неготовность к риску, высокая дистанция власти и отношение к ней как к сакральной сущности, помощь нуждающимся, милосердие и сострадание, исходящие из религиозных традиций, отказ следовать установлениям и предписаниям. Цель – выявить влияние особенностей менталитета на профессиональный выбор молодежи. Феноменологически национальный менталитет – динамичная основа, образованная совокупностью общих аксиологических, когнитивных, мотивационных и поведенческих детерминант представителей соответствующей культурно-исторической группы, проявляемых в широком континууме политических, социально-экономических и культурных условий в оптике формальных и неформальных институтов. Глубинные структуры культуры фиксируют результат процессов интериоризации и опосредования. Они обнаруживают себя через социальные проекции на систему образования, через отношения между слоями общественного уклада, выраженными мотивацией, стимулами, факторами в историческом, правовом, экономическом и культурном полях. Национальный менталитет задает вектор предпочтений предмета, содержания, характера профессиональной деятельности и занятости, а также условий труда. Он позволяет рефлексировать интенции оптантов по поводу освоения номенклатуры и структуры компетенций в ситуации цивилизационного поворота, означающего не только смену промышленно-технологического уклада, но и агрегирующего аксиологические, мотивационные и когнитивные установки, выраженные в готовности следовать нормам коллективизма или индивидуализма, занять позицию по целому ряду индикаторов в отношении западных, восточных или смешанных моделей поведения.

Ключевые слова: менталитет, национальный менталитет, структура менталитета, цивилизационная трансформация, концептуализация, западная цивилизация, восточная цивилизация

Цитирование: Пьянкова Л. А. Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 2. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 230–240. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-230-240>

Поступила в редакцию 06.12.2023. Принята после рецензирования 14.03.2024. Принята в печать 01.04.2024.

full article

Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part II

Lyudmila A. Pyankova

Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk

eLibrary Author SPIN: 7296-4481

<https://orcid.org/0000-0003-1486-5542>

duby.ludmila@yandex.ru

Abstract: The article introduces a cultural and historical pattern of professional identification in young people of Russian mentality. Some national features of professional identification can be characterized as non-obvious due to the multi-structural and multi-vector civilizational orientations of the Russian state. The list of obvious axiological national characteristics includes collectivism, risk aversion, high power distance, sacredness of authorities, relief,

mercy, religion-induced compassion, and violations of rules. Phenomenologically speaking, national mentality is a dynamic foundation formed by a set of axiological, cognitive, motivational, and behavioral determinants shared by most members of a particular cultural and historical community. It manifests itself as a broad continuum of political, socio-economic, and cultural conditions that are reflected in formal and informal institutions. Deep cultural structures define the collective and individual actor of professional identification: they fix the results of interiorization and mediation. They manifest themselves as social projections on the education system in its cultural, historical, social, legal, and economic relations. National mentality sets the vector of preferences for the subject, content, professional activity, employment, and working conditions. It makes it possible to analyze the intentions of optants regarding the development of the nomenclature and structure of professional skills during the civilizational shift. The shift is happening in the industry and technology but it aggregates axiological, motivational, and cognitive attitudes of citizens to the standards of collectivism or individualism, as well as to Western, Eastern, or mixed behavioral patterns.

Keywords: mentality, national mentality, structure of mentality, civilizational transformation, conceptualization, Western civilization, Eastern civilization

Citation: Pyankova L. A. Mental Concept of Professional Identification in Youth: Part II. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2). 230–240. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-230-240>

Received 6 Dec 2023. Accepted after review 14 Mar 2024. Accepted for publication 1 Apr 2024.

Введение

Цель данной работы – выявить влияния особенностей менталитета на профессиональный выбор молодежи. Тем не менее мы должны отметить, выходя за рамки нашего исследования, что национальный менталитет соотносится с культурно-историческим базисом в том, как общее реализуется в частном: в процессе интериоризации внешнего внутрь и потом опять во вне. Но несмотря на то что менталитет и культурно-исторический базис имеют общую основу в виде культуры и идентичности этноса, они все же представляют разные содержательные слои. Второе понятие отражает накопленный опыт и культурно-историческое наследие определенного народа или социума, а первое – его личностные особенности, выраженные чертами мышления, поведения, установками, ценностями. Мы интерпретируем конструкт *национальный менталитет* как отправную точку для анализа мировосприятия людей, живущих на определенной территории и принадлежащих не только к некоторому этносу, но и имеющих идентичные социально-исторические особенности, значимо влияющие на процесс личностного, профессионального и социального определений субъекта.

В XVIII–XIX вв. проблема национального менталитета стала предметом глубоких исследований в западноевропейской философии, а также в этнической психологии и психологической антропологии [1–5]. Ее изучали социологи (в контексте анализа культурных, социальных и экономических факторов, формирующих национальные особенности

и поведение людей), антропологи (в описании различных культур и народов), историки (через обращение к историческим событиям, имеющим предпосылки в идентичности и культурных традициях), психологи (с позиций исследования индивидуальных и коллективных паттернов национальных групп).

Согласно А. В. Юревичу [6] национальный менталитет представляет собой призму, через которую проступают установки и структуры сознания, свойственные конкретной социальной группе, в том числе представления о мире, обществе, об индивиде в нем. Национальный менталитет детерминирует ценностные ориентации и стереотипы как идентификаторы членов схожих исторических и культурных процессов, живущих в определенной модели мягких и жестких институтов. Он, будучи подвижным конструктом, имеет некий базис, образованный природно-климатическими условиями, традициями, ценностями, представлением о путях развития общества. Национальный менталитет агрегируется в национальном характере, ставшем объектом философской науки на рубеже XVIII–XIX вв. в связи с формированием европейских наций и трансформацией имперского многонационального этноса, прерванного сменой общественного устройства в 1917 г. в России [1]. Данный феномен общественного сознания реализуется по отношению к институциональным нормам и оказывает влияние на них, что отчетливо прослеживается в следующих установках к:

- коллективизму, низкой терпимости к неопределенности как отражениям запроса на стабильность в продолжительные периоды турбулентности в истории государства;
- дистанцированию от власти (позиции «казанской сироты»);
- готовности помочь другим, милосердию и состраданию, глубоко укорененных в православных традициях;
- отказу следовать регламентам, установлениям, видимо, проистекающему от широты души и просторов и др.¹

А. А. Аузан отмечает, что 75 % россиян тяготеют к коллективизму, а 25 % – к индивидуализму². Заметим, что, поскольку Россия представляет разнобразный национальный базис, то сложно говорить о характере именно русского человека – можно, скорее, о некотором его векторе.

Обнаруживая как общее реализуется в частном, отрефлексируем наши фокусировки транслируемых институциональных норм и установлений на примере осуществления процесса стимулирования субъекта к труду в рамках национальных особенностей. Поясним, что данная концептуализация представляет мотивирующие, поведенческие и управленческие влияния. Рассмотрим каждый из концептов более подробно:

- Концепт *усиление побуждения к действию* [7] реализуется посредством сохранения ролевых позиций, аутентичных принятому укладу в жизни советского / российского общества, через отношение к нейтральным стимулам как к чему-то положительному (не поругали – значит уже похвалили), высокую дистанцию власти (отношение к ней как к чему-то сакральному).

- Концепт *конкретизация направлений деятельности* базируется на значимости морально-психологических стимулов, общественного и корпоративного мейнстримов (трансляции в сознание людей представлений о социальной ответственности государства перед гражданами). Реализуется этот концепт мерами сохранения и воспроизводства человеческого капитала. В части формирования ключевых и эксклюзивных компетенций *конкретизация направлений деятельности* выступает условием развития конкурентоспособности, главным фактором экономического роста компании и объектом социально-экономической поддержки. Такие меры конституируют формат общественного

договора между государством и его гражданами, что позволяет нивелировать представление о власти как о чем-то сакральном, снять противоречия между работниками и работодателями, ожидать повышения уровня взаимной ответственности и встать на путь преодоления дисбаланса в структуре занятости и долгосрочного планирования, удовлетворяя запросы представителей И-России (индивидуалистической) и К-России (коллективистской).

- Концепт *управление достижением цели в процессе мотивации персонала* осуществляется через сложную систему оплаты труда, включая параметры, являющиеся второстепенными по отношению к текущему экономическому результату, но считающиеся значимыми для персонала (трудовой стаж работы, стаж работы на предприятии / организации, поощрение результативности прежних профессиональных достижений в виде грамот федерального и отраслевого значения), через дифференциацию в оплате различных групп персонала и др.

Фиксируя нашу оптику национальных особенностей в сфере труда, отметим, что, несмотря на оппозиционность в отношении рыночных форм, ее можно свести к мотивации, роли общественных стимулов и управленческим мерам, ориентированным главным образом на К-Россию, оказавшуюся на периферии общественных процессов в условиях рыночной экономики. Однако рассмотрение основных концептов стимулирования трудовой деятельности как некой рабочей модели, показывающей действие внешних побудителей на субъекта при формировании паттернов его поведения, требует уточнения взаимосвязи стимулов и мотивов. Мотивация персонала адресуется ко всем факторам развития субъекта, а стимулирование позволяет удовлетворить его потребности и сформировать мотивы. Они, в свою очередь, определяют намерения человека.

Результаты

Рассмотренный нами концепт системы стимулирования трудовой деятельности, транслирующий особенности менталитета и общественного уклада как культурно-исторических базисов и частного случая институцирования, показывает мотивационные и управленческие возможности в отношении человеческих ресурсов, которые мы намерены представить в четвертой части единого исследовательского материала в виде стретегем социально-экономического развития.

¹ Аузан А. А. Как связаны экономический успех и религия: аудиолекция. 09.09.2021. URL: <https://arzamas.academy/courses/90/2> (дата обращения: 20.05.2023).

² Там же.

Следуя логике интерпретации процесса и результата идентификации как интериоризации и опосредования, мы покажем прямую и обратную связь между национальным менталитетом и общественным укладом. Национальный менталитет как совокупность установок, поведенческих моделей, ценностей и представлений конструируется в ходе исторического развития этноса и влияет на общественный уклад (структуру и функционирование общества), в котором находят отражение различные парадигмы профориентации:

- 1) психологическая, ориентированная на изучение индивидуальных особенностей оптанта, его интересов, способностей, направленности;
- 2) социологическая, сосредоточенная вокруг социокультурного контекста;
- 3) педагогическая, акцентирующая внимание на образовательных и тренинговых методах, содействующих наращению необходимых навыков;
- 4) методологическая, стремящаяся к интеграции различных подходов и методов для создания комплексной системы поддержки выбора.

В свою очередь, общественный уклад, включая политическую систему, экономические отношения и культурные нормы, формирует и трансформирует национальный менталитет. Так, специфические ценности, убеждения, представления о труде и карьере, формируемые в рамках национального менталитета, могут определять отношение к работе, выбор профессии, степень мотивации и уровень профессионального развития. Доказательная база в этой области включает в себя результаты исследований, статистические данные, анализ культурных особенностей различных народов и многие другие факторы. При всей разработанности данной проблематики основные ее аспекты касаются постсоветского периода преимущественно первого десятилетия XXI в. Рефлексии же последующих лет не в полной мере проясняют, как социально-политические практики детерминируют общественный уклад. Исследователи в большей степени описывают аксиологическое и поведенческое тяготения соотечественников к европейскому мировоззрению. Очевидно, что в обществе существует ценностный поколенческий раскол. Но особенности определяющегося в жизни и профессии поколения, выходящего на рынок труда, еще неоднозначно поняты психологами, педагогами и культурологами.

Обращение к работам Э. Тоффлера, осмысливающего цивилизационную трансформацию, которая инициирует институциональные изменения при смене промышленно-технологического уклада, позволяет обнаружить, как они экстраполируются

на общественный и индивидуальный уровни. При этом изменения отражаются в принципах производства (массовое или индивидуальное), семейном укладе, характере занятости, способах коммуникации и организации общества. Все это реализуется в правилах, структурах власти, отношениях между гражданами и властью, распределении ресурсов и ответственности, что в конечном итоге влияет на личностное, социальное и профессиональное Я [8]. Ретроспекция типологии общества во всемирной истории на основе хозяйственного критерия, подразделенного на доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную эпохи, иллюстрирует трансформацию мотивации и факторов развития общественного уклада [9].

В результате первой волны возникла аграрная цивилизация с господством ручного труда, жесткой социальной иерархией, авторитарной властью, большими семьями. Вторая волна ознаменовалась промышленной революцией, где человек стал придатком машины, произошел переход к массовому производству стандартных изделий. Изменения в техносфере трансформировали семью, политическое устройство, содействовали повышению образовательного уровня и социальной вовлеченности граждан в жизнь общества. Третья волна связана с развитием искусственного интеллекта, переходом к занятости в сфере услуг, компьютерных технологий, с востребованностью работников умственного труда, с ростом роли опосредованной коммуникации [8].

А. В. Мудрик объяснял влияние этноса на отношение к труду природно-климатическими и историко-культурными факторами [10, с. 36]. В. О. Ключевский в качестве укоренившейся реакции на опасность у представителей гористых или болотистых местностей отметил осторожность и тяготение к консервативному жизненному укладу, нежелание перемен. Это подчеркивает связь традиционных видов профессиональной деятельности с особенностями ландшафта [11, с. 52]. Античные писатели (Аристотель и Геродот) и западноевропейские ученые Нового времени (М. Монтень) и эпохи Просвещения (Ш. Монтескье) указывали на очевидную связь профессиональной мобильности и климата региона. Например, они отмечали у представителей теплого климата, локализация которых позволяла вести успешное земледелие, низкую социальную активность, неготовность к смене рода занятий, в то время как у проживающих в зонах рискованного земледелия эти показатели были высокими. В дальнейшем именно они составляли костяк ремесленников и рабочих [12, с. 132].

Репрезентируя прямые и обратные отношения между слоями общественного уклада, где отдельный субъект – мера социального, а общество в индивидуальном виде через инфраструктуру и институты концентрирует свои влияния в виде мотивации, стимулов, факторов в социальном, экономическом и культурном континуумах, проиллюстрируем особенности национального менталитета россиян, влияющие на профессиональный выбор молодежи. Но прежде уточним, что, согласно исследованиям Р. Инглхарта [13], у соотечественников представлены все ценностные типы: рациональность – традиции, самовыражение – выживание [14], обнаруживающие тяготение к И-России и К-России. Это указывает на готовность самореализации на профессиональном поприще одних к самостоятельному социальному действию, а других – к подчинению указаниям руководства, стремлению быть только материально мотивированными.

Такие разновекторные дискурсы находят выражение в ожиданиях оптантов по поводу предмета, содержания и условий труда:

- Молодые люди руководствуются так называемыми традиционными ценностями, приветствующими высокий уровень заработной платы и возможность карьерного роста в качестве едва ли не единственных критериев профессионального выбора. Подобные устремления находят широкое общественное одобрение (это подтверждают многолетний опыт преподавания дисциплин, связанных с рынком труда, поведением человека в организации и его профессиональным определением).
- Ориентация молодежи в сторону западных ценностей (цивилизованность, семейственность, законопослушность и порядок), характер горизонтальных и вертикальных связей между сотрудниками, типов организационной структуры и коммуникативных моделей, которые они ожидают увидеть на рабочем месте в виде норм корпоративной культуры [15]. Согласно исследованиям ВЦИОМ³, у 18–34-летних доминируют установки на западный образ жизни. Из них 50–55 % уверены, что Запад может дать много хорошего России, тогда как взгляды у людей после 35-ти лет меняются на противоположные, и респонденты ориентируются на коллективизм, видят во власти нечто сакральное, готовы от нее дистанцироваться.

- Влияние культуры и образования. Подавляющее большинство выпускников вузов с конца 1990-х гг. до второго десятилетия XXI в. составляли юристы, экономисты, менеджеры, ценность же профессии инженера и рабочих была в это время значительно меньше [16; 17].
- Стремление к общественному признанию и успеху в областях, связанных с коммуникативными практиками и ИТ-технологиями [18]. В текущей ситуации происходит ориентация молодежи на региональные запросы рынка труда, образование же рассматривается драйвером экономического и социального развития регионов, сбалансирования рынков труда столичных агломераций и субъектов РФ.
- Системы стимулирования и мотивации выбора сферы и характера трудовой деятельности работников, детерминированные их культурной идентичностью, представляющие синергию укоренившихся ценностей, обычаев, привычек и особенностей институциональных отношений, составляющих ментальное ядро, от которого расходятся следующие сферы: социально-общественный менталитет и групповой менталитет, образованный профессиональными, гендерными и социальными компонентами, упорядоченными в индивидуальном менталитете личности в виде аксиологических, мотивационных и установочных конструктов (рис. 4).

Исходный ценностно-мировоззренческий базис четко фиксируется в издержках, идущих со стороны институтов и инфраструктуры, реализуемых

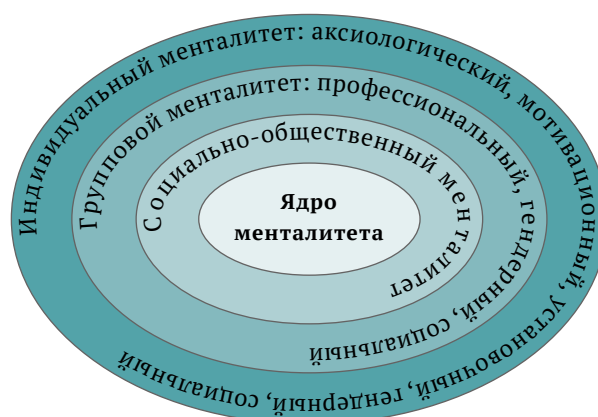

Рис. Структура менталитета
Fig. Mentality structure

³ Западная культура: Плохо или хорошо? Результаты опроса ВЦИОМ. Социальная газета. 23.08.2022. URL: <https://www.socgaz.ru/obshchestvo/6425-zapadnaya-kultura> (дата обращения: 12.11.2023).

⁴ Сост. по: [7].

в общественном укладе и на разных уровнях системы непрерывного образования как инструмента реализации профессионального определения молодежи, которые следует отрефлексировать и преодолеть [19–22]. Это станет основой для нивелирования аксиологических разрывов и платформой согласия разновекторно и цивилизационно направленных оптантов:

- укоренившаяся тенденция несоответствия ориентиров школы по отношению к занятости и реальной нуждаемости социально-экономического пространства в структуре компетенций и уровня квалификации формирует дисбаланс в соотношении «беловоротничковой» и «синеворотничковой» занятости;
- некоторое рассогласование рынка труда и рынка образовательных услуг, когда уровень специализации выпускников не соответствует запросам работодателей, неравномерно распределяются рабочие места и квалифицированные специалисты, система профессионального образования не всегда отслеживает быстрые изменения в технологиях и не уделяет должного внимания развитию практических навыков, необходимых для конкретных отраслей;
- в высокотехнологических и инновационных секторах наблюдается дефицит кадров главным образом рабочих профессий (токарь, слесарь, фрезеровщик, сварщик, электрик). При том что, согласно официальной статистике, в целом по стране в 2023 г. 60 % 9-классников и 30 % 11-классников отдали предпочтение среднему профессиональному образованию⁵;
- система сетевого взаимодействия между образовательными учреждениями и бизнес-сообществом оставляет желать лучшего в части внедрения практического опыта в теоретико-прикладной подготовке в профессиональном образовании, обратной связи и мониторинга промежуточных и итоговых результатов по местам прикрепления практик;
- учебно-методическая база образовательных учреждений не в полной мере закрывает имеющийся запрос рынка труда на структуру компетенций;
- целевой посыл образовательных учреждений чаще носит догоняющий характер, хотя они должны задавать повестку реиндустриализации страны, а значит, корректировать и ментальные ориентиры оптантов.

При всех упущениях и издержках образовательная система продолжает оставаться значимым агентом профориентации молодежи, используя широкий диапазон применяемого инструментария: информирование о различных профессиях, их требованиях, возможностях и перспективах, формирование компетенций в виде стажировок, проектной работы, практических занятий, менторства и консультаций для диагностики имеющихся возможностей, их соответствия требованиям профессии и пр. Эти и иные целевые установки реализуются, как нами отмечалось в 1 части статьи, в программах *Единая модель профессиональной ориентации, Билет в будущее* и др.

Признавая, что в структуре менталитета российских граждан отчетливо проступают особенности западной и восточной цивилизаций, реализуемых в отношении профориентационных мер, отметим, что аксиологические базисы все же представляют смешанный конструкт, поскольку Российская Федерация – многонациональное и многоконфессиональное государство. Тем не менее они могут быть сведены к следующим тезисам:

- опора на религиозные и моральные тяготения, отражающиеся в кодексе профессиональной этики, религиозных установлениях и общественных нормах (в медицинской сфере и психологическом консультировании декларируются принципы гуманизма, доверия и ответственности перед пациентом / клиентом);
- российская культура и история включают в себя разнообразные философские и религиозные традиции, которые имеют длительный опыт сосуществования и взаимодействия в профессиональных, социальных и межличностных ситуациях членов одного культурно-исторического социума (секулярное философско-правовое мышление уравнивает всех представителей религий; в рамках коммуникативной теории в социокультурных, ментальных контекстах значимым признается принцип *коммуникативного согласия*; в традиционной идеациональной нормативной системе доминируют духовно-нравственный и морально-правовой типы идентификации [23, с. 9];
- установки на открытость и взаимодействие способствуют активному обмену идеями и опытом между людьми; открытость является важным принципом отечественного образования, так или иначе связанного с синергетическим

⁵ Голикова: более 60 % девятиклассников поступили в колледжи в 2023 году. *РИА Новости*. 02.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231002/kolledzh-1899886988.html> (дата обращения: 12.11.2023).

- подходом (А. Баблюяц, И. Пригожина), реализуемым на основе конвергенции знаний [24; 25];
- примат коллективного над индивидуальным, детерминированный ведущей нравственной идеей жертвенности в коллективном бессознательном соотечественников, усиленный чувством вины (главный церковный праздник русских, олицетворяющий возрождение, – Пасха) [26, с. 84], в том числе обусловленный образом жизни сельской общины, доминирующей религией православия, проповедующей благотворительность и взаимопомощь, а также длительной пропагандой в советский период идеи кооптации, семейных и коммуникативных ценностей, транслирующих общение с близкими и др. [27];
 - сакрализация власти в сознании народа при его дистанцировании от нее [26, с. 85–88];
 - использование рационализации и интуиции как методов познания и принятия решений в процессе управленческой деятельности [28, с. 191–192], что отражает как западный, так и восточный образы мышления, стремление прийти к консенсусу при некоторой внутренней противоречивости;
 - гибкость и адаптивность менталитета соотечественников, транслируемые на аксиологический и поведенческий уровни, имеющие архетипические корни в антагонизмах – долготерпении и радикализме [29, с. 203].

Указанные особенности, проявленные в ответ на цивилизационные трансформации в функционировании мягких и жестких институтов, можно отнести к западному менталитету. Например, в политике – при смене режимов, в экономике – при переходе от индустриального к информационному обществу, развитию новых отраслей и технологий, в социальной сфере – в изменении взглядов на гендерные роли, права и свободы людей, в культуре – в проявлении новых течений, направлений в художественном творчестве, изменении образа жизни поколений, в технологиях – в ходе развития и внедрения информационных, коммуникативных, управленческих технологий. Репрезентацией же восточного менталитета является закрытость, следование семейным и культурным традициям и принятие общественных установок, ориентация на коллективный успех, неготовность к переменам, тяготение к внерациональным формам познания. Такое аксиологическое и поведенческое смещение обусловлено географическим, культурным и историческим контекстами. Территория страны находится и в Европе, и в Азии, в каждом ее регионе проступают черты четвертого и пятого промышленно-технологического

укладов, но где-то встречается и третий, что обнаряживает мировоззренческую противоречивость соотечественников.

Линии сравнения, исходя из культурных, исторических и политических аспектов ментальных предпочтений, представляют ориентации в построении личностной и профессиональной траекторий (табл.).

Рефлексия обозначенных ментальных особенностей на индивидуальном и общественном уровнях, перезапуск системы профориентации в сторону рациональной подготовки мобильных кадров для экономики регионов путем согласования рынка труда и рынка образовательных услуг, отрегулирования сетевого взаимодействия позволяют отчасти сгладить ценностно-мировоззренческие различия И-России и К-России и выступают основой для реализации миграционной политики в ситуации острого дефицита кадров на рынке труда.

Заключение

Культурно-историческим базисом для формирования ментальной концепции профессиональной ориентации молодежи выступает феномен *национальный менталитет российского общества*, в котором значимо проступают установки западного и восточного образов мышления, представляющие, с одной стороны, полярные векторы личностной, социальной и профессиональной идентификаций, а с другой – их комбинаторику в условиях длительного многоукладного сосуществования в сходных культурно-исторических, социально-экономических и политических условиях, отраженных в действии формальных и неформальных институтов. Для сравнения разноукладных ценностно-мировоззренческих тяготений нами определены как индикаторы особенности менталитета, связанные с функционированием формальных и неформальных институтов: восприятие мира, фиксирующее методы познания и принятия решений, предпочтение индивидуализма или коллективизма, отношение к власти / закону, собственности и прогрессу и представление о духовности, репрезентирующей опыт, веру, этические и моральные установки как отражение экзистенциального и антропологического индивидуального и коллективного опыта. В отечественном национальном характере проявляются как ценности коллективизма (неготовность к риску как отражение запроса на стабильность и устойчивость в продолжительные периоды турбулентности в истории государства; отношение к власти как к сакральной сущности; помощь нуждающимся, милосердие и сострадание, представленные в религиозных традициях; отказ следовать установлениям, видимо,

Табл. Основные черты представителей западной и восточной цивилизаций

Tab. Western and Eastern civilization: key features

Линии сравнения	Восточная цивилизация	Западная цивилизация
Коллективизм / Индивидуализм	На первом месте находятся коллективные и семейные интересы, а также способность к солидарности	Главные ценности человека: индивидуальность, свобода, саморазвитие и самоутверждение
Спиритуализм / Рационализм	Внимание на философских и духовных аспектах жизни, гармонии с природой и космосом	Основание – научный подход, логика и эмпирика
Клерикализм / Секуляризм	Нередко связаны	Разделение религии и государства
Монизм / Плюрализм	Доминирование традиционности, принятой идеологии, которая транслируется как единственно верная	Принятие и поощрение когнитивного и культурного разнообразия
Следование традициям / Технологический прогресс	Неоднородное, зависит от конкретной культуры и страны (Япония и Южная Корея в определенной мере следуют традициям, а Индия и Китай делают ставки на инновации и научно-технологическое развитие)	Находится на фронтире научных, технологических и инновационных достижений
Отношение к закону	Гибкое отношение к закону, выступающему как инструмент поддержания гармонии и стабильности, а не в качестве единственного руководства для поведения. Важнее устои, обычаи, влияющие на принятие решений и поведение людей	Следование принципу верховенства закона, который является основой для регулирования общественных отношений и применяется равным образом ко всем гражданам
Отношение к власти	Достаточно иерархическое (особенно в странах Восточной Азии). Власть ассоциируется с сакральной сущностью. Уважение к старшим и авторитету играют ключевую роль. Может быть более централизованная система власти с широкими полномочиями	Существует принцип разделения властей и ограничение полномочий правительства, особенно в странах с демократическими системами управления. Отношение граждан как к деловому партнеру

проистекающим от широты души; желание переступить за границы и др.), так и западные ценности, разделяемые по большей части поколением 18–34-летних.

Влияние формальных и неформальных институтов на экономическое поведение, функционирование рынков и экономический рост находятся в предметном поле институциональной экономики. Однако напрямую она не задается вопросом о роли мягких и жестких институтов в личностной, профессиональной и социальной ориентациях. Эта проблема актуализируется в связи с влиянием институциональных изменений на экономическую эффективность и развитие.

Национальный менталитет – подвижный конструкт, образующий совокупность общих ценностей, убеждений, норм и образа мышления, характерных для определенной культурно-исторической общности. Он фиксирует общественное влияние, спроецированное на социально-экономические условия, и представлен жесткими и мягкими институтами

в индивидуальном сознании в виде ценностных ориентаций и стереотипов поведения, определяющих векторы идентификации. Влияние национального менталитета на профессиональную ориентацию проявляется различно через: социальные ожидания общества в отношении выбора профессии, где действуют установки, ограничения, предубеждения относительно некоторых сфер деятельности, что оказывает влияние на оптантов; трансляцию традиций и профессиональных навыков в поколениях; культурные ценности как оптику предпочтений цивилизационного уклада; образовательную систему, агрегирующую ожидания общества, государства и рынка труда в отношении предмета, содержания, характера, условий труда и компетенций. Наряду с личностным и социально-экономическим базисами национальный менталитет значимо влияет на когнитивные, аксиологические, поведенческие и мотивационные структуры готовности к субъектному, социальному и профессиональному определению.

Он не является единственной детерминантой мировосприятия и идентификации субъекта, но его формирование можно обнаружить в общественных практиках, включая образование, управление, политику, социальные и экономические сферы, чему и будут посвящены наши дальнейшие рефлексии в рамках единого исследовательского материала.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Миненко А. Г. Русский национальный характер: основные подходы к исследованию. *Идеи и идеалы*. 2012. Т. 2. № 3. С. 86–97. [Minenko A. G. Russian national character: The main approaches to the study. *Idey i idealy*, 2012, 2(3): 86–97. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pekvdb>
2. Кашаев В. Е. Национальный характер: опыт философского исследования. Иваново: ИвГУ, 2000. 141 с. [Kashaev V. E. *National character: Experience of philosophical research*. Ivanovo: IvSU, 2000, 141. (In Russ.)]
3. Исаенко В. П., Смирнов Д. В. Слагаемые менталитета русского народа. *Вестник академии детско-юношеского туризма и краеведения*. 2018. № 3. С. 7–20. [Isaenko V. P., Smirnov D. V. Components of Russian mentality. *Bulletin of the academy of children's and youth tourism and local lore*, 2018, (3): 7–20. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rquiaq>
4. Борзова Е. П., Лебедев С. П. Русский характер, православный культурный код и менталитет российского народа. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2021. Т. 22. № 4-2. С. 145–162. [Borzova E. P., Lebedev S. P. Russian character, orthodox cultural code and mentality of the Russian people. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2021, 22(4-2): 145–162. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ttdcjh>
5. Анিকেева Е. Н., Семушкин Л. В. Диалог цивилизаций: Восток – Запад. *Вопросы философии*. 1998. № 2. С. 173–177. [Anikeeva E. N., Semushkin L. V. Dialogue of civilizations: East – West. *Voprosy filosofii*, 1998, (2): 173–177. (In Russ.)]
6. Юревич А. В. Структурные элементы национального менталитета. *Психологические исследования*. 2013. Т. 6. № 29. [Yurevich A. V. The structural elements of national mentality. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2013, 6(29). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v6i29.702>
7. Затепакин О. А., Пьянкова Л. А., Грекова Н. Ю. Стимулирование трудовой деятельности. Новокузнецк: СибГИУ, 2021. 183 с. [Zatepyakin O. A., Pyankova L. A., Grekova N. Yu. *Stimulation of Labor Activity*. Novokuznetsk: SibSIU, 2021, 183. (In Russ.)]
8. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2009. 795 с. [Toffler E. *The Third Wave*. Moscow: AST, 2009, 795. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qokocn>
9. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с. [Bell D. *The coming post-industrial society: A venture of social forecasting*. Moscow: Academia, 2004. 944. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qocvvp>
10. Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику. М.: Институт практической психологии и психоанализа, 1997. 365 с. [Mudrik A. V. *Introduction to Social Pedagogy*. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza, 1997, 365. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnpjlh>
11. Ключевский В. О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990. 622 с. [Kliuchevskii V. O. *Historical portraits*. Moscow: Pravda, 1990, 622. (In Russ.)]
12. Мищенко В. А. Национальный менталитет, как особый фактор формирования профессиональной мобильности. *Сибирский педагогический журнал*. 2010. № 8. С. 128–135. [Mischenko V. A. National mentality as a special factor to form professional mobility. *Siberian Pedagogical Journal*, 2010, (8): 128–135. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/peurfd>
13. Inglehart R., Oyserman D. Individualism, autonomy, self-expression: The human development syndrome. *International Studies in Sociology and Social Anthropology*, 2004, 74–96. https://doi.org/10.1163/9789047412977_008
14. Магун В. С., Руднев М. Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2015. № 3-4. С. 74–93. [Magun V. S., Rudnev M. G., Shmidt P. Russian basic human values through the lens of the european value types. *The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussion*, 2015, (3-4): 74–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2015-00020>

15. Ионова Е. В. Отношение населения России к ценностям западной культуры (по материалам г. Астрахани). *Вестник Саратовского государственного технического университета*. 2008. № 32. С. 248–252. [Ionova E. V. The attitude of Russians to values of the Western culture (on materials of Astrakhan). *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2008, (32): 248–252. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jtwmmf>
16. Семеко Г. В. Основные тенденции в сфере подготовки кадров экономистов в России (1990–2005). *Экономические и социальные проблемы России*. 2006. № 1. С. 129–147. [Semeko G. V. The main trends in the field of training economists in Russia (1990–2005). *Economic and social problems of Russia*, 2006, (1): 129–147. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/haupij>
17. Краснопевцева И. В. Профессиональный дисбаланс рынка труда квалифицированной рабочей силы. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2013. № 3-1. С. 315–321. [Krasnopedtseva I. V. Disproportions in terms of occupations in the skilled labour market. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2013, (3-1): 315–321. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rapxdv>
18. Гамидова Н. В. Глобализация и менталитет молодежи. *Общество и право*. 2016. № 2. С. 337–341. [Gamidova N. V. Globalization and youth mentality. *Society and Law*, 2016, (2): 337–341. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wibzet>
19. Дворядкина Е. Б., Ефимова Е. Г. Региональная система профессионального образования: понятие и сущность (на примере индустриального региона). *Региональная экономика и управление*. 2018. № 3. [Dvorjadkina E. B., Efimova E. G. Regional system of vocational education: Concept and essence (on an example of an industrial region). *Regional economy and management*, 2018, (3). (In Russ.)] URL: <https://eee-region.ru/article/5513/> (дата обращения: 02.01.2023). <https://www.elibrary.ru/yajgqh>
20. Затепакин О. А., Казанцева Г. Г., Иванова Е. В., Домнышев А. В. Экосистемный подход к формированию профессионального потенциала региона в условиях цифровой трансформации. *Human Progress*. 2022. Т. 8. № 1. [Zatepyakin O. A., Kazantseva G. G., Ivanova E. V., Domnyshev A. V. Ecosystem approach to the regional professional potential formation in the digital transformation conditions. *Human Progress*, 2022, 8(1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.34709/IM.181.7>
21. Садовая Е. С., Сауткина В. А., Зенков А. Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 190 с. [Sadovaya E. S., Sautkina V. A., Zenkov A. R. *Formation of a new social reality: Technological challenges*. Moscow: IMEMO, 2019, 190. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0564-2>
22. Лысенко В. Г., Харина Н. В., Янькин Д. В. Особенности профориентационной работы с обучающимися в новых социально-экономических условиях. *Опережающая профессиональная подготовка кадров в условиях образовательно-технологического кластера для социально-экономического развития региона: Межрегион. науч.-практ. конф. (Томск, 19 декабря 2019 г.)* Новосибирск: Золотой колос, 2019. С. 101–108. [Lysenko V. G., Kharina N. V., Iankin D. V. Features of career guidance work with students in new socio-economic conditions. *Advanced professional training of personnel in the conditions of an educational and technological cluster for the socio-economic development of the region: Proc. Interreg. Sci.-Prac. Conf., Tomsk, 19 Dec 2019*. Novosibirsk: Zolotoi kolos, 2019, 101–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yslzyl>
23. Фоминская М. Д. Соотношение веры и разума в постсекулярном мире: «возвращение» религиозной проблематики в западноевропейский философско-правовой дискурс. *Философия права*. 2015. № 1. С. 7–11. [Fominskaya M. D. Correlation between faith and intellect in post-secular world: "Return" of religious problems to the Western philosophical and legal discourse. *Philosophiya Prava*, 2015, (1): 7–11. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tniodh>
24. Зубарева К. А. Открытость как феномен современного образования. *Педагогическое образование в России*. 2012. № 3. С. 6–10. [Zubareva K. A. Openness as a phenomenon of modern education. *Pedagogical education in Russia*, 2012, (3): 6–10. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pbhfn>
25. Баксанский О. Е. Мировоззрение будущего: конвергенция как фундаментальный принцип. *Педагогика и просвещение*. 2014. № 3. С. 17–29. [Baksansky O. E. World view of the future: Convergence as a fundamental principle. *Pedagogy and education*, 2014, (3): 17–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2306-434X.2014.3.13521>
26. Максименко А. А. Российские управленческие практики с позиции ценностно-рационального подхода. Фрагмент 2. *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 10. С. 83–89. [Maksimenko A. A. Russian management practices in the context of the value-rational approach. Fragment 2. *Theory and Practice of Social Development*, 2013, (10): 83–89. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/refxwd>

27. Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей России. *Социологические исследования*. 1996. № 5. С. 3–23. [Lapin N. I. Modernization of the basic values of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1996, (5): 3–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mouhoh>
28. Бурькин Е. С. Соотношение рационального и интуитивного в рамках принятия оптимального управленческого решения. *Вестник Московского финансово-юридического университета*. 2022. № 2. С. 190–201. [Burykin E. S. Ratio of the rational and the intuitive in making an optimal management decision. *Vestnik Moskovskogo finansovo-iuridicheskogo universiteta*, 2022, (2): 190–201. (In Russ.)] https://doi.org/10.52210/2224669X_2022_2_190
29. Писанова Т. В. Современные проекты национально-культурной идентичности в странах – партнерах СНГ. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2018. № 1. С. 200–215. [Pisanova T. V. Modern projects of national and cultural identity in CIS countries partners. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, (1): 200–215. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xqrotj>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qpulye>

Актуальные направления развития банковского маркетинга в современных условиях

Козлова Ольга Николаевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 9059-3612

kozlova-oliy@mail.ru

Котова Ольга Николаевна

Кузбасский государственный технический университет

им. Т. Ф. Горбачева, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 8474-6531

<https://orcid.org/0000-0001-6891-6064>

Слаутина Эвелина Дмитриевна

Московский университет им. С. Ю. Витте, Россия, Москва

Аннотация: Ковидные ограничения, политические и санкционные риски серьезно влияют на деятельность банков, которым приходится искать новые пути для создания и продвижения своих продуктов. Они имеют определенные особенности, что делает их сложными для восприятия населением, но развитие цифровых технологий предоставляет дополнительные возможности для продвижения на финансовом рынке и помогает расширить аудиторию за счет массового использования гаджетов, Интернета. Цель – обобщить подходы к развитию банковского маркетинга в условиях новых рисков на основе действующей практики. Используются методы анализа и статистической обработки данных. Банки вынуждены бороться за клиентов, расширение доли на рынке, используя концепции банковского маркетинга. К его глобальным тенденциям относятся: использование искусственного интеллекта и цифровых платформ; появление новых технологий, создание мобильных приложений и конкуренция с другими банками; обеспечение кибербезопасности; улучшение имиджа и повышение доверия клиентов; появление новых каналов продаж. Основные направления развития банковского маркетинга связаны с развитием цифрового маркетинга, использованием новых каналов продвижения, новых подходов (например, брендформанс, геймификация, финансовое образование и др.). На основе модели маркетинга 7P проведен анализ среднего банка АО «Банк ДОМ.РФ», по результатам которого выявлены его сильные и слабые стороны, возможности и угрозы в современных условиях.

Ключевые слова: банковская система, банковский маркетинг, модель 7P, конкурентоспособность, банковский продукт, клиентский опыт

Цитирование: Козлова О. Н., Котова О. Н., Слаутина Э. Д. Актуальные направления развития банковского маркетинга в современных условиях. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 241–252. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-241-252>

Поступила в редакцию 18.12.2023. Принята после рецензирования 27.02.2024. Принята в печать 01.04.2024.

full article

Current Trends in Bank Marketing

Olga N. Kozlova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 9059-3612

kozlova-oliy@mail.ru

Olga N. Kotova

T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 8474-6531

<https://orcid.org/0000-0001-6891-6064>

Evelina D. Slautina

Moscow Witte University, Russia, Moscow

Abstract: New risks make bank marketing especially relevant in modern conditions, e.g., COVID-19 restrictions, political issues, economic sanctions, etc. These risks affect the activities of banks, which have to look for new ways to create and promote their services and products. Bank products are quite peculiar: on the one hand, they are difficult to perceive by potential customers; on the other hand, digital technologies provide banks with additional

promotion and expansion opportunities. Global trends in bank marketing include such new technologies as artificial intelligence and digital platforms, new mobile applications, new sales channels and competition with other banks in this sphere, cybersecurity, winning the trust of customers, etc. New risks force banks to fight for customers and expand their market share using bank marketing concepts and tools. Digital marketing includes not only new promotion channels but also such new approaches as brand performance. Banks strive to meet customers halfway and to conquer new age groups by using gamification and financial education. The authors used the 7P marketing model to analyze AO Bank.DOM.RF as an average Russian bank and to recommend new options of bank marketing in practice. The analysis included strengths, weaknesses, opportunities, and threats.

Keywords: banking system, banking marketing, 7P model, competitiveness, banking product, customer experience

Citation: Kozlova O. N., Kotova O. N., Slautina E. D. Current Trends in Bank Marketing. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 241–252. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-241-252>

Received 18 Dec 2023. Accepted after review 27 Feb 2024. Accepted for publication 1 Apr 2024.

Введение

С начала 2022 г. кредитные организации столкнулись с оттоком капитала из банковской системы, что привело к снижению ликвидности банковского сектора. Оно началось в конце февраля и достигло в марте максимального значения в 7 трлн руб.¹, закончившись только в начале апреля, благодаря быстрой адаптации маркетинговых стратегий банков к изменяющимся условиям и помощи Центрального Банка РФ (ЦБ РФ). В этом же году против Российской Федерации был введен ряд санкций, что явилось причиной затруднения деятельности банковских организаций [1]. Для стабилизации ситуации на финансовом рынке банком России были сформулированы и реализованы следующие антикризисные меры: рекордное повышение ключевой ставки на 10,5 %; льготное кредитование; кредитные каникулы; различные послабления для малого бизнеса, IT-компаний, сферы государственных закупок и др.

Рост ключевой ставки до 20 % привел к росту процентов по банковским вкладам. Маркетинговые стратегии банков в сфере продвижения продуктов значительно изменились: количество механизмов продвижения по направлениям кредитования (ипотека, кредит, кредитные карты) снизилось на 80 %, а по банковским вкладам увеличилось в 12 раз. Лидерами по продвижению вкладов стали ВТБ, Совкомбанк, Альфа-банк. В марте-апреле 2022 г. зафиксирован рост рекламы *финансовых услуг* на 24 % в годовом выражении. Банки не только принимали активный комплекс маркетинговых мер, направленных на увеличение спроса на свои продукты, но и занимались сохранением действующих клиентов путем предложения более выгодных условий по вкладам

и накопительным счетам. Все это привело к снижению оттока капитала, стимулированию спроса на банковские вклады и выходу из структурного дефицита ликвидности банковского сектора.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью банковским организациям адаптироваться к условиям изменчивости внешней среды, в том числе на основе банковского маркетинга, который тесно связан с факторами экономической обстановки, рыночными условиями. Целью исследования является обобщение подходов к развитию банковского маркетинга в условиях новых рисков на основе действующей практики.

Теоретической базой нашей работы стали научные труды С. В. Карпова, Т. А. Лукничева, Е. Е. Кузьмина, Н. Я. Калюжнова, А. А. Агасипура, Е. П. Голубкова, И. Д. Хуссейна и многих других ученых, внесших вклад в изучение и развитие маркетинга банковских услуг. В исследовании использованы методы анализа, статистической обработки данных (на сайте ЦБ РФ и сайтах отдельных ведущих банков России).

Результаты

В 2022 г. из-за высокого уровня конкуренции в российском банковском секторе организации были вынуждены активно применять маркетинговые инструменты для поддержания конкурентоспособности не только с другими банками, но и с небанковскими кредитными организациями. Наибольший вклад в структуру кредитных организаций вносят банки. На начало 2023 г., по данным ЦБ РФ, их количество составляло 90,3 % в общем объеме кредитных организаций.

¹ Дефицит / профицит ликвидности банковского сектора. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/hd_base/bliquidity/ (дата обращения: 15.12.2023).

В 2019 г. в структуре банковских организаций банки с базовой лицензией занимали 34 %, а с универсальной – 66 %. В 2023 г. ситуация изменилась: банки с базовой лицензией стали занимать 31 %, а с универсальной – 69 %. Количество и состав кредитных организаций в РФ, по данным ЦБ РФ², представлены в таблице 1.

В 2023 г. продолжалось активное восстановление показателей российского банковского сектора после сильных внешних шоков 2022 г. Важнейшим событием на финансовом рынке за 9 месяцев 2023 г. стал переход Банка России к циклу повышения ставок с целью затормозить рост инфляции и остановить снижение курса рубля. Ключевая ставка была увеличена вдвое – с 7,5 % в июле до 15 % в октябре, что отразилось на вкладах и кредитах. Для ограничения санкционных рисков Банк России разрешил российским банкам до 1 июля 2023 г. не публиковать финансовую отчетность по российским стандартам. По истечении этого срока они подавали информацию в существенно урезанном виде.

В таблице 2 приведены показатели по основным видам кредитования в банках России, в которых зафиксирован наибольший рост прибыли за 9 месяцев 2023 г. (по данным ЦБ РФ).

По итогам 9 месяцев 2023 г. банковскому сектору удалось выйти на рекордную прибыль в размере 2,7 трлн руб.³, что объясняется ростом объемов банковского бизнеса и комиссионных доходов, валютной переоценкой и низкими расходами на создание резервов по ссудам. Количество прибыльных банков в этот промежуток времени составило 282, или 87 % от общего числа банков, на долю которых приходилось 99 % активов банковской системы страны⁴.

Проблемы в 2022 г. были связаны с санкциями по международным расчетам: из 13 системно значимых банков под санкции не попали только Юникредит и Райффайзенбанк, в результате чего часть клиентов стала использовать счета в менее крупных банках. По оценке специалистов лучшие перспективы для быстрого роста клиентской базы компаний

Табл. 1. Количество и состав кредитных организаций в РФ в 2019–2023 гг.

Tab. 1. Number and structure of credit institutions in the Russian Federation in 2019–2023

Организации	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.01.2022	01.01.2023
Кредитные, всего	484	442	406	370	361
В том числе банков:	440	402	366	335	326
с базовой лицензией	149	136	118	103	101
с универсальной лицензией	291	266	248	232	225
Небанковские кредитные организации	44	40	40	35	35
Филиалы кредитных организаций на территории РФ	709	618	530	471	449
Представительства за рубежом	6	5	5	4	4

Табл. 2. Показатели по основным видам кредитования за 9 месяцев 2023 г.

Tab. 2. Indicators for the main types of lending for 9 months of 2023

Банковские услуги	Абсолютная величина, трлн руб.	Прирост, %
Ипотечное кредитование физических лиц	17,1	21,6
Автокредитование	1,5	27,3
Необеспеченное потребительское кредитование	13,6	13,5
Кредитование юридических лиц	70,5	13,1

² Количественные характеристики банковского сектора Российской Федерации. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/lic/ (дата обращения: 13.12.2023).

³ О развитии банковского сектора Российской Федерации в сентябре 2023. Информационно-аналитический материал. *Банк России*. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/46509/razv_bs_23_09.pdf (дата обращения: 13.12.2023).

⁴ Российские банки: финансовые итоги 9 месяцев 2023 года. *Finversia*. 02.11.2023. URL: <https://www.finversia.ru/publication/rossiiskie-banki-finansovye-itogi-9-mesyatsev-2023-goda-135392> (дата обращения: 13.12.2023).

имеются пока у средних банков. Розничный бизнес по-прежнему наиболее активно развивают крупные банки. Несмотря на значительные сложности и внешние риски, банковская система не обрушилась, банки продолжают расширять свою деятельность по различным направлениям (по привлечению денежных средств клиентов, в частности). Во многом показатели банковской деятельности объясняются поддержкой государства в условиях внешних политических рисков, однако актуальность банковского маркетинга, являющегося одним из эффективных внутренних инструментов, позволяющих привлечь клиентов и быть конкурентоспособными на рынке, по-прежнему высока, особенно для малых и средних банков.

Теоретические основы банковского маркетинга достаточно полно освещены в научной литературе:

- 1) рассмотрены возможные подходы к определению банковского маркетинга, сделан вывод об эволюции данного понятия в условиях российской практики в работах [2; 3];
- 2) информация о типах и особенностях банковского маркетинга и банковских услуг представлены в работах [4; 5];
- 3) о необходимости разработки банковского маркетинга как частного случая маркетинга услуг отмечено в работе [5];
- 4) отдельные стороны банковского маркетинга, инновационные продукты как средство повышения конкурентоспособности банков исследуются в трудах [6–8].

В представленных работах ученые рассматривают банковский маркетинг как часть маркетинга услуг применительно к деятельности банков, тем самым акцентируя внимание на особенностях банковских продуктов. Уточним определение терминов, используемых в нашей работе:

- *Банковский маркетинг* – это стратегия, основанная на законах рынка, ориентированная на создание, продвижение и сбыт спектра услуг, предлагаемых банковскими организациями.
- *Банковскими продуктами* являются банковский счет, депозит, документ (свидетельство) в виде векселя, чека, процент по вкладу или за кредит и т. п.
- *Банковская услуга* – это специфическая деятельность по организации денежного оборота и предоставлению клиентам различных банковских продуктов.

Грамотно продуманная стратегия банковского маркетинга позволяет банку получать прибыль и укреплять свои позиции на рынке путем привлечения

дополнительных клиентов. В банковской деятельности могут применяться различные концепции банковского маркетинга (табл. 3⁵).

Специфика банковского маркетинга тесно коррелирует с особенностями банковской услуги. Они абстрактны и нематериальны, приобретают конечные формы посредством договорных отношений, их оказание связано с использованием финансовых ресурсов в той или иной форме, их покупка и продажа обладают протяженностью во времени. Активное применение банковского маркетинга обусловлено рядом факторов:

- глобализация экономических процессов, масштабирование банков на зарубежных рынках;
- увеличение на мировой арене количества финансовых организаций, являющихся небанковскими компаниями (инвестиционные фонды, инвестиционные компании, финансовые компании, пенсионные фонды, страховые компании, благотворительные фонды, ссудо-сберегательные ассоциации, кредитные союзы и т. д.);
- расширение продуктового ассортимента всей банковской сферы;
- применение технологий удаленного предоставления финансовых услуг;
- развитие конкурентной борьбы не только внутри банковского сектора, но и за его пределами, т. к. банки вынуждены конкурировать с небанковскими организациями.

В постоянно изменяющихся рыночных условиях организации вынуждены адаптироваться, и в этом им помогает маркетинг. Повышение маркетинговой активности позволяет банкам увеличить доходность, а также снизить риски деятельности. Из-за высокой конкуренции в банковской отрасли банковский маркетинг активно развивается. Проводимый анализ действующей банковской практики позволил обозначить тенденции развития банковского маркетинга в современных условиях. К таким глобальным тенденциям можно отнести:

- использование искусственного интеллекта и цифровых платформ;
- появление новых технологий, создание мобильных приложений и конкуренция с другими банками [9; 10];
- обеспечение кибербезопасности [11; 12];
- улучшение имиджа и повышение доверия клиентов;
- появление новых каналов продаж, например сети Интернет [13–15].

⁵ Сост. по: [5; 11].

Табл. 3. Характеристика концепций банковского маркетинга
Tab. 3. Characteristics of bank marketing concepts

Концепция банковского маркетинга	Содержание	Условия
Производственная	Банки предлагают традиционные услуги, имеющие высокую прибыльность	Предложение традиционных услуг клиентам с невысокими доходами обеспечивает спрос на эти услуги и рост клиентской базы
Продуктовая	Банк предлагает клиентам услуги, которые по своим характеристикам превосходят аналоги у конкурентов	Учет политической и экономической конъюнктуры, влияющих на качество предоставляемых банковских услуг
Торговая	Продвижение банковских услуг за счет рекламы на основе маркетинговых исследований	Активное создание банками страховых и лизинговых компаний, пенсионных фондов с целью привлечения и удержания клиентов комплексным обслуживанием, нетрадиционными услугами, ноу-хау, предоставлением консультаций в различных областях бизнеса и т.д.
Традиционная маркетинговая	Банки имеют свой бренд и представляют полный комплекс банковских услуг	Изучение спроса на банковские услуги и их адресное продвижение
Концепция социально-этического маркетинга	Ориентация на потребности потенциальных клиентов и интересы общества в целом. Один из вариантов этой концепции – концепция 7С. В ней с помощью инструментов маркетинга достигается равновесие между интересами клиентов, банка и общества	C1 – клиент банка или потребитель банковской услуги C2 – кадры C3 – коммуникация C4 – координация C5 – качество C6 – конкуренция C7 – культура

В продолжение проведенного анализа отметим направления развития банковского маркетинга, которые обусловлены меняющимися условиями и рисками [16]:

1. *Потребительское взаимодействие с финансовым брендом.* Трансформация взаимодействия клиента с финансовым брендом в 2020–2021 гг. претерпела значительные изменения: фактическое использование филиалов банка упало с 20 % до 19 %. И эта тенденция будет сохраняться в последующие годы, т.к. потребности клиентов растут, а требования к банкам увеличиваются. Так, для потребителей банковских организаций важно иметь оперативный доступ к своим счетам. Удовлетворяет эту потребность дистанционное банковское обслуживание (ДБО), которое представляет собой интернет-банкинг (личный кабинет на сайте банка) или мобильный-банкинг (приложение, SMS-банкинг). Из-за трансформации процесса взаимодействия банка с клиентом банковским организациям важно обратить внимание на клиентский опыт, проанализировать его и создать стратегию улучшения работы. Пользователи ДБО должны получать быстрый и качественный сервис, им необходимо иметь возможность получения помощи через разные каналы коммуникации:

приложение, чат-боты в различных социальных сетях, звонок на горячую линию. В 2022 г. банки в большей мере стали использовать гибридный опыт, сочетающий личное обслуживание с каналами в сети Интернет. Отметим несколько способов, с помощью которых финансовые бренды могут улучшить гибридный опыт. К ним относятся:

- предоставление потребителям большего выбора и большей гибкости за счет дополнительной персонализации предложений;
- внедрение первичного подхода к обработке данных для более точного определения потребностей клиентов;
- создание и совершенствование инфраструктуры для организации отличного гибридного клиентского опыта;
- реализация омниканальной стратегии, т.е. предоставление клиентам возможности иметь доступ к платформе вне зависимости от местонахождения и используемого или используемых устройств.

2. *Предоставление финансового образования.* Фактически 47 % потребителей считают, что банковские организации должны оказывать содействие в принятии эффективных финансовых решений.

Повышение финансовой грамотности – задача, которая считается актуальной в работе ЦБ РФ, поэтому банки запускают образовательный контент с целью повышения знаний потребителей в области инвестирования, управления тратами, добавления функции накопления с заработной платы.

С ростом финансово-экономической грамотности среди взрослого населения увеличивается необходимость обучать этому и детей в интерактивной форме. В 2018 г. был реализован проект «Смешарики. Азбука финансовой грамотности», появились соответствующие комиксы и игры, возрос спрос на детские банковские карты. Еще одним вектором развития финансово-экономической грамотности является создание продуктовых банковских предложений для семей. Оно подойдет не каждой финансовой организации, однако те компании, которые выберут этот путь развития, уже через 10 лет получат лояльную аудиторию, взаимодействовавшую с ними с детства.

3. Цифровой маркетинг [16; 17]. Из Apple App Store и Google Play были удалены приложения многих банков по причине введения санкций против них, и часть клиентов осталась без удобного сервиса. Но так как улучшение дистанционного обслуживания клиентов является одним из важнейших приоритетов организаций, оказывающих финансовые услуги, то банки, попавшие в санкционные списки, довольно быстро адаптировались и предоставили возможность скачивания приложения на сайте.

Продвижение банковских продуктов осложнено рядом юридических ограничительных мер со стороны Федерального закона⁶, а именно: статьей 28 «Реклама финансовых услуг и финансовой деятельности», связанной с блокировкой ряда медиаресурсов Роскомнадзором [18]. Так, в 2022 г. банки сместили рекламу в сторону цифровых технологий, но на телевидении она все еще оставалась, т.к. была доступна для большой аудитории [19]. Переход рекламы на отечественные площадки Яндекс и ВКонтакте произошел плавно. Социальная сеть устраивала аукционы на рекламу, из-за чего рост ставок на нее с содержанием банковских продуктов возрос вдвое, а поисковая система увеличила выручку на 16 % за счет продвижения банковских услуг. Необходимость оперативно реагировать и менять каналы коммуникации была вызвана нарастающим структурным дефицитом банковской ликвидности, закончившейся благодаря антикризисным мерам ЦБ РФ, которые

снизили маржинальность банковского бизнеса и вызвали необходимость у банковских организаций оперативного переориентирования маркетинговых стратегий [20].

Потребители хотят получить в сжатые сроки и в полном объеме информацию для принятия эффективного финансового решения, в чем помогают финансовые маркетплейсы⁷. Преимущество маркетплейсов очевидно, ведь у потребителя есть возможность получить всю информацию в один клик, без перехода на сайт банка. Данный тип продвижения подходит небольшим региональным банкам для привлечения новых клиентов и развития территориальной сети без значительных расходов.

4. Организация процессов контент-маркетинга [21]. Во всех сферах деятельности компаний растет популярность контент-маркетинга, когда клиенты ищут ответы на свои вопросы на сайте банка и в его социальных сетях. АО «Банк ДОМ.РФ», например, активно использует данный инструмент. Потребитель задает вопрос – получает ответ и может ознакомиться с решением проблем других пользователей и их обратной связью. Помимо этого, в социальной сети Дзен есть аккаунт «Спроси ДОМ.РФ», на котором в видеоформате можно получить необходимое решение. Этой разновидностью контент-маркетинга пользуются и социальные сети ВКонтакте и Telegram, и видеохостинг YouTube. Большинство компаний применяют данный инструмент с целью вызова и поддержания интереса к товару или услуге.

5. Новые методы продвижения банковских продуктов. Рынок предложения банковских продуктов огромен. Клиентов уже не привлекают обыденные программы лояльности, и иногда им на смену, а иногда и в дополнение, приходят игровые механики. Поколение Z выросло в окружении ярких картинок, шоу, мультфильмов, компьютерных игр. Молодые люди, имеющие с детства под рукой большой выбор развлечений на любой вкус, нуждаются именно в геймификации взаимодействия с брендом [22]. Геймификация – это метод продвижения компании, продуктового предложения или услуги с использованием игровых техник. На рынке банковских услуг данный инструмент активно используется с 2019 г. Отличительной чертой такого метода маркетинговой деятельности является выгода потребителя (купоны, призы, скидки и т.д.). Например, в 2021 г. Газпромбанк запустил игру,

⁶ О рекламе в РФ. ФЗ № 38-ФЗ от 13.03.2006 (в ред. ФЗ № 359-ФЗ от 24.07.2023). СПС КонсультантПлюс.

⁷ Маркетинг банковских услуг в 2022 году: поисковое продвижение, digital-реклама и возможности маркетплейсов. *vc.ru*. 27.07.2022. URL: <https://vc.ru/u/vbr-ru/470919-marketing-bankovskih-uslug-v-2022-godu-poiskovoe-prodvizhenie-digital-reklama-i-vozmozhnosti-marketpleisov> (дата обращения: 15.06.2023).

приуроченную к своему дню рождения, и привлек 32 тысячи почтовых адресов. Суть игры заключалась в помощи сотруднику банка в выполнении его простых рабочих обязанностей (разборка стола и т. п.). После завершения заданий игроку предлагалось выбрать приз из нескольких вариантов партнерских предложений. АО «Почта Банк» в свою очередь запустил игровую программу лояльности «Шанс», в рамках которой приглашал держателей своих карт сыграть в кости в мобильном приложении и выиграть повышенный кешбэк в размере 2–12 %. Геймификация является отличным инструментом не только привлечения новых пользователей, но и хорошим средством взаимодействия с клиентами банка. Заинтересовать и удержать потребителей поможет грамотная стратегия бонусов в сочетании с индивидуальными программами лояльности и геймификационной составляющей⁸.

6. *Брендформанс* – это маркетинговый подход, который одновременно помогает добиться увеличения целевых показателей и узнавания бренда у потребителя путем комбинации брендинговой рекламы и перформанс-маркетинга. В то время как *performance*-подход направлен только на выполнение показателей эффективности здесь и сейчас, *брендформанс* заботится о бренде и формировании отложенного спроса. Данный инструмент можно использовать параллельно с другими механизмами продвижения: со сложными, дорогими и продолжительными по времени воронками продаж и менее затратными и продолжительными инструментами продвижения (например, реклама у лидеров мнений и знаменитых личностей).

Анализ тенденций, происходящих в банковском маркетинге, и выработка направлений развития в современных условиях геополитических рисков подтверждают гипотезу о системном использовании концепций маркетинга применительно к банкам. Появление новых технологий продвижения продуктов требует применения маркетинговых действий (маркетинговые исследования, анализ конкурентов, разработка ценовой политики) совокупно, а не по отдельности, в частности – использования модели маркетинга *7P* [23]: *product* (продукт); *price* (цена); *place* (место продажи); *promotional* (продвижение); *people* (люди); *process* (процесс); *physical evidence* (физическое окружение). Продемонстрируем, как работает комплекс маркетинга *7P* для современных финансовых организаций на примере

АО «Банк ДОМ.РФ». Выбор банка обоснован тем, что он не самый крупный, и для него использование банковского маркетинга особенно актуально.

АО «Банк ДОМ.РФ» основан в 1993 г. под названием «Рокабанк», но после смены собственников был переименован в АО «Банк ДОМ.РФ». Вместе со сменой названия пришли и новые цели: реализация федеральных и региональных программ льготной ипотеки, внедрение проектного финансирования в долевого строительстве. Также банк является агентом Фонда развития территорий и выплачивает компенсации участникам долевого строительства, пострадавшим от действий недобросовестных застройщиков. В быстро меняющихся рыночных условиях прошедшего года Банк ДОМ.РФ был сосредоточен на сохранении динамики развития в сфере жилищного строительства, поддержке клиентов, повышении качества услуг через активное внедрение онлайн-сервисов. Это позволило в 1,5 раза увеличить портфель ипотечных кредитов и удвоить портфель проектного финансирования. В 2022 г. Банком ДОМ.РФ был зафиксирован рекордный объем выдачи ипотечных кредитов размером в 181 млрд руб., что связано с реализацией банком большого количества программ ипотечного кредитования с государственной поддержкой. Ликвидные активы же увеличились на 424 млрд руб. в рамках казначейских операций по управлению балансом.

1. *Продукт*. АО «Банк ДОМ.РФ» предлагает своим клиентам 14 программ ипотечного кредитования, 13 программ кредитования, 2 разнонаправленных варианта вклада, 3 разновидности банковских карт, премиальное банковское обслуживание и эскроу-счета. Банк специализируется на выдаче ипотечных кредитов и является четвертым банком в рейтинге по объему выданных ипотек в 2022 г. со значением в 181,4 млрд руб.⁹, уступая таким банкам, как Сбербанк, ВТБ, Альфа-Банк [24].

2. *Цена*. В банковской среде цена зачастую представляет процентную ставку по кредиту или депозиту и формируется исходя из внутренних и внешних факторов. К внешним факторам ценообразования относят имидж банка, уровень реального и прогнозируемого спроса на данные виды банковских услуг в выбранных рыночных сегментах и его эластичность, уровень инфляции и конкуренции, цены конкурентов на аналогичные услуги. К внутренним: затраты на оказание услуг, связанные с качеством банковских продуктов,

⁸ Геймификация как инструмент для улучшения бизнес-показателей. *Битрикс24*. 28.12.2022. URL: <https://www.cossa.ru/news/316787/?ysclid=1j1pujiy73211591500> (дата обращения: 18.06.2023).

⁹ Банк ДОМ.РФ. URL: <https://domrfbank.ru/> (дата обращения: 13.12.2023).

быстротой и качеством обслуживания клиентов, наличием финансовых, информационных и человеческих ресурсов, величиной выбранных рыночных сегментов, жизненными циклами банковских продуктов. Процентные ставки по различным программам ипотеки с государственной поддержкой варьируются от 0,6 % до 6,2 %; по программам для приобретения недвижимости на первичном рынке – от 15,3 % до 17,9 %; по программам для приобретения жилья на вторичном рынке – от 15,9 % до 17,9 %; по программам на приобретение жилого дома – от 14,9 % до 15,4 %, а процентные ставки по программам кредитования – от 4,5 %. Процентные ставки по вкладам варьируются в зависимости от срока, лимита и других условий от 2,8 % до 11,1 %.

3. *Места продаж* для банковских организаций представляют собой отделения банков, сайт, мобильное приложение. Согласно данным ЦБ РФ, АО «Банк ДОМ.РФ» имеет 33 подразделения: 9 отделений в Москве, 3 – в Санкт-Петербурге, 2 – в Нижнем Новгороде, по одному отделению имеют следующие города: Владивосток, Воронеж, Екатеринбург, Казань, Калининград, Краснодар, Красноярск, Тольятти, Новосибирск, Пенза, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Тверь, Тула, Тюмень, Уфа, Челябинск.

Для расширения своего присутствия на рынке в 2021 г. банк заключил договор с «ФИНДОСТАВК»-ой, согласно которому компания будет доставлять карты и другие продукты клиентам и подписывать необходимые документы. К 2022 г. банк совместно с партнером добились поставленных задач и охватили 23 региона и 60 городов, а также увеличили перечень продуктов, которые можно приобрести при обслуживании не в отделении, а курьером. Банк ДОМ.РФ имеет удобный сайт, на котором целевая аудитория может ознакомиться с продуктовыми предложениями банка. Помимо всего, этот банк имеет собственное приложение, которое клиенты могут скачать на сайте банка, в App Store, Google Play и RuStore.

4. *Продвижение.* Перед банковскими организациями всегда стоит задача повышения узнаваемости на рынке и привлечения новых клиентов, а вместе с ними и средств. В 2020 г. Банк ДОМ.РФ запустил программу «Приведи друга», участвуя в которой клиент получал вознаграждение от 500 до 2000 руб., в зависимости от того каким продуктом воспользуется его друг. Акция действовала до 30 июня 2022 г.

Банк активно использует метод продвижения: прямые продажи, каждого менеджера обучают выявлять потребности клиента, презентовать продукт, работе с возражениями, кросс-продажам. Банк ДОМ.РФ

в качестве основного элемента продвижения выбирает метод PR. Генеральный директор организации часто выступает на крупных государственных и международных мероприятиях, рассказывая о достижениях, дальнейших планах банка, и подписывает соглашения с партнерами.

Аналитическая компания Similarweb представила данные о сетевом трафике и действиях клиентов и конкурентов АО «Банк ДОМ.РФ» на своем сайте. Исходя из этих сведений, Банк ДОМ.РФ активно применяет SEO-продвижение, благодаря чему имеет высокие показатели органической выдачи в поисковике – 33,63 %. Банк использует и email-маркетинг, что способствует переходу на сайт банка 11,27 % посетителей от общего пользования, баннерная же реклама обеспечивает 0,18 % трафика клиентов, когда как платный поиск – 0,07 % переходов на сайт, а по ссылке, размещенной на сайте партнеров, переходят 17,68 %, из социальных сетей – 0,89 %.

5. *Персонал.* Банк активно реализует программы по обучению студентов старших курсов и молодых специалистов. На сайте можно бесплатно в онлайн-формате пройти образовательные программы «Инвестируй дома», «Технологии информационного моделирования». Реализованы и наборы на закрытые проекты «Зачетный курс», «ПроектФ», «Технологии информационного моделирования». «Зачетный курс» предназначен для студентов старших курсов любых специальностей, на нем проходят вводные лекции о банковской деятельности, продуктовыми предложениях и их специфике, а по завершении программы предлагается решить кейс. Самые активные участники закрытого проекта получают возможность пройти оплачиваемую стажировку.

«ПроектФ» рассчитан на развитие молодых специалистов в сфере проектного финансирования и представляет собой оплачиваемую стажировку, по окончании которой они представляют свои проекты. Участникам предлагают выбрать программу-траекторию, по которой они будут развиваться. Банк заявляет такие направления, как кредитный анализ, строительный мониторинг, корпоративный бизнес, бизнес-аналитика в IT, строительная экспертиза, правовая служба, мониторинг кредитных рисков, малый бизнес. Данная программа имеет комбинированную форму и актуальна для Москвы и Московской области, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга и Краснодара.

«Технологии информационного моделирования» – программа, направленная на приобретение дополнительных компетенций в сфере строительных проектов.

Стоит отметить, что АО «Банк ДОМ.РФ» разработал ряд программ совместно с учреждениями высшего образования:

- магистерская программа «Управление проектами территориального развития» в Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС);
- программа профессиональной переподготовки «Страховой бизнес. Андеррайтер страховой организации» в Финансовом университете при Правительстве РФ.

6. *Процесс.* Банки уделяют большое внимание взаимодействию со своими клиентами. Финансовый рынок подвержен острой конкуренции, поэтому банковские организации стараются наладить эффективную обратную связь с потребителями в приложении банка и предложить сервисные продукты, которые способны ускорить процесс банковского обслуживания и сделать жизнь человека более комфортной. Именно такие цели поставил перед собой АО «Банк ДОМ.РФ» в сфере обслуживания нескольких кредитов. В конечном итоге IT-специалисты разработали «Мультипредложение», которое позволяет обслуживать несколько кредитов в одном банке. Продукт нацелен на удовлетворение потребностей и комфортное взаимодействие с банком тех клиентов, кому необходимы свободные средства для ремонта и мебелирования квартир, домов и другой недвижимости. Также он начал осуществлять проект по дистанционному открытию счета эскроу параллельно с открытием счета аккредитива. Это будет актуально для тех клиентов, которые хотят приобрести недвижимость в новостройке за счет средств от продажи жилья на вторичном рынке.

Преимущество данного сервиса параллельного открытия счетов аккредитива и эскроу состоит в том, что клиенту не нужно самостоятельно переводить деньги между ними, т.к. процесс полностью автоматизирован. Немалым достоинством является и то, что сделка проходит полностью в электронном формате.

7. *Физическое окружение.* К данному элементу относятся мебель в помещениях, оборудование, терминалы. Отделения АО «Банк ДОМ.РФ» выполнены в фирменных цветах, внутри имеются удобные диваны для ожидания, кресла [25]. Организация не имеет своих банкоматов, она сотрудничает с множеством банков для того, чтобы клиент мог воспользоваться ближайшим банкоматом и не платить комиссию. Данная мера позволяет охватить не только большинство районов города, но и все регионы России. У этого метода есть как преимущества по охвату, так и недостатки, связанные

с отсутствием возможности контроля над состоянием банкоматов.

Авторами проведена оценка внешней маркетинговой среды (PEST-анализ), где в качестве экспертов выступали сотрудники банка. По результатам исследования были выделены факторы, которые в наибольшей степени влияют на показатели организации:

- санкции;
- разрушение международных связей;
- будущее и текущее законодательство, регулирующие правила работы в отрасли;
- нестабильность курса валют;
- доступ к финансовым ресурсам;
- инфляция.

Для оценки внутренних и внешних факторов проведен SWOT-анализ, на основе которого выявлены:

1. Сильные стороны: большой ипотечный портфель и высококвалифицированный персонал.

2. Слабые стороны: отсутствие брокерских и индивидуальных инвестиционных счетов, малое количество депозитов для физических лиц.

3. Угрозы, характерные для всех финансовых организаций в современных условиях: нестабильное экономическое положение, риск изменения процентных ставок, рост безработицы, структурный дефицит ликвидности, увеличение резервных требований. Однако есть и угрозы, напрямую связанные с продуктами банка. АО «Банк ДОМ.РФ» специализируется на ипотечном кредитовании, следовательно уменьшение количества программ такого характера с государственной поддержкой приведет к сокращению объема выдаваемых кредитов и ипотечного портфеля. Так как данный вид кредитования вносит значительный вклад в структуру активов, генерирующих доход, то снижение портфеля приведет к снижению дохода банка. Концентрация же активов банка в одном секторе – строительном – ведет к увеличению риска и прямой зависимости банка от ситуации на рынке недвижимости. Стоит отметить, что Банк ДОМ.РФ находится в большей зависимости от рынка первичного жилья, т.к. активы банка в значительной степени состоят из проектного финансирования и кредитования застройщиков, ипотек с использованием эскроу-счетов.

4. Возможности банка связаны с увеличением доли рынка за счет реализации новых банковских продуктов. Кроме того, он имеет высокий рейтинг надежности от ведущих рейтинговых агентств.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в АО «Банк ДОМ.РФ» совершенствуется процесс оказания дистанционных услуг, уделяется

внимание социально-профессиональному развитию путем реализации бесплатных программ на сайте. Однако продуктовый портфель банка имеет неоднородную структуру: больше всего позиций занимают программы ипотечных займов и кредитования, что уменьшает банковскую ликвидность. К тому же не в полной мере используются способы продвижения, что негативно отражается на рыночной доле.

Заключение

В современных условиях необходимость использования банковского маркетинга существенно возрастает. Геополитические риски последних лет, которые затронули не только банковскую систему, но и потребителей банковских услуг, вынуждают бороться за рыночные позиции. Банкам необходимо адаптироваться к существующим условиям и использовать новые перспективные направления в своей деятельности, в том числе и банковский маркетинг. Его актуальными направлениями являются:

- цифровой маркетинг,
- организация процесса контент-маркетинга,
- брендформанс,
- налаживание новых каналов продаж через социальные сети,
- использование цифровых технологий, которые помогают банкам приблизиться к клиентам, качественнее и быстрее удовлетворять их потребности.

Комплексное использование банковского маркетинга, в частности модели 7P, позволяет охарактеризовать положение банка на рынке и выработать управленческие решения. Анализ практики 2022–2023 гг. показывает, что банки очень чутко реагируют на управленческие решения ЦБ РФ и правительства, но оставляют за собой возможность маневрирования, используя инструменты банковского маркетинга.

Новизна и практическая значимость проведенного исследования заключаются в обобщении практики банковского маркетинга и выявлении направлений его развития в современных реалиях. Данная работа может быть использована для дальнейшего исследования направлений банковского маркетинга конкретными банками.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Садыкова А. И., Орлова Д. О. Актуальные проблемы банковского сектора России. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2022. № 4. С. 37–41. [Sadykova A. I., Orlova D. O. Actual problems of the Russian banking sector. *Innovative economy*, 2022, (4): 37–41. (In Russ.)] https://doi.org/10.47576/2411-9520_2022_4_37
2. Урсова А. Б., Салпагарова М. Х. Банковский маркетинг: понятие, цели и задачи. *Экономика и социум*. 2021. № 10. С. 1102–1107. [Urusova A. B., Salpagarova M. H. Banking marketing: Concept, goals and objectives. *Ekonomika i sotsium*, 2018, (10): 1102–1107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bxfffh>
3. Шаврина О. В., Майкова Е. Н. Понятие банковского маркетинга. *Форум молодых ученых*. 2019. № 10. С. 579–581. [Shavrina O. V., Maykova E. N. The concept of bank marketing. *Forum molodykh uchenykh*, 2019, (10): 579–581. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wozwpc>
4. Эуман Н. И. К. Типы и особенности маркетинга банковских услуг. *Экономика и социум*. 2021. № 4-2. С. 793–795. [Ehومان N. I. Ch. Types and features of banking service marketing. *Ekonomika i sotsium*, 2021, (4-2): 793–795. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzdgzr>
5. Карпова С. В. Маркетинг: теория и практика. М.: Юрайт, 2023. 383 с. [Karpova S. V. *Marketing: Theory and practice*. Moscow: Iurait, 2023, 383. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ljxhnf>
6. Юнусов А. Р., Малаев Р. А., Садуева М. А. Маркетинговые аспекты в банковской деятельности. *Журнал прикладных исследований*. 2022. Т. 4. № 8. С. 373–376. [Yunusov A. R., Malaev R. A., Sadueva M. A. Marketing aspects in banking. *Journal of applied research*, 2022, 4(8): 373–376. (In Russ.)] https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_8_4_373

7. Соловейчик И. А. Маркетинговые инновации как средство совершенствования банковских услуг. *Экономический вектор*. 2021. № 2. С. 111–117. [Soloveichik I. A. Marketing innovations as a means of improving banking services. *Economic vector*, 2021, (2): 111–117. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36807/2411-7269-2021-2-25-111-117>
8. Исмаилов В. А., Гаджиева Н. А., Алиев М. О. Инновации банковского маркетинга расширяют потребительский рынок. *Наука и реальность*. 2020. № 3. С. 90–93. [Ismailov V. A., Gadzhieva N. A., Aliev M. O. Innovations in bank marketing expand the consumer market. *Science & Reality*, 2020, (3): 90–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bmclbw>
9. Косенькова Е. В. Анализ конкурентоспособности банка на рынке финансовых услуг. *Вестник науки и образования*. 2022. № 6-2. С. 38–39. [Kosenkova E. V. Analysis of the bank's competitiveness in the market of financial services. *Vestnik nauki i obrazovaniia*, 2022, (6-2): 38–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rsoanv>
10. Hida E. *Global risk management survey*. 10th ed. New York: Deloitte's financial services industry practice, 2017. URL: <https://conventuslaw.com/report/global-risk-management-survey-10th-edition/> (accessed 13 Dec 2023).
11. Лукичева Т. А. Маркетинг. М.: Юрайт, 2022. 370 с. [Lukicheva T. A. *Marketing*. Moscow: Iurait, 2022, 370. (In Russ.)]
12. Любимова Е. А. Интернет-банкинг и мобильный банкинг: проблемы и перспективы развития. *Финансовые рынки и банки*. 2022. № 2. С. 46–51. [Lyubimova E. A. Internet banking and mobile banking: Problems and development prospects. *Financial markets and banks magazine*, 2022, (2): 46–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fmaksu>
13. Урусова А. Б., Бемурзова А. Р. Глобальные тенденции, формирующие современный банковский маркетинг. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2021. № 33. С. 203–205. [Urusova A. B., Bemurzova A. R. Global trends shaping modern bank marketing. *Natural-Humanitarian Studies*, 2021, (33): 203–205. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-10856>
14. Валиев Э. Н., Вейсов Э. Н. Банковский маркетинг: особенности, новые тенденции и перспективы. *Экономика и управление*. 2019. № 7. С. 83–88. [Valiev E. N., Veysov E. N. Bank marketing: Features, new trends, and prospects. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, (7): 83–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2019-7-83-88>
15. Кереева Д. З. Анализ продвижения финансовых услуг на примере банковского сектора. *Прикладные экономические исследования*. 2023. № 3. С. 102–109. [Kereeva D. Z. Analysis of the promotion of financial services on the example of the banking sector. *Prikladnye ekonomicheskie issledovaniia*, 2023, (3): 102–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bcjrxxv>
16. Слаутина Э. Д. Тенденции на рынке банковского маркетинга. *Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей: симпозиум XVIII (L) Междунар. науч. конф. (Кемерово, 25–26 апреля 2023 г.)* Кемерово: КемГУ, 2023. Вып. 24. С. 437–439. [Slautina E. D. Trends in the bank marketing market. *Education, science and innovation: Contribution of young researchers: Proc. Symposium of the XVIII (L) Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 25–26 Apr 2023*. Kemerovo: KemSU, 2023, iss. 24, 437–439. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vslnlw>
17. Соловьева Н. Е., Стрижакова А. А., Солодилов Д. Г., Кузнецов В. В. Цифровой маркетинг как механизм усиления конкурентных позиций банков на рынке банковских услуг. *Индустриальная экономика*. 2023. № 2. С. 8–13. [Solovieva N. E., Strizhakova A. A., Solodilov D. G., Kuznetsov V. V. Digital marketing as a mechanism for strengthening the competitive position of banks in the banking services market. *Industrialnaia ekonomika*, 2023, (2): 8–13. (In Russ.)] https://doi.org/10.47576/2949-1886_2023_2_8
18. Федорова Е. В. Недобросовестная конкуренция на рынке финансовых услуг: актуальные вопросы правоприменения. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2019. № 3. С. 58–63. [Fedorova E. V. Unfair competition in the financial services market: Topical issues of law enforcement. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki*, 2019, (3): 58–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozvfof>
19. Суров К. Д. Реклама банковских продуктов и услуг. *Вестник науки*. 2023. № 6. С. 184–199. [Surov K. D. Advertising of banking products and services. *Vestnik nauki*, 2023, (6): 184–199. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsthhz>
20. Гребенников Н. Э. Регулирование банком России ликвидности банковского сектора в условиях санкционных ограничений. *Финансовые рынки и банки*. 2023. № 5. С. 15–18. [Grebennikov N. E. Regulation by the bank of Russia of the liquidity of the banking sector under sanctions restrictions. *Financial markets and banks magazine*, 2023, (5): 15–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hkztlm>

21. Гринько О. Организация процессов контент-маркетинга. *Наука и инновации*. 2020. № 2. С. 64–69. [Grinko O. Organization of content marketing processes. *Nauka i innovatsii*, 2020, (2): 64–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2020-2-64-69>
22. Majerova J., Cizku A., Gajanova L., Nadanyiova M. The theory of generational stratification in the context of brand marketing communication strategy. *Intellectual economics*, 2022, (16): 76–94. <https://doi.org/10.13165/IE-22-16-2-05>
23. Розанова Т. П., Шубенкова А. Ю. Современные тенденции развития теории и практики маркетинга. *Экономические науки*. 2009. № 50. С. 273–280. [Rozanova T. P., Shubenkova A. Yu. Current trends in the development of marketing theory and practice. *Ekonomicheskie nauki*, 2009, (50): 273–280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvexjp>
24. Литвинова С. А., Дмитриева В. Д. Эволюция программных инструментов в сфере ипотечного жилищного кредитования. *Вестник Ростовского государственного экономического университета*. 2022. № 1. С. 147–151. [Litvinova S. A., Dmitrieva V. D. Evolution of governmental tools in housing mortgage lending. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2022, (1): 147–151. (In Russ.)] <https://doi.org/10.54220/vrsue.1991-0533.2022.66.44.017>
25. Стыцюк Р. Ю. Особенности использования модели комплекса маркетинга «7Р» финансовыми компаниями в условиях цифровизации. *Этап: экономическая теория, анализ, практика*. 2020. № 4. С. 132–140. [Stytsiuk R. Yu. Features of using the "7P" complex marketing model by financial companies in the conditions of digitalization. *Etap: Ekonomicheskaia teoriia, analiz, praktika*, 2020, (4): 132–140. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2020-10039>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qfiwri>

Технологии развития человеческого капитала в качестве ресурсной базы промышленного развития

Котов Евгений Юрьевич

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ,
Россия, Москва<https://orcid.org/0009-0007-2314-2916>e.kotovv@yandex.ru

Силенко Аркадий Николаевич

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 2232-2214

<https://orcid.org/0009-0008-8822-8769>

Аннотация: Существует множество факторов неопределенности, влияющих на развитие человеческого капитала: финансовые кризисы, экономический государственный строй, уровень образования среди населения, геополитические конфликты и конкуренция. Цель – обосновать необходимость создания инструментов повышения эффективности человеческого капитала на промышленных предприятиях и определить направления деятельности компаний, обеспечивающие повышение устойчивости организационных систем. В работе использованы методы анализа теоретических источников, синтез и систематизация. Научная новизна исследования состоит в анализе, направленном на выявление особенностей построения корпоративной культуры как на небольших предприятиях, так и в крупных корпорациях с учетом минимальных и максимальных инвестиций, влияющих на ход процессов повышения качества человеческого капитала, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию мер корпоративной политики. Авторами проанализированы зарекомендовавшие себя методологии повышения эффективности персонала на предприятиях. Изучены история появления запроса на рост эффективности рабочего труда, влияние искусственного интеллекта и машинного обучения на автоматизацию деятельности сотрудников, неформальные связи и их необходимость в построении устойчивой культуры организации, рассматривающей текущие запросы российского бизнеса на повышение производительности. Сделан вывод, что российские компании сталкиваются с общемировыми вызовами, такими как повышение автоматизации задач, удержание опытных сотрудников и их обучение. Работодатели вынуждены снижать риски оттока кадров с помощью инвестиций во внутренние процессы корпораций.

Ключевые слова: человеческий капитал, ресурсное обеспечение, промышленное развитие, кадровый резерв, эффективность сотрудников

Цитирование: Котов Е. Ю., Силенко А. Н. Технологии развития человеческого капитала в качестве ресурсной базы промышленного развития. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 253–262. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-253-262>

Поступила в редакцию 22.01.2024. Принята после рецензирования 29.03.2024. Принята в печать 01.04.2024.

full article

Human Capital Development Technologies as Resource Base for Industrial Development

Evgeny Yu. Kotov

National Research Nuclear University MEPhI, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0009-0007-2314-2916>e.kotovv@yandex.ru

Arkady N. Silenko

National Research Nuclear University MEPhI, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 2232-2214

<https://orcid.org/0009-0008-8822-8769>

Abstract: Human capital depends on many variables, e.g., financial crises, state economy, education, geopolitical conflicts, competition, etc. The article introduces various tools that could increase the efficiency of human capital in industrial enterprises, as well as determines corporate activities that increase organizational stability. The author used standard research methods to identify the features of corporate culture in small businesses and big corporations. The analysis relied on the minimal and maximal investments that improve the quality of human capital. It resulted

in a set of recommendations for improving corporate policy. The review part covered the best practices for improving the personnel management efficiency. The article describes the early personnel improvement projects, the impact of artificial intelligence and machine learning on the automation of employee activities, the informal connections in sustainable corporate culture, the current demands of Russian business for better performance, etc. Russian companies are facing global challenges, e.g., increasing their automation while retaining and retraining experienced employees. Employers have to reduce the risks of staff outflow by investing in the internal corporate processes.

Keywords: human capital, resource endowment, industrial development, talent pool, employee efficiency

Citation: Kotov E. Yu., Silenko A. N. Human Capital Development Technologies as Resource Base for Industrial Development. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 253–262. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-253-262>

Received 22 Jan 2024. Accepted after review 29 Mar 2024. Accepted for publication 1 Apr 2024.

Введение

Повышение производительности и качества продукции или услуг в больших корпорациях путем внедрения технологий, направленных на развитие человеческого капитала и улучшение эффективности в рамках специфических областей, может привести к повышению качества и количества выполненных работ. Увеличение производительности сотрудников олицетворяет собой сложную задачу, требующую баланса между их высокой загруженностью и мотивацией, характерную для молодых компаний, в которых специалисты готовы работать долго с низкой оплатой. Для увеличения эффективности труда можно использовать как материальные, так и нематериальные методы, и важно соблюдать равновесие между ними. Недавно экономисты определили, что существуют технологии специального и общего назначения, которые различаются между собой по степени воздействия на производство и общество. Исследование охватывает разнообразные подходы к внедрению подобных технологий в деятельность корпораций с целью повышения производительности персонала и снижения издержек на него. В статье также анализируются возможные проблемы и ограничения, связанные с применением технологий управления в корпоративной среде.

Основной целью является разработка рекомендаций по увеличению эффективности труда в крупных корпорациях с помощью использования современных моделей и алгоритмов. В контексте материальных факторов исследуются методы оптимизации планирования, распределения задач и ресурсов с использованием данных и технологий машинного обучения. Что касается нематериальных аспектов, то в работе рассмотрены способы повышения мотивации, вовлеченности и благополучия сотрудников с помощью геймификации, социальных сетей и цифровых инструментов.

Результаты

Экономисты выявили два типа технологий развития человеческого капитала – общего характера и научного. Первые имеют глобальное влияние на мировую экономику и способствуют повышению производительности повсеместно. К ним относятся паровые машины, телекоммуникации и персональные компьютеры. Вторые несут местный характер и могут увеличить эффективность в определенных областях, например сюда определены методология «Шесть Сигм» или модели управления неформальными связями. «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» НИУ «ВШЭ» выделил семь факторов, за счет которых можно определить тип технологии: наличие технологии в различных секторах, динамизм развития и проникновения, взаимодополняемость с существующими процессами, влияние на рост экономики, премия за мастерство, отсутствие заменителей и число совпадений [1].

Лидеры компаний часто считают эффективность и производительность синонимами. Тем не менее в контексте корпоративной стратегии эти два понятия имеют существенные различия. В то время как многие организации стремятся к росту, высшие руководители должны внедрить концепцию производительности и преодолеть внутренние барьеры, мешающие достижению высокой рабочей эффективности. Такой подход сильно отличается от традиционного уделения внимания эффективности, которое было важным в управленческом мышлении последние три десятилетия, но он становится обязательным, если компании стремятся к стимулированию инноваций и восстановлению прибыльного роста.

Эффективность труда определяется как количество часов труда, необходимых для выполнения определенной задачи, в сравнении с отраслевым

стандартом¹. Обычный способ измерения эффективности труда – сопоставление фактически затраченного времени на производство продукта или услуги с нормативом для данной сферы²:

$$\text{Производительность труда} = \frac{\text{Объем выпускаемых товаров или услуг}}{\text{Количество затраченных часов труда}}$$

Суть эффективности заключается в способности выполнять задачи с минимальными затратами. В большинстве случаев компании стремятся повысить эффективность труда, находя способы сократить количество часов, необходимых для производства того же объема продукции. Это может привести к экономии и уменьшению числа работников, т.к. компания тратит меньше средств на оплату труда и другие затраты, связанные с трудовой деятельностью. Таким образом, эффективность сводится к снижению расходов (числа работников, рабочих часов) с целью увеличения прибыли.

На первый взгляд определение производительности труда может показаться схожим с понятием эффективности. Общепринятым определением производительности труда является *соотношение объема производства товаров и услуг к количеству часов труда, затраченных на производство этого объема*. Она обычно измеряется путем сравнения количества произведенных товаров и услуг с затратами на производство.

Производительность труда заключается в увеличении производства при сохранении тех же затрат. Рост производительности труда определяется изменением выработки на один трудовой час в определенный период времени. Для страны производительность труда тесно связана с уровнем жизни, а для компании напрямую соотносится с ней. Ее повышение позволяет предприятию производить больше товаров и услуг с тем же количеством труда. В отличие от эффективности, производительность труда предполагает увеличение числителя – объема выпуска продукции – с тем, чтобы обеспечить более высокий доход при сохранении числа работников на прежнем уровне.

На протяжении последних трех десятилетий высшие руководители компаний часто придерживались подхода, ориентированного на эффективность. Методы, такие как *шесть сигм* [2], реинжиниринг процессов и анализ структуры, их сложностей,

помогли руководителям выявить ненужные затраты в деятельности, сократив трудозатраты (или затраты на материалы), необходимые для производства одного и того же объема продукции, однако они несли научный характер технологии. В условиях отсутствия роста прибыли часто осуществлялось сокращение численности сотрудников. *General Electric, Honeywell, HP* и многие другие компании продемонстрировали свои программы повышения эффективности и их положительные результаты [3].

Условия бизнеса, существующие сегодня, требуют пересмотра подхода. Преимущества, получаемые от увеличения эффективности, постепенно снижаются. В 1990–2000-е гг. акцент на эффективности приносил хорошие результаты. Рост прибыли в индексе S&P 500 в тот период почти в три раза превосходил уровень инфляции, даже несмотря на небольшой рост объемов производства. Однако начиная с квартала, завершившегося 31 марта 2015 г., прибыль S&P 500 начала снижаться, и с тех пор она остается отрицательной [4]. В условиях отсутствия роста дохода компаниями были предприняты попытки сократить расходы путем повышения эффективности, они стали эквивалентом максимального задействования ресурсов сотрудников (рис. 1³).

Но если эффективность больше не приносит таких значимых результатов, что можно сделать в отношении производительности? *Bain & Company* провела обширное исследование производительности труда и эффективности работы персонала [5]. Сотрудничая с *Economist Intelligence Unit*, они опросили более 300 высших руководителей крупных компаний

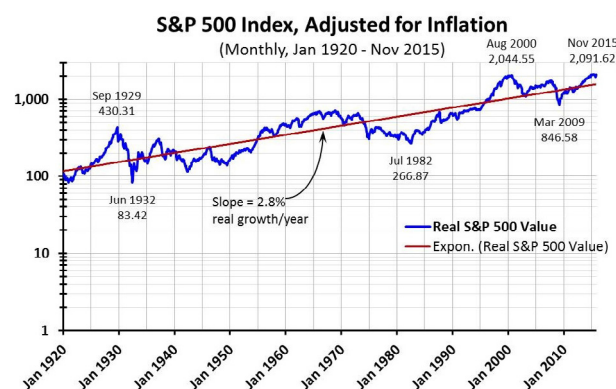

Рис. 1. Рост индекса S&P 500 с поправкой на инфляцию
Fig. 1. Growing S&P 500, inflation adjusted

¹ New KPI measures plants' overall labor effectiveness. *ReliablePlanet*. 2012. URL: <https://www.reliableplant.com/Read/6388/new-kpi-measures-plants'-overall-labor-effectiveness> (accessed 20 Jan 2023).

² Методика расчета производительности труда. Приказ Министерства экономического развития РФ № 748 от 28.12.20218. *СПС Кодекс*.

³ Investing in U.S. Stocks: An Irrefutable Table. *Randall Bolten*. 15 Dec 2015. URL: <https://www.painting-with-numbers.com/blog/investing-in-US-stocks-an-irrefutable-table> (accessed 16 Jan 2023).

по всему миру. Результаты опроса были дополнены результатами двадцати организационных аудитов, чтобы выяснить, какие шаги могут предпринять компании, чтобы раскрыть потенциал своих команд и ускорить прибыльный рост. В итоге были выявлены три ключевые идеи:

1. Большинство сотрудников стремятся быть продуктивными, но часто организация мешает им внести предложения по увеличению эффективности. Исследования показывают, что средняя компания упускает более 20 % своего потенциала продуктивности – более одного рабочего дня в неделю – из-за так называемого *организационного сопротивления*, которое вызвано структурами и процессами, отнимающими драгоценное время и препятствующими достижению целей сотрудниками [6]. Руководители, ориентированные на продуктивность, нацелены на устранение *организационного сопротивления* на всех уровнях. Они упрощают структуру компании и выстраивают операционную модель в соответствии с настоящими источниками ценностей бизнеса. Они борются с бюрократией и создают методы работы, которые позволяют сотрудникам сосредотачивать усилия на достижении результатов для клиентов и акционеров.

2. В компании существует немного выдающихся сотрудников, способных значительно повлиять на выполнение стратегии и повышение производительности, но часто их потенциал ограничивается текущими ролями. Несмотря на огромные суммы, вложенные в привлечение талантов, в результате исследования было обнаружено, что мало внимания уделяется удержанию этих ценных кадров. Лидеры, ориентированные на продуктивность, стремятся назначить своих лучших сотрудников на критически важные для бизнеса роли. Например, в розничной торговле лидеры обеспечивают занятость всех ключевых ролей в области мерчандайзинга талантливыми специалистами, что позволяет повысить производительность и эффективнее реализовывать стратегию компании [7].

3. У сотрудников есть значительный невоображаемый резерв энергии, который они могли бы вложить в работу, но многим не хватает вдохновения для этого. Практически каждый сотрудник может приносить больше пользы, чем он делает сейчас, но многие не проявляют столько инициативы и творчества, насколько они способны. Вовлеченные сотрудники вкладывают в работу больше своей энергии, и их производительность возрастает на 125 %, что отличается от показателя тех, кто просто *работает по расписанию*. Руководители, ориентированные на продуктивность, предпринимают

шаги для мобилизации неиспользованной энергии каждого сотрудника. Они стремятся согласовать цели компании с индивидуальными целями каждого работника, инвестируют в развитие лидерских качеств на всех уровнях и создают культуру, которая позволяет персоналу работать на полную мощность. Хотя это может не вдохновить каждого сотрудника, это способствует повышению уровня вовлеченности в деятельность организации и, следовательно, росту производительности труда [8].

Каждый из этих трех принципов играет важную роль в способе, которым руководители управляют ограниченностью времени, таланта и энергии своих сотрудников. Принятие менталитета, ориентированного на продуктивность, может составлять сложную задачу, но оно приносит огромные результаты. Исследования показывают, что лучшие компании более чем на 40 % продуктивнее других. Эта разница в производительности существенно влияет на операционную рентабельность, которая в таких компаниях на 30–50 % выше, чем у аналогичных компаний в отрасли (Теорема Байеса).

В следующем десятилетии для руководителей компаний станет критически важно сфокусироваться на продуктивности. Вместо постоянных усилий по сокращению расходов путем снижения численности персонала руководители должны найти способы увеличить производительность. Систематическое преодоление препятствий, мешающих повышению показателя результативности труда, стратегическое распределение талантов и максимальное вовлечение сотрудников в работу помогут руководителям значительно повысить производительность и возобновить рост деловых показателей.

За последние два десятилетия произошел существенный прогресс в области искусственного интеллекта (ИИ) и автоматизации. Что касается ИИ, то эта технология стремительно развивается, и ожидается, что она может радикально изменить мир. Эта технология представляет собой аппаратное или программное обеспечение, способное имитировать человеческий интеллект и выполнять задачи без участия человека [9]. Развитие ИИ направлено на создание систем, способных демонстрировать разумное поведение. Вместе с этим возникают опасения среди сотрудников относительно влияния автоматизации на рынок труда и изменения производительности. Тем не менее некоторые экономисты считают, что эти технологические изменения могут привести к созданию новых рабочих мест, т.к. увеличится спрос на специалистов, способных управлять и обслуживать сложные системы ИИ и автоматизации.

Например, один из наиболее распространенных алгоритмов машинного обучения *Наивный Байес* создал необходимость в постоянном улучшении с помощью поиска ключевых слов. В нем со времен появления Интернета возникла острая потребность в сотрудниках, имеющих навык поиска зависимостей в словах спам-мошенников. Байесовские алгоритмы – это семейство вероятностных классификаторов, которые используют теорему Байеса для прогнозирования влияния одного события на вероятность другого [10].

Наивный классификатор Байеса – один из первых алгоритмов машинного обучения, использовавшийся для фильтрации спама до 2010 г. Указанный метод был основан на анализе частоты встречаемости таких слов, как *срочно*, *скидка* и *бесплатно*, и автоматической сортировке писем с этими словами. Однако спамеры научились обходить *Наивный Байес*, пряча свои сообщения в большом количестве безвредного текста, и поэтому были разработаны более точные методы фильтрации (нейронные сети).

Одной из интересных тем в литературе является взаимодействие между людьми и компьютерами [11]. Исследования показывают, что социальный аспект этого взаимодействия имеет важное значение для успешной автоматизации процессов. С развитием цифровых технологий возникают потенциально значительные социальные вопросы, требующие от общества и каждого человека определенного уровня компетентности в области информационных технологий. Этические и правовые вопросы, связанные с использованием новых технологий, также становятся все более актуальными. Важно, чтобы правовые и политические решения в этой области учитывали человеческие ценности и целились в обеспечение социальной ответственности в развитии и использовании технологий.

Социальная ответственность в разработке и использовании технологий является актуальной темой. Технологии, основанные на искусственном интеллекте, уже широко внедрены в различные области, включая здравоохранение, транспорт, образование, науку, торговлю, военную сферу и обеспечение безопасности [12]. По мнению американского ученого Моше Верди, к 2045 г. машины смогут выполнять значительную часть человеческой работы [13]. Тем не менее такое быстрое технологическое развитие может сопровождаться рисками и негативными последствиями для отдельных людей, организаций и общества [14]. В последнее время ученые и представители компаний подчеркивают важность разработки этических стратегий, которые обеспечат безопасное применение передовых

технологий для автоматизации рутинных задач человека. На данный момент роботизированный ИИ ограничен в способности учета всех факторов окружающей среды и принятия обоснованных решений. Так, если пациент предоставил свои данные, пришел в больницу и сдал анализы, то робот может с большой вероятностью поставить диагноз и назначить лечение, но не способен обеспечить человеку уверенность в своем выздоровлении или выполнить медицинскую процедуру (например, укол). Роботы лишены эмпатии к пациентам и не способны учитывать человеческие эмоции. Еще в сфере производства ИИ может предлагать сокращение штата сотрудников с целью повышения эффективности и снижения затрат, однако только человек-руководитель способен реально оценить будущие последствия увольнения сотрудников. Чтобы лучше понять различие между типами интеллектуальных задач, исследователями выделено четыре категории человеческого интеллекта: механический, аналитический, интуитивный и эмпатический.

1. Механический интеллект (минимальная степень обучаемости и внедрения). Этот вид интеллекта связан со способностью выполнять рутинные и механические операции. Такие задачи легко автоматизируются с помощью машинного обучения и роботизированных систем. Примерами могут служить роботы на производстве, а также агенты контакт-центров, выполняющие стандартные операции [15].

2. Аналитический интеллект (обучение, основанное на алгоритмах, которые требуют больших данных). Представленный тип интеллекта связан со способностью обрабатывать информацию и решать задачи, требующие логических и аналитических навыков. Машинное обучение и анализ данных становятся мощными инструментами в этой области, заменяя аналитический интеллект человека в таких профессиях, как специалисты по обработке данных и финансовые аналитики [16].

3. Интуитивный интеллект (обучение, основанное на быстром понимании процессов). Этот вид интеллекта связан с творческим мышлением и способностью адаптироваться к новым ситуациям. Интуитивный интеллект часто требуется в профессиях, где необходимо принимать творческие решения и реагировать на изменяющиеся обстоятельства. Хотя ИИ уже способен выполнять множество задач, связанных с анализом и прогнозированием, он все еще развивается в направлении имитации интуитивного мышления [17].

4. Эмпатический интеллект (обучение, основанное на глубоком опыте и познании мира). Указанный вид интеллекта связан с пониманием и управлением

эмоциями других людей, а также способностью устанавливать эмоциональные связи. Эмпатический интеллект важен в межличностных и социальных взаимодействиях. Сегодня существуют усовершенствованные системы искусственного интеллекта, способные распознавать эмоции, однако для реализации такого решения в рабочую деятельность врачей, педагогов и топ-менеджмента пока далеко [18].

Сотрудникам компаний необходимо приобрести навыки, соответствующие требованиям своей отрасли, и понять, какой вид ИИ нужен компаниям для внедрения, который может заменить человеческие рабочие места. Исследования показывают, что сервисным компаниям важно обучать своих сотрудников бизнес-аналитике с упором на принятие решений и развитие аналитических навыков через оптимизацию машинного обучения на основе искусственного интеллекта. При развитии навыков аналитического принятия решений к тому же следует уделять внимание креативному мышлению, интуиции и способности к эмпатии при анализе данных [19].

Это исследование подтверждает важность динамических подходов к индивидуальному и организационному развитию. Два *динамических* подхода выявляют критические навыки сотрудников, необходимые для их успешной карьеры и развития: 1) динамическая способность, которая помогает оценить, как сотрудники адаптируются к изменяющимся и сложным задачам; 2) карьерный динамизм, который предлагает модель развития карьеры, способствующую развитию адаптивных навыков, необходимых для преодоления неопределенности в карьере. Таким образом, сервисным компаниям следует развивать адаптивные навыки, позволяющие интегрировать, укреплять и переконфигурировать как внутренние, так и внешние компетенции для эффективной адаптации к быстро меняющейся среде. Такие навыки, как карьерная устойчивость, позволяют сотрудникам быть гибкими и инициативными, проявляя независимость, желание учиться и позитивное самопонимание [20]. Карьерный динамизм подчеркивает важные качества, такие как креативность, открытость и умение строить положительные отношения, которые являются неотъемлемой частью человека и остаются недоступны роботам. Сотрудничество с университетами также может помочь компаниям организовать программы обучения специализированным навыкам: эмоциональный интеллект, креативность и коммуникация, чтобы у выпускников было понимание возможностей и проблем автоматизации.

Многие руководители вкладывают большие ресурсы в реструктуризацию компаний, изменение

организационных схем и внедрение цифровых решений, но не всегда получают ожидаемые результаты. Это происходит потому, что значительная часть работы компаний выполняется вне формальной организации. Очень часто необходимо обратить внимание на неформальную структуру – сети взаимоотношений, которые сотрудники создают между различными функциональными областями и подразделениями, чтобы эффективно выполнять задачи. Эти неформальные связи позволяют обойти официальные процедуры и увеличить производительность сотрудников, что помогает ускорить выполнение проектов и соблюсти сроки. Однако неформальные связи могут также противодействовать таким амбициозным планам компании как внедрение ИИ или автоматизация, если руководители не умеют их обнаруживать и направлять в нужное русло. Изучение структуры данных социальных связей может помочь топ-менеджерам эффективнее использовать свою власть внутри компании и перестроить организационные процессы, чтобы дать неформальным связям возможность способствовать успешному развитию предприятия [21].

Если формальную организацию можно сравнить со скелетом компании, то неформальная организация играет роль центральной нервной системы, управляющей коллективными мыслительными процессами, действиями и реакциями подразделений. Формальная организация создана для обеспечения стандартных производственных операций и решения предсказуемых задач. Однако неформальная организация становится важной, когда возникают неожиданные проблемы. Внутри нее сложные сети социальных связей формируются на основе взаимодействия между коллегами и со временем становятся устойчивыми. Данные неформальные сети обладают высокой адаптивностью и способностью обходить установленные процедуры для выполнения задач.

С использованием сетевого анализа руководители компаний могут перевести множество этих связей в карты, которые демонстрируют, как неформальная организация функционирует. Путем задавания трех ключевых вопросов руководители могут получить общее представление о структуре неформальных связей:

1. Кто в организации играет важную роль и зависит ли от них решение проблем и предоставление технической информации?
2. Кто среди сотрудников обменивается информацией, касающейся корпоративных правил, и поддерживает друг друга в кризисных ситуациях?
3. Кто из сотрудников регулярно обсуждает рабочие вопросы?

Исследования показали, что влияние центральных фигур в неформальных сетях оказывает значительное воздействие на процесс принятия решений. Однако, когда компания пытается внедрить новую систему автоматизации или изменения, не учитывая действия неформальной сети, это может вызвать сопротивление (рис. 2).

Чтобы успешно использовать неформальные связи, компании должны пересматривать свою формальную структуру. Руководителям следует принимать во внимание то, какие изменения могут повлиять на неформальные организации. Вместо того чтобы предполагать, что неформальная организация автоматически адаптируется к изменениям, руководителям следует размышлять о том, какая реорганизация позволит использовать сильные стороны ключевых игроков и способствовать их развитию. Политика компании должна обеспечивать доступ сотрудников к коллегам, помогая им быстро и эффективно выполнять задачи независимо от их статуса и области компетенции [22].

Опытные сетевые менеджеры, способные использовать карты для выявления, анализа и реорганизации неформальных сетей, будут все более востребованы, поскольку организации становятся менее иерархичными и больше ориентируются на работу в команде. Сотрудники станут тратить меньше времени на рутинные задачи и больше – на креативные процессы, где важными являются коммуникация и взаимодействие между внутренними и внешними членами команды. Руководители будут все больше ориентироваться на управление отношениями и взаимодействием между разными функциями

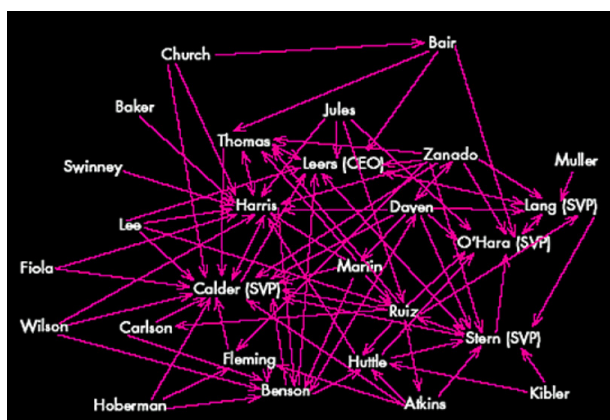

Рис. 2. Пример системы неформальных связей в страховой компании

Fig. 2. Informal communication system in an insurance company

и дисциплинами, вместо того чтобы полагаться только на свою должность. Понимание этих отношений станет ключом к успеху в управлении любой компанией.

Повышение производительности труда в российской экономике считается ключевым фактором для достижения высоких макроэкономических показателей, особенно в новых отраслях, где инфраструктура еще не развита. В период с декабря 2022 г. по январь 2023 г. консалтинговая фирма «Яков и Партнеры» совместно с крупнейшей российской платформой по поиску персонала *hh.ru* провела обширное социологическое исследование для изучения тенденций на рынке труда в 2022–2023 гг.⁴ Было выявлено, что работодателям стало сложнее находить подходящих кандидатов, что привело к увеличению сроков поиска на 1,5 раза. Кроме того, 75 % работодателей выразили готовность обучать своих сотрудников с целью повышения эффективности их труда.

Российские работодатели отмечают увеличение потребности в автоматизации труда, что непосредственно влияет на то, какие сотрудники предпочитают заниматься творческими задачами, а не рутинными, которые могут быть автоматизированы. Среди популярных методов обучения и повышения эффективности труда внутри компаний выделяется наставничество, которое помогает новым сотрудникам быстро интегрироваться в бизнес-процессы и успешно адаптироваться. В некоторых случаях работодатели полагают, что самообучение оказывается ключевым фактором, подтверждающим высокую квалификацию кандидатов. Это также доказывает предпочтение кандидатов с опытом работы перед теми, у кого есть только образование [23].

Международная консалтинговая компания *McKinsey & Company* недавно провела исследование, в котором обозначила важность удержания сотрудников для повышения мобильности организации [24]. Это достигается не только интересными и амбициозными задачами, но и развитием коммуникации и корпоративной культуры. Стратегические консультанты также отмечают, что наставничество не только улучшает производительность новых сотрудников, но и способствует удержанию опытного персонала, который может выступать в роли наставника. Работники со стажем благодаря наставничеству могут подтвердить свой уровень значимости, что способствует как их личному росту, так и укреплению бренда компании в глазах потенциальных сотрудников. Наличие сбалансированной организационной структуры

⁴ Кузнецова Е., Пантелеева И., Каторгина Л. Тренды на рынке труда. Часть 1. *Яков и партнеры*. 2023. URL: https://yakov.partners/upload/iblock/a6f/q8icvalx9kdy23ofu3r563qt9497r3w6/u_turn_in_the_labor_market.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

и сильного бренда работодателя позволяет компаниям создавать новые бизнес-направления внутри уже существующих брендов, что положительно сказывается на экономике компании, интересе со стороны инвесторов и разнообразии продуктов и услуг. В исследовании *McKinsey & Company* уже работодателями подчеркивается важность активной роли руководящего персонала в создании новых направлений бизнеса, что, в свою очередь, способствует раскрытию потенциала опытных и талантливых сотрудников, готовых воплотить свои бизнес-идеи [25].

Заключение

Исследования, касающиеся повышения эффективности работы сотрудников в крупных корпорациях, включают в себя ряд процессов, таких как внедрение новых технологий, реструктуризация бизнеса, увеличение уровня ответственности управленческого состава и стремление к использованию роботизированных систем. Одним из ключевых выводов, полученных в ходе этой работы, считается утверждение: фактор, влияющий на продуктивность работников, не ограничивается только внедрением новых технологий, как и фокусировка организаций на повышение эффективности деятельности в единицу времени не дает максимальной производительности сотрудника. Важным компонентом успешной трудовой деятельности выступает также уровень удовлетворенности сотрудников своей работой, что часто связано с неформальными связями внутри компании и корпоративной культурой.

Помимо необходимого достаточного уровня развития инфраструктуры в компании (наличия удобных мест работы, рабочего пространства, пространства для взаимодействия с коллегами, компьютерной техники др.), не менее важным являются материальные и нематериальные мероприятия, способные при создании дополнительных ступеней развития изменить производительность сотрудников в лучшую сторону, а также повысить их уровень благосостояния и статус. В части материальных факторов это могут быть как премии (ежеквартальные, полугодовые и годовые), так и возможности для горизонтального перехода внутри компании (например, сотрудник колл-центра спустя определенное время работы может стать менеджером среднего звена и развиваться интеллектуально). Важным аспектом в деятельности любой организации оказываются нематериальные факторы, влияющие на уровень компетенций, например, это может быть карьерная лестница, где специалисты с разным уровнем опыта могут чувствовать себя комфортно в иерархии,

а также корпоративные мероприятия (спортивные, творческие и др.).

Сотрудники могут быть менее эффективными с точки зрения работы, но при этом иметь значительное влияние внутри своей социальной группы и на топ-менеджмент. В поиске повышенной эффективности и увеличения прибыли руководство компании может вызвать значительные изменения в социальной динамике внутри организации. Решения, принимаемые на основе недостаточных показателей производительности, должны сопровождаться тщательным анализом не только того, как сотрудник выполнил свои основные рабочие обязанности, но и как это повлияло на его отношения с коллегами.

Для внедрения инструментов повышения производительности человеческих ресурсов необходимо выявить цель организации во временном разрезе, например, на краткосрочные (до 1 года), среднесрочные (2–3 года) и долгосрочные (3+ лет), и провести впоследствии мониторинг соответствия целей организации и рыночных условий для внедрения технологий. Следующий процесс – полномасштабная диагностика и определение потенциалов внедрения технологий повышения эффективности человеческого капитала в компании, разработка и согласование целевой организационной структуры, согласование с лицами, принимающими решение, и проведение последующей процедуры изменений. Далее в процессе полномасштабного вовлечения лидеров организации следует внедрение необходимых изменений, проведение замеров результатов и выявление наиболее эффективных инструментов для дальнейшего акцентирования на них внимания компании и при необходимости масштабирования.

В результате фокусировки на повышении производительности на единицу труда, а не только на общей эффективности, компания может достичь значительных улучшений. Помимо количественных показателей, таких как рост скорости, выпуск новых продуктов или услуг, изменение среднего чека или увеличение темпа обучения, важны качественные аспекты, такие как обучение молодых сотрудников, внедрение инноваций и воздействие на корпоративную культуру.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. Ю. Котов – концептуализация, составление методологии, проведение исследования, создание визуализации, администрирование, финансирование, написание текста. А. Н. Силенко – проверка, формальный анализ, предоставление ресурсов, курирование метаданными, руководство, финансирование, редактирование.

Contribution: E. Yu. Kotov developed the research concept and methodology, performed the research, drafted the manuscript, visualized the data, supervised the project, and obtained funding. A. N. Silenko verified the results, provided a formal analysis, found the resources, provided metadata curation, proofread the manuscript, supervised the project, and obtained funding.

Литература / References

1. Воскобойников И. Б. Технологии общего назначения, человеческий капитал и экономический рост. *Научный дайджест*. 2023. № 2. С. 1–12. [Voskoboynikov I. B. General purpose technologies, human capital, and economic growth. *Nauchnyi daidzhest*, 2023, (2): 1–12. (In Russ.)]
2. Cagnazzo L., Taticchi P. Six sigma: A literature review analysis. *8th WSEAS International Conference on E-Activities and information security and privacy*: Proc. 8th Intern. Conf., Puerto De La Cruz, 14–16 Dec 2009. Stevens Point: WSEAS, 2009, 29–34.
3. Krugman P. R. *Peddling Prosperity: Economic sense and nonsense in an age of diminished expectations*. NY: W. W. Norton & Company, 1994, 303.
4. Asem E., Alam S. A. K. M. The role of the S&P 500 index constituents in tracking the U.S. equity market. *International Journal of Economics and Finance*, 2012, 4(12). <http://dx.doi.org/10.5539/ijef.v4n12p15>
5. Mankins M. C., Garton E. *Time, talent, energy: Overcome organizational drag and unleash your team's productive power*. Brighton: Harvard Business Review Press, 2017, 240.
6. El-Taliawi O. G. Resistance to organizational change. *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance*, ed. Farazmand A. NY: Springer, 2018, 1–4. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-31816-5_3450-1
7. Mankins M. The best companies don't have more stars – they cluster them together. *Harvard Business Review*, 2017. URL: <https://hbr.org/2017/02/the-best-companies-dont-have-more-stars-they-cluster-them-together> (accessed 23 Apr 2024).
8. Riak G. A., Bill D. A. The role of employee motivation. *IJRDO – Journal of Social Science and Humanities Research*, 2022, 8(11): 40–44. <https://doi.org/10.53555/sshr.v8i11.5388>
9. Tschang F. T., Almirall E. Artificial intelligence as augmenting automation: Implications for employment. *Academy of Management Perspectives*, 2021, 35(4). <https://doi.org/10.5465/amp.2019.0062>
10. Kim S., Wang Y., Boon C. Sixty years of research in technology and human resource management: Looking back and looking forward. *Human Resource Management*, 2021, 60(1): 229–247. <http://dx.doi.org/10.1002/hrm.22049>
11. Sharples M. Human-Computer interaction. *Artificial Intelligence*, ed. Boden M. A. NY, London, Oxford, Boston, San Diego: Academic Press, 1996, 293–323. <http://dx.doi.org/10.1016/B978-012161964-0/50012-1>
12. Luxton D. D. Artificial intelligence in psychological practice: Current and future applications and implications. *Professional psychology: Research and practice*, 2014, 45(5): 332–339. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/a0034559>
13. Reeves J. Automatic for the people: The automation of communicative labor. *Communication and Critical / Cultural Studies*, 2016, 13(2): 150–165. <https://doi.org/10.1080/14791420.2015.1108450>
14. Belloni A., Berger A., Besson V., Boissier O., Bonnet G., Bourgne G., Chardel P.-A., Cotton J.-P., Evreux N., Ganascia J.-G., Jaillon P., Mermet B., Picard G., Reber B., Simon G., Swarte T., Tessier C., Vexler F., Voyer R., Zimmermann A. Dealing with ethical conflicts in autonomous agents and multi-agent systems. *29th AAAI Conference on Artificial Intelligence*: Proc. 29th AAAI Conf., Austin, 25–30 Jan 2015. Menlo Park: AAAI Press, 2015, 21–27.
15. Spring M., Faulconbridge J., Sarwar A. How information technology automates and augments processes: Insights from Artificial-Intelligence-Based systems in professional service operations. *Journal of Operations Management*, 2022, 68(6–7): 592–618. <http://dx.doi.org/10.1002/joom.1215>
16. Ponomareva N. S. Role and place of informatics in the training of future teachers of mathematics. *Journal of Physics Conference Series*, 2021, 1840(1). <http://dx.doi.org/10.1088/1742-6596/1840/1/012035>
17. Hallo L., Nguyen T. Holistic view of intuition and analysis in leadership decision-making and problem-solving. *Administrative Sciences*, 2022, 12(1). <http://dx.doi.org/10.3390/admsci12010004>

18. Debortoli S., Müller O., Brocke J. Comparing business intelligence and big data skills: A text mining study using job advertisements. *Business & Information Systems Engineering*, 2014, 6: 289–230. <http://dx.doi.org/10.1007/s12599-014-0344-2>
19. Stuer D., Vos A., Heijden B., Akkermans J. A sustainable career perspective of work ability: The importance of resources across the lifespan. *International journal of environmental research and public health*, 2019, 16(14). <https://doi.org/10.3390/ijerph16142572>
20. Pyöriä P. Informal organizational culture: The foundation of knowledge workers' performance. *Journal Knowledge Management*, 2007, 11(3): 16–30. <http://dx.doi.org/10.1108/13673270710752081>
21. Moldovan O., Macarie F. C. How to change the informal side? A comparative analysis of organizational culture transformation models. *Managerial Challenges of Contemporary Society*, 2014, 7(2): 40–45.
22. Van Kleef G. A., Côté S. The social effects of emotions. *Annual Review of Psychology*, 2022, 73: 629–658. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-020821-010855>
23. Krackhardt D., Hanson J. R. Informal networks: The company behind the chart. *Harvard Business Review*, 1993, 71(4): 104–111.
24. Banerjee I., Chandra A., Pant J., Sharma S. Employee experience still matters: Talent retention at GCCs. *McKinsey Digital*, 2023. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/employee-experience-still-matters-talent-retention-at-gccs> (accessed 23 Apr 2024).
25. Garibaldi M., Husain A., Madner S., Nathan A. Attracting and retaining tech talent to sustain mobility's growth. *McKinsey & Company*, 2023. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/automotive-and-assembly/our-insights/attracting-and-retaining-tech-talent-to-sustain-mobilitys-growth#/> (accessed 23 Apr 2024).

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/kujful>

Суперсервис: понятие, значение, методы построения моделей

Нерослов Алексей Дмитриевич

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, Пермь

eLibrary Author SPIN: 7335-7112

<https://orcid.org/0000-0002-8870-1607>

Кузнецова Полина Юрьевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, Пермь

eLibrary Author SPIN: 1949-7352

pkuznecova@list.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению механизма предоставления государственных и муниципальных услуг под названием *Суперсервис* (жизненная ситуация) и рассмотрению его места в российской системе предоставления государственных и муниципальных услуг. Предмет – использование клиентоцентричной системы предоставления услуг в России. Цель – разработать направления оптимизации методов предоставления государственных и муниципальных услуг по жизненным ситуациям. Для формирования основ применения модели предоставления услуг был использован метод моделирования. В работе проанализированы существующие теоретические подходы к определению понятия *Суперсервис* (жизненная ситуация) и произведен нормативный анализ основ реализации его механизма. В результате работы обнаружено отсутствие единства подходов к пониманию этого термина как на теоретическом, так и на правовом уровнях. Как следствие, нами выработано определение понятия *жизненная ситуация*. При анализе методов применения концепции *жизненных ситуаций* на Едином портале государственных и муниципальных услуг и сайтах многофункциональных центров субъектов Российской Федерации было выявлено недостаточное использование потенциала суперсервисов в части ограниченного количества жизненных ситуаций. Исходя из этого, разработаны методические рекомендации для сотрудников многофункциональных центров по внедрению алгоритмических моделей использования суперсервисов на основе персонализированного подхода к потребностям услугополучателей государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: суперсервис, жизненная ситуация, услуги, государственные и муниципальные услуги, предоставление услуг, МФЦ, ЕПГУ

Цитирование: Нерослов А. Д., Кузнецова П. Ю. Суперсервис: понятие, значение, методы построения моделей. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 263–272. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-263-272>

Поступила в редакцию 12.10.2023. Принята после рецензирования 15.04.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Superservice: Concept, Content, and Modeling

Aleksi D. Neroslov

Perm National Research Polytechnic University, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 7335-7112

<https://orcid.org/0000-0002-8870-1607>

Polina Yu. Kuznetsova

Perm National Research Polytechnic University, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 1949-7352

pkuznecova@list.ru

Abstract: *Superservice* provides state and municipal services to citizens depending on particular circumstances defined as life situations. This client-oriented service delivery system is an important part of the current Russian system of state and municipal services. The authors developed ways to optimize methods for providing state and municipal services in different life scenarios. They used the modeling method to conceptualize the basic principles of *Superservice* and analyze their legal foundations. Considering the theoretical and legal discrepancies, the authors developed their own definition of *life situation*. The analysis of the Public Services Portal of the Russian Federation (EPGU) and regional websites of Multifunctional Public Service Centers revealed a poor use *Superservice's* potential because the number of life scenarios appeared to be rather limited. The article contains some algorithms that employees of Multifunctional Public Service Centers could use to exercise a personalized approach to service recipients.

Keywords: superservice, life situation, services, state and municipal services, provision of services, Multifunctional Public Service Centers, Public Services Portal of the Russian Federation

Citation: Neroslov A. D., Kuznetsova P. Yu. *Superservice: Concept, Content, and Modeling. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 263–272. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-263-272>

Received 12 Oct 2023. Accepted after review 15 Apr 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

Актуальность темы определяется значимостью повышения качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг как важнейшего показателя уровня жизни населения. Современная ситуация в данной сфере характеризуется рядом тенденций: список государственных и муниципальных услуг постоянно пополняется; идет активная интеграция цифровых технологий в систему предоставления услуг; увеличивается список услуг, которые можно получить в электронной форме.

Цель статьи – разработать направления оптимизации методов предоставления государственных и муниципальных услуг по жизненным ситуациям.

Исследование проведено с использованием метода моделирования. *Суперсервис* рассматривается как комплексный институт получения услуг, который предоставляет возможность моделировать различные сценарии получения услуг в зависимости от конкретной жизненной ситуации и от субъективных характеристик услугополучателей. В работе применены и другие методы исследования: анализ нормативных правовых актов, метод описания, дедукции и индукции и т.д., позволяющие охарактеризовать нормативное обеспечение реализации механизма *Суперсервис*, проанализировать организацию системы.

Степень проработанности концепции определяется ее новизной и наличием нормативной базы. На данный момент нет единого понимания термина *Суперсервис* (или *Жизненная ситуация*), также нет толкования процесса развития данного механизма и методологических рекомендаций по использованию всего его потенциала. Большинство исследователей связывают повышение эффективности предоставления государственных услуг с цифровизацией, в том числе с внедрением суперсервисов. Так, ученые исследовали:

- внедрение информационных технологий в сферу предоставления услуг в зарубежных странах [1];
- цифровую трансформацию государственных услуг в зарубежных странах [2];

- перспективы развития системы государственных услуг в условиях цифровой трансформации в РФ [3–5];
- цифровизацию государственных услуг в региональном аспекте [6–8];
- цифровизацию услуг в контексте реализации общественных благ [9];
- цифровизацию услуг как направление повышения эффективности государственного управления [10–19];
- изменение процесса предоставления экономических услуг в условиях цифровой трансформации [20];
- цифровизацию государственных услуг в социальной сфере [21];
- проблемы цифровизации проектного управления в РФ [22].

Отдельно следует выделить ряд работ, посвященных анализу внедрения суперсервиса как самостоятельного направления совершенствования системы государственных услуг:

- в работе [23] суперсервис рассматривается только в контексте цифровизации государственных услуг, как механизм их предоставления в электронной форме;
- в трудах [24–26] цифровизацию услуг изучают через реализацию суперсервисов как системы платформенных решений;
- в исследовании [28] анализируются перспективы развития суперсервисов как технологий повышения доступности государственных услуг через технологии электронного правительства.

Помимо этого, группа ученых разработала математическую модель суперсервисов (предоставление услуг по жизненным ситуациям), которая предусматривала интеграцию автономных баз данных [28]. Суперсервисы рассматривали и как механизм реализации потребностей и ожиданий граждан [29], что соответствует клиентоцентричной модели предоставления услуг.

Таким образом, проблемы повышения качества государственных услуг в научной литературе рассматриваются прежде всего через внедрение процессов

цифровой трансформации и перевод услуг в электронную форму, реализацию посредством суперсервисов (жизненных ситуаций). Однако их механизм имеет значительно больший потенциал, поскольку предусматривает предоставление услуг персонализированно через индивидуализацию потребностей граждан.

Результаты

Первое упоминание понятия *Суперсервис* произошло на Едином портале государственных и муниципальных услуг¹ (ЕПГУ) в 2016 г., но тогда систему называли *Жизненная ситуация*. Ее идея заключалась в оптимизации предоставления услуг с целью сокращения нагрузки на информационную составляющую. Каждая страница определенного раздела была посвящена конкретной ситуации и содержала в себе следующие элементы:

1. Пошаговая инструкция с пояснением (что делать и куда обращаться при возникновении определенных обстоятельств) и информация о необходимых документах для решения проблемы.

2. Раздел с советами и ответами на вопросы.

3. Отсылочные нормы на законодательство и иные ресурсы.

Уже в 2016 г. были выявлены проблемы в системе предоставления услуг, т. к. ее первая итерация была спорной и включала много неточностей. Для реализации комплексных услуг было необходимо хорошее межведомственное электронное взаимодействие² между всеми звеньями в цепочке предоставления услуги. Состоялась попытка внедрить эту концепцию, уже частично реализованную в других странах (таких как США или Австралия), однако подавляющее большинство граждан не знало названия услуг, которые им были необходимы, имея представление лишь о конечном результате. Хоть первая версия системы и была нацелена на получение информации по услугам, связанным с жизненными ситуациями, но не было закрепленного определения этой системы, что не дало качественного результата.

В настоящее время нормативное регулирование этой сферы регламентировано определенными

документами³. Также реализуется национальный проект «Цифровая экономика», в котором есть подпрограмма «Цифровое государственное управление». В документах встречается два разных понятия: *Суперсервис* и *Жизненная ситуация*, но ни одно из них не раскрывается полностью. Эта система предоставления услуг зародилась в западных странах и носила название *Суперсервис*, а уже ее интерпретация на русский язык дала понятие *Жизненная ситуация*. Это, несомненно, было более понятно для российского потребителя услуг. Но в мировой практике эту систему называют именно *Суперсервис*. В нашем же законодательстве упоминаются оба варианта.

В распоряжении Правительства РФ № 837-р определена необходимость группировки услуг по *жизненным ситуациям*⁴. Указ Президента РФ № 203⁵ установил лишь общие направления развития страны в связи с быстро растущим темпом цифровизации и внедрения различных технологий.

В соответствии с национальным проектом «Цифровое государственное управление» и указом Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.»⁶ в качестве одной из задач является перевод 95 % социально значимых услуг в электронную форму. Для реализации этой задачи было описано семь различных суперсервисов, связанных с поступлением в вуз, предоставлением мер социальной поддержки и т. д. Все эти жизненные ситуации являются социально значимыми массовыми комплексными услугами, которые оказываются населению. Вместе с тем отсутствует объяснение системы *Суперсервис* и особенностей ее функционирования.

Таким образом, на данный момент в законодательстве нет точного и полного определения понятий *Жизненная ситуация* и *Суперсервис*, что серьезно осложняет деятельность в этой сфере.

Информационная поддержка предоставления услуг по жизненным ситуациям осуществляется посредством двух видов порталов: ЕПГУ и официальные сайты многофункциональных центров (МФЦ). При этом региональным МФЦ предоставлены

¹ Официальный интернет-портал государственных услуг. URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 28.05.2023).

² Система межведомственного электронного взаимодействия. URL: <https://smev.gosuslugi.ru/portal/> (дата обращения: 28.05.2023).

³ Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг в РФ. Ф3 № 210-ФЗ от 27.07.2010 (в ред. от 25.12.2023); О Концепции перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг без необходимости личного присутствия граждан. Утв. распоряжением Правительства РФ № 837-р от 11.04.2022 (ред. от 24.10.2022); О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. Указ Президента РФ № 203 от 09.05.2017. СПС КонсультантПлюс.

⁴ О Концепции перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю...

⁵ О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. ...

⁶ О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. Указ Президента РФ № 474 от 21.02.2020. СПС КонсультантПлюс.

самостоятельные возможности применения разных подходов к использованию этого сервиса. *Жизненная ситуация* только начинает внедряться в российскую систему, эти разделы появляются на сайтах МФЦ и ЕПГУ. Однако следует отметить отсутствие системного подхода к построению данной модели предоставления услуг.

Прежде всего, необходимо сформулировать определение понятий *Суперсервис* и *Жизненная ситуация*. Нужно создать четкий план развития этой системы в сфере оказания услуг населению. Запуск новых систем всегда несет потенциальные риски:

1. Финансовые, относящиеся к попытке интегрировать неготовую систему в уже работающий механизм предоставления услуг. Неготовность заключается в неразвитой нормативной основе, отсутствии четкого плана и стратегии организации функционирования системы и, как следствие, необоснованных финансовых затратах.

2. Идеологические, связанные с информированием населения об особенностях, возможностях этой системы.

3. Временные, исходящие от того, что приходится изменять систему предоставления услуг под новые стандарты их предоставления и увязывать новую идеологию оказания услуг со старой концепцией. На эту отладку уходит большое количество времени, а стремительное изменение условий не позволяет медлить.

4. Имиджевые, возникающие при корректировке системы или с изменением способа взаимодействия с людьми. Имидж фактически означает доверие людей к структуре или бренду. Мнение людей может резко меняться, поэтому нужно умело контролировать фактор этого риска. Он может проявляться при переходе от старой системы к новой. Если этот переход будет успешен, то риск снизится, но если переход не состоится, это выльется в большие репутационные или имиджевые издержки. При провальной попытке перехода теряется доверие людей, которое крайне сложно получить, и имидж приходится восстанавливать годами. Этот риск обусловлен эластичностью общественного мнения относительно изменений: чем больше изменения, тем меньше эластичность; чем меньше изменения, тем больше эластичность.

Поскольку нормативная база не урегулировала вопрос относительно понятия *Жизненная ситуация*, то необходимо отталкиваться от научного и практического пониманий этой системы. За основу мы возьмем толкование сервиса как *Жизненная ситуация* из-за более легкой адаптации услугополучателя к нему. На наш взгляд, *Жизненная ситуация* – это система предоставления комплексных государственных

и муниципальных или иных услуг населению и бизнесу, которая представляет неразрывно связанную цепочку необходимых услуг по конкретной сложившейся ситуации и реализуется на базе многофункционального центра или в иных местах в соответствии с конкретным набором услуг. Система направлена на оптимизацию запросов в органы, предоставляющие услуги, и сокращение времени оказания услуг для населения и бизнеса.

Концепция жизненной ситуации предполагает, что у человека возникают определенные жизненные обстоятельства, в связи с которыми ему необходимо получить ряд государственных и муниципальных или иных услуг, но фактическая реализация не в полной мере раскрывает возможности этой системы. Сейчас сервис представляет собой хаотично связанные услуги по тематике жизненной ситуации, которые расположены в отдельных вкладках ЕПГУ. Такой подход не позволяет использовать весь потенциал системы. Собрать все услуги, которые будут необходимы человеку в его конкретном случае, не представляется возможным по причине вариативности и хаотичности обстоятельств заявителя. Можно оптимизировать базовые и повторяющиеся наборы услуг по типу *поступление в школу; поступление в высшее учебное заведение; выход на пенсию*. Но это лишь часть заложенного потенциала системы. Недостаточно собрать в одном месте набор услуг, нужно еще учитывать нестабильность жизненных ситуаций. Каждый заявитель демонстрирует определенный набор качеств и характеристик, свойственных только ему. В соответствии с этой особенностью необходим более адаптивный подход к оказанию и подбору услуг.

Жизненные ситуации – набор узкого спектра услуг, которые доступны для получения заявителем в конкретной ситуации. Но их намного больше, т.к. неизвестно, какие сопряженные услуги человеку необходимы для получения различных услуг в сложной ситуации (при затоплении, пожаре на участке или в квартире и др.). При их возникновении и сопутствующем обращении с запросом в многофункциональный центр вся ответственность и сложность в оказании помощи заявителю ложится на специалиста. Но он не может обеспечить полную поддержку в решении проблемы из-за отсутствия знаний и опыта работы в таких случаях. Сотрудник либо может воспользоваться уже готовыми жизненными ситуациями, если такие есть, либо, полагаясь на свой опыт, помочь человеку с набором необходимых услуг. Однако эти методы не обеспечат полную поддержку заявителя с точки зрения предоставления услуг по его запросу.

Нужно разработать методические рекомендации для использования всех возможных элементов системы *Жизненная ситуация*, а также закрыть потребность в разъяснении того, как нужно использовать этот механизм. Отправной точкой в создании методики по работе с этой системой является определение главных факторов развития системы предоставления услуг. В соответствии с Указом Президента № 601⁷ можно определить цели, к которым нужно стремиться:

1. Удовлетворенность пользователей системой должна быть не ниже 90 % от числа заявителей.
2. Получение доли социально значимых и массовых услуг нужно перевести в формат *Жизненная ситуация*, что должно составлять не ниже 75 %.
3. Время ожидания в очереди на получение консультации и при обращении в орган должно составлять не более 15 минут.
4. Доля полученных государственных и муниципальных или других услуг в формате онлайн должна быть не менее 60 %.

Основываясь на этих принципах, можно разработать методические рекомендации и пояснения к реализации концепции *жизненных ситуаций*. Так, в теоретический блок методики войдет понятие этой ситуации, формулировка которого будет идейно походить на уже выработанное определение в данной работе. Далее мы детализируем разработку системы.

Жизненная ситуация направлена на повышение качества оказываемых услуг для услугополучателя. Данный механизм представляет собой матричную модель по подбору нужных услуг для конкретного заявителя. По каждой из ситуаций разрабатывается максимально широкий перечень услуг, которые могут пригодиться возможному заявителю, для чего нужно создать его виртуальный макет. Он разрабатывается на основании опыта реализации похожих кейсов, перечня услуг, необходимых людям

в данной жизненной ситуации. При использовании этой методики можно смоделировать потенциального потребителя ситуации и спрогнозировать его возможные запросы. Допустим, каждый третий заявитель обладал характерными особенностями, т.е. услугами в этом варианте. В итоге по ним собирается статистика и начинается процесс создания портрета потенциального заявителя. На его основании выстраивается условная матрица или ее ветвь, в которую включается весь список услуг, полученных при запросе данной модели. Эта ветвь и будет базой для создания одной из моделей *Жизненная ситуация*. Затем начинается проработка этой ветви: моделируется порядок получения услуг, определяется, какие услуги можно запустить параллельно, а какие только последовательно. Такие ситуации могут возникать из-за составных услуг, в которых нужно определенное подтверждение какого-либо факта перед ее инициацией (рис. 1).

В этом примере (рис. 1) для получения всех услуг необходимо воспользоваться 4 государственными / муниципальными / иными услугами. Первая и вторая услуги могут оказываться параллельно, т.к. они не зависят друг от друга. Третья услуга, напротив, зависит от второй и четвертой и дает начало последней. В итоге получается модель конкретного вида услуг по *Жизненная ситуация*, что является только одним из десятков возможных вариантов комбинаций ситуации под конкретного заявителя. Все их крайне сложно просчитать потому, что на это уйдет большое количество времени и человеческих ресурсов. Но эту систему можно внедрять поэтапно и добавлять нужные ветви по необходимости. Для уменьшения транзакционных издержек, связанных с проработкой каждой модели, можно использовать искусственный интеллект, который может быть полезен как генератор этих самых моделей и сумеет выполнить месячную работу целой команды за пару часов, создав все возможные вариации на основании

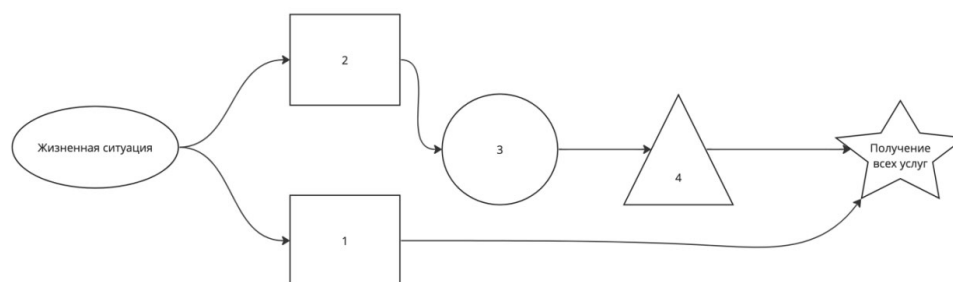

Рис. 1. Схема моделирования одной ситуации
Fig. 1. Modeling a life situation

⁷ Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления. Указ Президента РФ № 601 от 07.05.2012. СПС КонсультантПлюс.

статистических данных. Искусственный интеллект также может пригодиться и на следующем этапе разработки модели.

После составленной матрицы одной ветви, представленной на рисунке 1, происходит следующий этап проработки, в котором все услуги адаптируются в одну единую цепочку, и моделируется возможный временной период предоставления всех услуг по ситуации (рис. 2).

После утверждения перечня услуг в модели происходит формирование временного окна для предоставления этого пакета услуг. В примере, представленном на рисунке 2, время будет суммироваться следующим образом: 1 и 2 услуги можно выполнять параллельно, следовательно, определяющим фактором будет самая долгая услуга. То есть в этом варианте время составит 15 рабочих или календарных дней (в зависимости от услуги). Для инициирования 3 услуги обязательно нужно получить 2, значит нужно считать их в комплексе 30 дней, складываемых с 3 днями. Тот же механизм работает и с 4 услугой: складываем 2, 3 и 4 услуги вместе. Сложив их, получаем 43 дня на реализацию модели. В указанный срок можно осуществить и первую услугу, поскольку она не связана с другими тремя. Итак, для данной модели минимальный срок предоставления с учетом оптимизации будет составлять 43 дня.

Однако это лишь одна конкретная модель, возможно, заявителю будут не нужны 3 и 4 услуги, а следовательно появится необходимость в составлении новой модели получения пакета услуг (рис.3).

Если заявителю не нужна 3 или 4 услуги, то будет составлена новая схема предоставления пакета услуг с учетом его индивидуальной ситуации. В новой модели, представленной на рисунке 3, оптимизированное время предоставления пакета услуг составит 15 дней, но это будет уже другой ряд услуг. Для заявителя важна вариативность и гибкость подхода, а не просто знание списка возможных для получения услуг, с человеком нужно проработать его индивидуальную модель.

Система включает в себя всю информацию административных регламентов предоставления услуг, из которых и некоторых других будут формироваться возможные услуги в *Жизненная ситуация* и уже в дальнейшем группироваться комплексный клиентоцентричный подход к предоставлению услуг. Механизм – единая система, которой может пользоваться как сам заявитель через сайт ЕПГУ онлайн / на базе МФЦ в офлайн-формате, так и сотрудники МФЦ, у которых будет доступ к этой системе, благодаря чему они смогут подобрать и составить модель для конкретного человека в его ситуации.

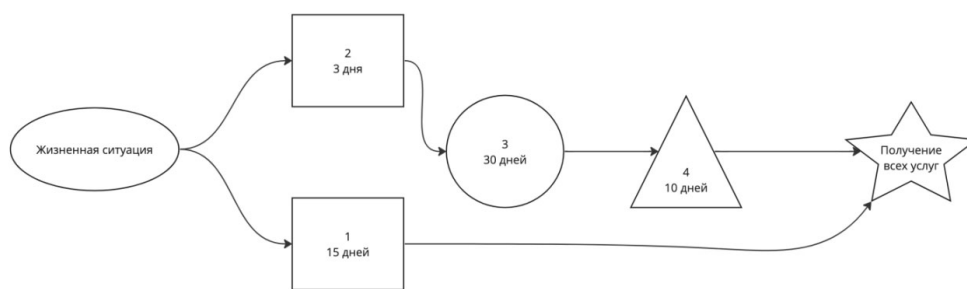

Рис. 2. Оптимизация полученной модели
 Fig. 2. Optimizing the model

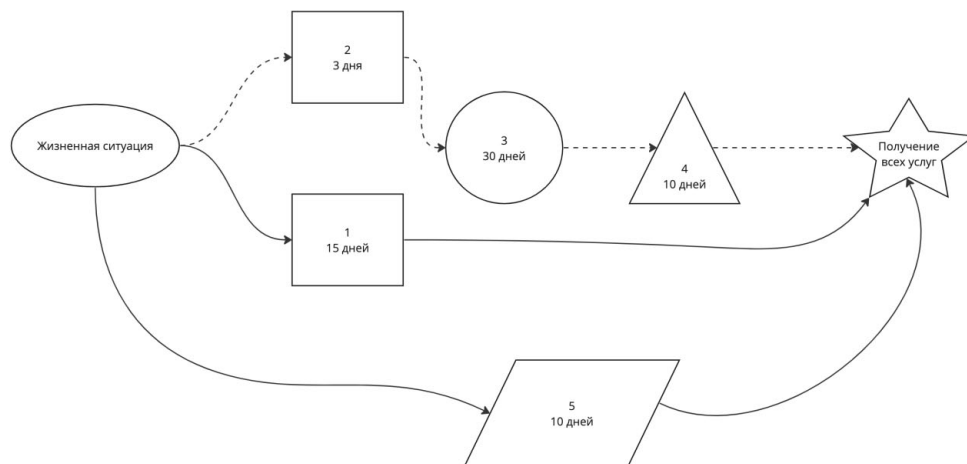

Рис. 3. Другая модель реализации этой же ситуации
 Fig. 3. An alternative model for the same life situation

Этот механизм сформирован на основе клиентоцентричного подхода к предоставлению услуг. Для его реализации необходим опрос заявителя с целью уточнения, какие услуги ему могут быть необходимы и являются обязательными. Заявителю в режиме онлайн на сайте ЕПГУ будет дан полный перечень документов для предоставления всех услуг в его ситуации, а также он сможет отслеживать процесс выполнения этих услуг, этап реализации его модели, которую он сам / специалист МФЦ составил с помощью опросника. Данная концепция и методика предоставления услуг являются инновационными и подходят сложной системе предоставления услуг в России.

Для реализации данной методики необходимо разработать единое позиционирование этой концепции в МФЦ в регионах. Для анализа современной ситуации нами было проанализировано 80 сайтов МФЦ субъектов РФ на наличие услуг по *Жизненная ситуация*. Собранные данные показали, что в 29 % случаев на сайтах МФЦ нет системы *Жизненная ситуация*. При анализе было выявлено и то, что название системы не согласовано. В различных субъектах РФ она именовалась как *Ситуации*; *Жизненные обстоятельства*; *Комплексные запросы*; *Комплексные услуги* и др. На данный момент нет единого требования к реализации этого механизма в МФЦ, но большая часть субъектов уже реализует его. Ситуация России уникальна тем, что существуют две системы: одна – для оказания государственных и муниципальных или иных услуг (чем занимается сайт ЕПГУ), а другая направлена на более тесное взаимодействие с услугополучателями (чем занимается многофункциональный центр). Необходимо привести данную систему в соответствие, чтобы ее название и архитектура были едиными, но сделать это без методических рекомендаций невозможно.

Заключение

Для государства крайне важен механизм предоставления услуг населению. Эта система должна своевременно модернизироваться под новые запросы и технологии. Цифровая трансформация государственного сектора позволила оптимизировать процесс предоставления услуг за счет совершенствования межведомственного взаимодействия и предоставления услуг в электронной форме. В настоящее время важнейшей задачей является внедрение клиентоцентричного подхода, основанного на учете персональных потребностей и ожиданий услугополучателей. Для качественного предоставления услуг необходимо:

- 1) хорошо развитое электронное правительство;
- 2) стандартизация услуг;
- 3) применение клиентоцентричной политики;
- 4) обратная связь с потребителями;
- 5) желание меняться.

Данный перечень не представляет собой исчерпывающий список пунктов, но каждый из них играет крайне важную роль в предоставлении качественно нового уровня оказания услуг. Из списка выбивается только 5 пункт, но желание меняться является фундаментальной основой к трансформации.

Жизненная ситуация представляет собой следующую ступень в работе с заявителями и выражают будущую картину, при которой, приходя в отделение монофункционального центра или же оскрывая сайт ЕПГУ, услугополучатель может получить всю информацию, необходимую для его конкретной ситуации. Многие страны реализуют механизм суперсервисов по-своему, учитывая специфику своих систем информационного взаимодействия с заявителями. На данный момент нет идеальной системы, которая бы закрывала все потребности и не имела бы производственных изъянов.

Необходимо разработать и внедрить законодательную базу, методические рекомендации по организации функционирования механизма суперсервисов (жизненных ситуаций) для того, чтобы заявитель мог получать комплекс услуг независимо от формы их оказания. В перспективе механизм жизненных ситуаций может занять центральное место в предоставлении услуг. Возможность обеспечивать адресную поддержку, давать персонифицированный набор услуг для конкретного человека в определенной ситуации – в этом кроется потенциал данного механизма. Его практические возможности крайне высоки, поскольку можно разрабатывать единую систему таких ситуаций и постоянно пополнять ее новыми услугами и моделями. Также необходимо внедрять цифровые сервисы, в том числе на основе использования технологий искусственного интеллекта. Таким образом, реализация представленных в работе рекомендаций по моделированию жизненных ситуаций позволит успешно осуществлять предоставление государственных и муниципальных услуг персонифицированно и проактивно.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Игнатова Т. В., Аширова М. В. Зарубежный опыт управления институциональными изменениями в сфере государственных услуг. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2015. № 2. С. 20–27. [Ignatova T. V., Ashirova M. N. Foreign experience of changes management in government services sphere. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 2015, (2): 20–27. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/twvllf>
- Лопатова Н. Г. Международный опыт формирования цифрового правительства. *Наука и инновации*. 2019. № 5. С. 24–28. [Lopatova N. International experience in digital government formation. *Nauka i innovatsii*, 2019, (5): 24–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2019-5-24-28>
- Головина Т. А., Полянин А. В., Рудакова О. В. Развитие системы государственного стратегического управления предпринимательскими структурами на базе возможностей новой модели цифровой экономики. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2017. № 2. С. 13–18. [Golovina T. A., Polyenin A. V., Rudakova O. V. Development of system of the public strategic administration by enterprise structures on the basis of opportunities new model of digital economy. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2017, (2): 13–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yznmxr>
- Кузнецова П. Ю. Цифровая трансформация государственных и муниципальных услуг: проблемы реализации. *XVII Ковалевские чтения: Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 г.)* СПб.: СПбГУ, 2023. С. 662–665. [Kuznetsova P. Y. Digital transformation of public and municipal services: Problems of implementation. *XVII Kovalev readings: Proc. All-Russian Sci. Conf., St. Petersburg, 16–18 Nov 2023*. St. Petersburg: SPbU, 2023, 662–665. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fzdsdh>
- Пашенко И. Ю. Современный этап развития информационного общества в Российской Федерации: цифровая информация, информационные технологии и государственное управление. *NB: Административное право и практика администрирования*. 2022. № 3. С. 58–68. [Paschenko I. Yu. The development of the information society in the Russian Federation: Digital information, information technology and public administration. *NB: Administrative Law and Administration Practice*, 2022, (3): 58–68. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2022.3.38578>
- Завьялова Е. А., Погадаева Н. Ю. Цифровая трансформация государственных и муниципальных услуг. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 2. С. 219–228. [Zavyalova E. A., Pogadaeva N. Yu. Management of labor motivation of scientific personnel. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(2): 219–228. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-2>
- Былина С. Г. Региональные особенности и детерминанты использования электронных услуг сельским населением. *Проблемы развития территории*. 2018. № 5. С. 84–98. [Bylina S. G. Regional characteristics and determinants of using electronic services among rural population. *Problems of Territory's Development*, 2018, (5): 84–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.6>
- Батракова Л. Г. Развитие цифровой экономики в регионах России. *Социально-политические исследования*. 2019. № 1. С. 51–64. [Batrakova L. G. Development of digital economy in Russian regions. *Social and political researches*, 2019, (1): 51–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2658-428X-2019-10338>
- Авдеева И. Л., Головина Т. А., Парахина Л. В. Развитие цифровых технологий в экономике и управлении: российский и зарубежный опыт. *Вопросы управления*. 2017. № 6. С. 50–56. [Avdeeva I. L., Golovina T. A., Parakhina L. V. Development of digital technologies in economics and management: Russian and foreign experience. *Management Issues*, 2017, (6): 50–56. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ywrlmt>
- Маковейчук А. В. Принципы построения и перспективы развития системы цифрового государственного управления в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020. Т. 10 № 3. С. 103–107. [Makoveychuk A. V. Principles of construction and prospects of development of the digital public administration system in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta*, 2020, 10(3): 103–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-3-103-107>

11. Тюшняков В. Н. Анализ практики применения технологий электронного правительства в системе предоставления государственных и муниципальных услуг. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Экономика*. 2018. № 4. С. 194–200. [Tyushnyakov V. N. The analysis of e-government technologies implementation experience in the system of state and municipal services delivery. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Ekonomika*, 2018, (4): 194–200. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/iyhkmr>
12. Соложенцев Е. Д. К вопросу цифрового управления государством и экономикой. *Проблемы анализа риска*. 2017. Т. 14. № 6. С. 30–43. [Solojentsev E. D. About the digital management of the state and economics. *Issues of Risk Analysis*, 2017, 14(6): 30–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykuvdp>
13. Маленкина Т. М., Посажеников А. А. Проблемы цифровизации государственных услуг. *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. 2023. № 2. С. 105–109. [Malenkina T. M., Posazhennikov A. A. Problems of digitalization of public services. *Modern High Technologies. Regional Application*, 2023, (2): 105–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.6060/snt.20237402.00012>
14. Елеусинова А. У., Азим А. Р. Цифровизация в сфере услуг. *Форум молодых ученых*. 2018. № 7. С. 378–371. [Yelessinova A. U., Azim A. R. Digitalization in services sphere. *Forum molodykh uchenykh*, 2018, (7): 378–371. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ynrnfz>
15. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Ефремов А. А., Ключкова Е. Н., Талапина Э. В., Старцев Я. Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. М.: Дело, 2019. 114 с. [Dobrolyubova E., Yuzhakov V. N., Efremov A. A., Klochkova E. N., Talapina E. V., Startsev Ya. Yu. *The digital future of public administration by results*. Moscow: Delo, 2019, 114. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yvcbkx>
16. Смотрицкая И. И. Новая экономическая стратегия требует нового качества государственного управления. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2017. № 5. С. 7–22. [Smotritskaya I. I. New economic strategy requires new quality of state governance. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*, 2017, (5): 7–22. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zqjddx>
17. Смотрицкая И. И. Государственное управление в условиях развития цифровой экономики: стратегические вызовы и риски. *Этап: экономическая теория, анализ, практика*. 2018. № 4. С. 60–72. [Smotritskaya I. I. State administration in conditions of development digital economy: Strategic challenges and risks. *Etap: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, 2018, (4): 60–72. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xxfqxz>
18. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Цифровая экономика: от теории к практике. *Инновации*. 2017. № 12. С. 3–12. [Ivanov V. V., Malinetsky G. G. Digital economy: From theory to practice. *Innovatsii*, 2017, (12): 3–12. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yqcxql>
19. Arias M., Maçada A. C. Digital Government for E-Government Service Quality: A literature review. *ICEGOV'18: Proc. 11th Intern. Conf. on Theory and Practice of Electronic Governance*, Galway, 4 Apr 2018. Galway: Association for Computing Machinery, 2018, 7–17. <http://dx.doi.org/10.1145/3209415.3209422>
20. Варенцов А. Д. Трансформация услуги в условиях цифровизации. *Экономика и социум*. 2020. № 8. С. 126–129. [Varentsov A. D. Service transformation in the context of digitalization. *Ekonomika i sotsium*, 2020, (8): 126–129. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wfvnmn>
21. Романова Н. В. Цифровизация услуг в социальной сфере: проблемы и перспективы. *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. 2020. № 1. С. 58–65. [Romanova N. V. Digitalization of services in the social sphere: Problems and prospects. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series: Economy*, 2020, (1): 58–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2020-1-31-58-65>
22. Островская Н. В., Барыкин С. Е., Бузова А. Ю. Цифровизация проектного менеджмента в государственном и муниципальном управлении России. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2020. Т. 11. № 2. С. 206–215. [Ostrovskaya N. V., Barykin S. E., Burova A. Yu. Digitalization of project management in state and municipal government of Russia. *Strategic Decisions and Risk Management*, 2020, 11(2): 206–215. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2020-2-206-215>
23. Морозова М. А. Суперсервисы как способ цифровизации госуслуг. *Хроноэкономика*. 2019. № 6. С. 55–59. [Morozova M. A. Super service as a method of digitalizing state services. *HronoEconomics*, 2019, (6): 55–59. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lwrwiq>
24. Гребенникова А. А., Масляков В. В., Салтыкова О. П. Цифровое неравенство в России: последствия и способы преодоления. *Индустриальная экономика*. 2022. № 3-8. С. 684–690. [Grebennikova A. A., Maslyakov V. V., Saltykova O. P. Digital divide in Russia: Consequences and ways to overcome. *Industrialnaia ekonomika*, 2022, (3-8): 684–690. (In Russ.)] https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_3_8_684

25. Мирошниченко М. А., Городничая Д. И., Хейшхо М. Ю. Государство как платформа: к чему идет цифровая трансформация госуправления. *Вестник Академии знаний*. 2023. № 2. С. 450–458. [Miroshnichenko M. A., Gorodnichaya D. I., Heishho M. Yu. The state as a platform: What is the digital transformation of state administration going to. *Vestnik Akademii znanii*, 2023, (2): 450–458. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytmwyq>
26. Киреева О. Ф. Трансформация коммуникационных процессов в условиях цифровизации и риски внедрения суперсерверов. *Коммуникология: электронный научный журнал*. 2020. Т. 5. № 4. С. 43–51. [Kireeva O. F. Transformation of communication processes in the context of digitalization and the risks of introducing superservers. *Communicology: Electronic Scientific Journal*, 2020, 5(4): 43–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/drlota>
27. Hasan R. I., Agustang A., Kahar F., Tahir H. "Super Service Delivery": An advanced conceptual model of one-stop service for wide administrative region. *Problems and Perspectives in Management*, 2019, 17(1): 189–201. [http://dx.doi.org/10.21511/ppm.17\(1\).2019.17](http://dx.doi.org/10.21511/ppm.17(1).2019.17)
28. Bojovic Z., Klipa D., Bojovic P. D., Jovanovic I. M., Suh J., Senk V. Interconnected government services: An approach toward smart government. *Applied Sciences*, 2023, 13(2). <http://dx.doi.org/10.3390/app13021062>
29. Pham L., Limbu Y. B., Le M. T. T., Nguyen N. L. E-government service quality, perceived value, satisfaction, and loyalty: Evidence from a newly emerging country. *Journal of Public Policy*, 2023, 43(4): 812–833. <https://doi.org/10.1017/S0143814X23000296>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lvafjc>

Социально-коммуникативный механизм в управлении ивент-деятельностью: концептуализация и реализация

Шелгинская Виктория Алексеевна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, Екатеринбург

eLibrary Author SPIN: 5509-3246

<https://orcid.org/0000-0002-5075-5984>

victoria.shelg@yandex.ru

Аннотация: Управление взаимоотношениями с целевыми аудиториями посредством организации нетривиальных (ивент) мероприятий является значимым направлением работы как для коммерческих организаций (для которых оно позволяет повышать узнаваемость бренда, укреплять лояльность и пр.), так и для учреждений социокультурной сферы (для которых оно позволяет достигать ряда общественно-значимых целей). Детальное понимание системы процессов и соответствующих им средств, за счет которых может быть оказано требуемое воздействие на посетителей и достигнуты цели организации, затруднено междисциплинарностью и разрозненностью информации, представленной в источниках различной направленности (от социологии до маркетинга). Цель – концептуализировать социально-коммуникативный механизм в процессе управления ивент-деятельностью с учетом ее взаимосвязи с цифровой средой. Предпринимается попытка формирования единой системы, отражающей мультиканальную и протяженную во времени природу управления ивент-деятельностью с точки зрения совокупности и взаимосвязи процессов оказания влияния на посетителей. Исследование направлено на решение двух задач: концептуализацию социально-коммуникативного механизма при управлении ивент-деятельностью на основе системного и структурно-функционального подходов и сравнение его с практическими подходами путем сопоставления с мнением экспертного сообщества (организаторов мероприятий). В работе установлена структура событийно-коммуникативной части отмеченного механизма (включая ключевые средства оказания влияния, входные-обуславливающие и выходные-корректирующие условия), выделена дополнительная составляющая – социально-коммуникативная, принцип действия которой основан на свойствах референтного влияния. Указаны особенности целеполагания, соответствующие реализации той или иной группе процессов или их совокупности. Выделены и классифицированы в соответствии с составляющими социально-коммуникативного механизма и временными этапами инструментальные технологии, возможные к применению в материальной или информационной среде управления ивент-деятельностью. В итоге проведено сравнение концептуальной схемы с фактическими особенностями реализации, в результате которого выявлен недостаток фактического управленческого внимания в части контроля и координации социально-самоорганизационных процессов.

Ключевые слова: социальное управление, событийные технологии, когнитивные технологии, социальные технологии, социальная инженерия, массовые мероприятия, интегрированные маркетинговые коммуникации, поведенческое программирование

Цитирование: Шелгинская В. А. Социально-коммуникативный механизм в управлении ивент-деятельностью: концептуализация и реализация. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 273–283. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-273-283>

Поступила в редакцию 01.12.2023. Принята после рецензирования 03.04.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Social Communication in Event Management: Concept and Implementation

Victoria A. Shelginskaya

Ural Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Russia, Ekaterinburg

eLibrary Author SPIN: 5509-3246

<https://orcid.org/0000-0002-5075-5984>

victoria.shelg@yandex.ru

Abstract: Special events provide organizations with an opportunity to communicate with their prospective customers: private businesses increase brand awareness and loyalty while state socio-cultural institutions pursue various social goals. However, event management as a research subject is shared by many sciences, from sociology to marketing. As a result, no separate science can offer a comprehensive understanding of processes and tools that allow organizations to impact their event visitors. The research objective was to conceptualize the social and communicative tools of event management from digital perspectives. The unified system reflects the multi-channel and time-consuming nature of event management as a total of interrelated impact tools and processes. The author used a systematic and structural-functional approach to conceptualize the social and communicative mechanism in event management. The result was verified against practical approaches specified by the local expert community of event managers. The paper describes the structure of the event-communicative mechanism, including influencing, input-conditioning, and output-correction. The research revealed an additional socio-communicative component, which is based on the properties of reference influence. The goal-setting tools proved to depend on the process in particular or their sets. Instrumental material / information technologies were classified in accordance with the social or communicative components and stages. The concept verification revealed a lack of actual managerial control and coordination of social and self-management processes.

Keywords: social management, special event, cognitive technologies, social technologies, social engineering, mass events, integrated marketing communications, consumer behavior

Citation: Shelginskaya V. A. Social Communication in Event Management: Concept and Implementation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 273–283. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-273-283>

Received 1 Dec 2023. Accepted after review 3 Apr 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

Вопросы управления деятельностью, связанной с организацией массовых мероприятий, представляют привлекательное практическое и исследовательское направление для изучения. Во многом это связано с тем, что массовые мероприятия не только предоставляют рекреационные условия и нетривиальную возможность для решения репутационных и коммерческих задач, но и могут быть реализованы в качестве мягкого средства достижения ряда долгосрочных целей: коммуникационных, поведенческих, идеологических, социализирующих и других, обладающих выраженной общественной значимостью.

С одной стороны, ивент-мероприятие воспринимается как более привлекательное для посещения событие вследствие его субъективной нетривиальности и единичности. С другой стороны, оно характеризуется более контролируемой средой, в рамках

которой может быть построена система процессов, направленная на оказание комплексного воздействия на посетителя различными средствами.

Тем не менее концептуализация совокупности и взаимосвязи процессов, составляющих единый механизм оказания такого рода влияния, затрудняется рядом факторов. Во-первых, мультиканальной природой самой событийной коммуникации, сочетающей как семиотические средства передачи информации, так и вербальные, аудиальные и социальные [1; 2]. Во-вторых, различными подходами к рассмотрению коммуникативного аспекта в управлении ивент-деятельностью в связи с интеграцией цифровой и материальной сред [3; 4]. В-третьих, определенным противопоставлением взглядов на сущность ивент-мероприятий и ивент-деятельности в литературе (с точки зрения

культурологии, менеджмента и маркетинга, общественных наук и пр.).

Цель статьи – концептуализировать социально-коммуникативный механизм в процессе управления ивент-деятельностью с учетом ее взаимосвязи с цифровой средой. Для этого необходимо решить ряд задач: определить входные и выходные условия процесса с точки зрения механизма оказания влияния на посетителя, выделить ключевые элементы ивент-мероприятия и соответствующие им формирующие предпосылки и ожидаемые результаты, а также систематизировать инструментальные решения, которые могут быть использованы в рамках каждого механизма.

Методы и материалы

Автор придерживался структуры работы, сочетающей аналитическую и эмпирическую части. В аналитической части определяется и обосновывается совокупность процессов, составляющих социально-коммуникативный механизм в ивент-деятельности. Аналитическая часть опирается на общетеоретические научные методы исследования: системный и функциональный анализ. Следование первому методу позволило установить условия функционирования социально-коммуникативного механизма в ивент-деятельности. Следование второму методу позволило выделить составляющие представленного механизма и проанализировать их в соотношении с входными и выходными условиями изучаемого процесса. При этом автор также опирается на положения аффективной теории, поведенческих теорий, теории референтных групп и др.

В эмпирической части осуществляется изучение сложившейся практики управления ивент-деятельностью в целях сравнения с разработанной концептуальной моделью. Эмпирическая часть опирается на данные, полученные автором в результате формализованного интервью с организаторами примечательных городских мероприятий Свердловской области. На основании этих данных проводится сравнительный анализ теоретических выкладок с примерами фактической ситуации.

Теоретико-методологические основы

Ивент-мероприятие может быть рассмотрено с четырех основных позиций: 1) как коммерческая услуга; 2) как явление городской среды; 3) как маркетинговый инструмент; 4) как инструмент связей с общественностью, формирования общественного мнения. В первом случае ивент-мероприятие и управление ивент-деятельностью оцениваются с точки зрения

соответствия качеств предоставляемой услуги требованиям заказчика [5]. Во втором случае – с точки зрения его роли в поддержании или стимулировании социально-экономической среды территории [6; 7]. В третьем случае – как один из способов стимулирования сбыта продукции за счет привлечения к нему внимания [8]. С точки зрения формирования общественного мнения ивент-мероприятие может быть рассмотрено как пространство, в котором создаются условия для достижения посетителем специфического состояния обостренного восприятия информации (идей, шаблонов поведения, транслируемых организатором) [9; 10]. В данной работе при описании ивент-мероприятия мы будем опираться на последнюю позицию.

Несмотря на то что не существует устоявшегося определения понятия ивент-деятельности, тем не менее систематический обзор публикаций по теме позволяет выделить два направления ее интерпретации:

1. Ивент-деятельность может быть определена в широком смысле как любая деятельность, возникающая и связанная с ивент-мероприятием как информационным поводом.

2. В более узком смысле – как совокупность процессов, инициируемых субъектом управления (управляющей подсистемой) при подготовке и проведении ивент-мероприятия.

В целях концептуализации социально-коммуникативного механизма нас интересует второе определение. При этом, принимая во внимание аспект исследуемой области, должны быть установлены граничные условия интерпретации в рамках узкого подхода, а именно учет той деятельности субъекта, которая связана с реализацией коммуникативной политики и связей с общественностью.

Поскольку мы рассматриваем ивент-мероприятие и связанную с ним ивент-деятельность с точки зрения формирования общественного мнения и мотивации к действию, целесообразно остановиться на понятии *событийная коммуникация*, часто употребляемом для обозначения процесса передачи посетителю какой-либо идеи во время посещения им мероприятия, «формирования новых концептов и понятий» [11, с. 122]. Е. А. Каверина определяет событийную коммуникацию как «технология, способ взаимодействия с общественными и целевыми аудиториями посредством организации различных событий / мероприятий» [12, с. 54]. В то же время Е. А. Каверина делает акцент на преобладании символической формы передачи информации. Однако ряд материалов последних лет аргументирует важность изучения мультисенсорного воздействия

на посетителя на мероприятии, включая аудиальные, визуальные, социальные и кинетические формы передачи информации [1; 13; 14].

Соответственно, событийная коммуникация предстает перед исследователями под несколько иным углом зрения, где признается многоканальность, равнозначность и синергетическое единство различных способов трансляции целевого сообщения посетителям [15; 16]. В этом отношении их можно разделить на непосредственные (передающиеся индивидуально, т. е. от источника к каждому единичному получателю) и опосредованные (передающиеся посредством прямого или косвенного влияния окружения адресата) [17]. В первом случае можно утверждать о собственно коммуникативном механизме (коммуникативных технологиях), во втором – о механизме социальном (социальных технологиях).

Таким образом, в управлении ивент-деятельностью складывается интегрированный механизм, включающий технологии непосредственно *событийной* (событийно-символической) коммуникации и технологии социально-коммуникативные. Последние определяются учеными как целенаправленно организованная деятельность по управлению коммуникацией, направленная на решение социально-значимой задачи и имеющая в своей основе конкретный разработанный план действий [18; 19].

Непосредственно коммуникативный механизм в управлении ивент-деятельностью может быть рассмотрен с точки зрения теории интегрированных маркетинговых коммуникаций и символической коммуникации.

Символическая коммуникация осуществляется на самом мероприятии путем воздействия на посетителя образами, связанными с определенным явлением или процессом [2]. Взаимосвязь образа и значения происходит за счет стимулирования ассоциаций (так, сочетание красного, синего и белого наиболее часто связывается с флагом России), связывания со стереотипами (так, на мероприятиях, посвященных Масленице, обычно ожидают блины), связывания с устойчивыми реакциями на какой-либо раздражитель (например, влияние меланхоличной или маршевой музыки на смену настроения) [20–22].

Интегрированные маркетинговые коммуникации (ИМК) подразумевают информационное сопровождение мероприятия, построение сети каналов распространения информации о мероприятии, преследующих цель стимулирования посещений мероприятий. ИМК включают как традиционные каналы, так и цифровые. При этом и те, и другие чаще всего используются в ивент-деятельности как средства

прямой односторонней коммуникации с аудиторией: ее информирования, стимулирования посещения и создания привлекательного имиджа мероприятия в цифровой среде [14; 23].

Такой подход относит существующую практику выстраивания коммуникационной политики в категорию субъект-объектной и тем самым исключает из изучения субъект-субъектный аспект. Точнее – интерес субъектный, который проявляется в социальных технологиях.

В итоге можно выдвинуть гипотезу, что большую эффективность результата и комплексность оказываемого на посетителя воздействия способно обеспечить их совместное рассмотрение и детальное понимание процесса не только на инструментальном (практическом) уровне, но и на концептуальном.

Результаты

Концептуализация социально-коммуникативного механизма

Границы исследуемого процесса могут быть установлены исходя из поставленных целей (коммуникативные или поведенческие) и особенностей взаимосвязи мероприятия с повседневным окружением посетителя. В частности, результирующий эффект во многом определяется жизненными условиями, из которых посетитель пришел на мероприятие. Равно как и полученное влияние изменяется под воздействием различных факторов повседневного окружения уже после завершения мероприятия [13; 24].

В соответствии с рисунком 1, на котором представлены граничные условия процесса, мы можем рассмотреть процесс оказания влияния, который распределен по различным временным промежуткам (от формирующих условий до корректирующих) и по различным уровням поставленных целей. Коммуникативные цели (передача целевого сообщения, идеи, образа) формируют первый уровень целей, т. к. их реализация связана с относительно менее контролируемыми, субъективными процессами – ассоциациями, аналогиями, эмоциональными переживаниями. Поведенческие цели (мотивация к определенному действию, распространение поведенческого шаблона) требуют большего контроля над процессом. В связи с этим они составляют второй уровень целей, достижение которых сопряжено с более персонализированной и длительной работой с управляемой подсистемой.

Непосредственно на мероприятии оказываемое на посетителя воздействие происходит за счет двух механизмов: провоцирования впечатлений и создания условий для получения личного опыта,

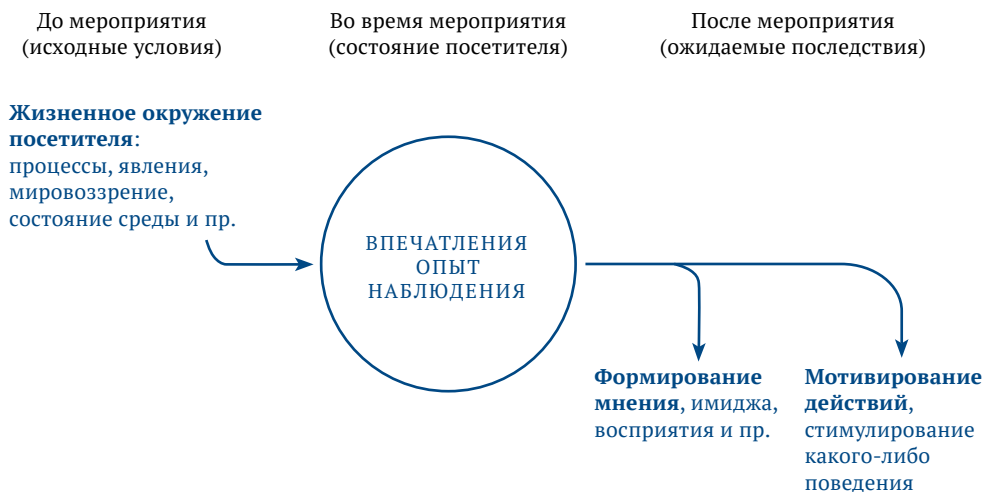

Рис. 1. Предопределяющие условия и ожидаемые результаты ивент-деятельности
Fig. 1. Input and output conditions of event management

связанного тематикой или целями мероприятия. Управление впечатлениями подразумевает создание эмоциональной связи между иницилирующей стороной и потребителем, формирование же опыта позволяет познакомиться с организацией на практике [25]. Впечатления и опыт являются своего рода ядром рассматриваемого процесса. В этом случае входные условия должны включать элементы, управление которыми позволит подготовить восприятие посетителя и обусловит предварительные качественные характеристики этого восприятия. Следовательно, и выходные условия должны включать те элементы, управление которыми позволит скорректировать полученное влияние.

Концептуализацию социально-коммуникативного механизма целесообразно начинать с выделения его центрального элемента – ядра. Таковым, без сомнения, является пространственно-временной промежуток проведения мероприятия, в течение которого основными элементами, за счет которых достигается целевой эффект, оказываются впечатления и опыт посетителя.

Формирование впечатлений на самом мероприятии чаще всего осуществляется под воздействием аффектов – краткосрочных и неконтролируемых эмоциональных реакций на коммуникационный стимул. Именно с аффективного воздействия начинается стимулирование долгосрочных рефлексивных состояний (эмоций, чувств и впечатлений), посредством которых у посетителя складываются определенные ассоциации, связанные с посещением мероприятия, а через него – с организатором

мероприятия (организацией, учреждением, брендом) или с определенной идеей (например, экологической ответственностью). Факторами формирования выступают предварительные ожидания и интерес посетителя, которые могут быть созданы, в частности, в поле информационного сопровождения мероприятия.

Формирование опыта совершается при контакте посетителя с элементами инфраструктуры мероприятия, представителями организатора и посетителями, который позволяет посетителю сделать ряд умозаключений о выгодах работы именно с этой организацией и предпочесть ее конкурентам либо закрепить при помощи деятельностного опыта воспринимаемую идею. Предпосылкой в этом случае служит ожидаемый или предполагаемый опыт, т.е. заочная готовность потенциального посетителя к участию в определенных активностях, собственное видение характера поведения представителей организаторов и взаимодействия с другими людьми.

Вышеуказанные процессы направлены на достижение непосредственно коммуникативной цели. Но немаловажным для организатора служит не только передача идеи, но и распространение ее на вторичные целевые группы¹ или же совершение после принятия идеи планового действия. В этом случае фактический посетитель мероприятия должен будет, вернувшись в свое повседневное жизненное окружение, представлять собой пример для подражания (референтный пример) для своих знакомых.

¹ Потенциальные и фактические посетители представляют собой первичную целевую группу, т.е. тех людей, на которых ориентировано мероприятие и направлено непосредственное воздействие. Под вторичными же целевыми группами понимаются те, кто сам не являлся участником (или даже интересантом) мероприятия, но кто контактирует с фактическим посетителем и может передать от него полученное влияние (идею, поведенческий стереотип и пр.).

Соответственно, мы можем предположить, что в качестве дополнительного элемента ядра влияния, помимо опыта и впечатлений, целесообразно выделить наглядный пример, увиденный посетителем на самом мероприятии и послуживший повышению восприимчивости посетителя к транслируемой идее. Выделение этого дополнительного элемента даст возможность реализовать второй уровень целей и социально-коммуникативный механизм во всей полноте.

Это приводит нас к вопросу о том, какой фактор лежит в основе формирования наглядного примера перед мероприятием. В общем виде процесс формирования наглядного примера (примера для подражания) связан с принятием во внимание референтного социального окружения² посетителя. Это позволяет облегчить принятие индивидом предложенных ему идей или эффективнее мотивировать его поведение.

Таким образом, итоговая схема социально-коммуникативного механизма, включая выявленный дополнительный фактор, в управлении ивент-деятельностью представлена на рисунке 2: синим цветом отмечены элементы событийно-коммуникативной части механизма, реализация которых приводит к выполнению цели первого уровня (собственно коммуникативной), а красным – выделенный в ходе анализа дополнительный элемент, активизация которого позволит более эффективно работать над достижением целей второго уровня (поведенческих).

Инструментальные технологии в реализации социально-коммуникативного механизма

Что касается непосредственно инструментов, используемых в процессе реализации обозначенного на рисунке 2 механизма, то их можно соответствующим образом разделить по трем уровням. Так, в таблице приведены примеры используемых технологий в зависимости от того, на каком этапе и каким образом они проявляются: в материальной среде (на площадке проведения мероприятия) или в среде информационной (перед или после мероприятия, на входе или выходе рассмотренного процесса).

Общий уровень рассмотрения включает технологии массовой передачи информации, за счет которых формируются ожидания, предвкушения, предварительный опыт (например, технологии маркетинга в социальных сетях).

Персональный уровень концентрируется на создании индивидуальной ценности, формируя привлекательный или примечательный пример, стимулирующий человека к посещению мероприятия или восприятию какой-либо связанной с ним идеи. Важно отметить, что для одной группы людей привлекательный пример может быть связан с идеализированным образом, а для других – с типичным³.

Референтный уровень сосредоточен внутри управляемой подсистемы и соотносится с процессами ее самоорганизации, хаотичной или контролируемой. Отправной точкой служит референтный пример, однако, в отличие от персонального

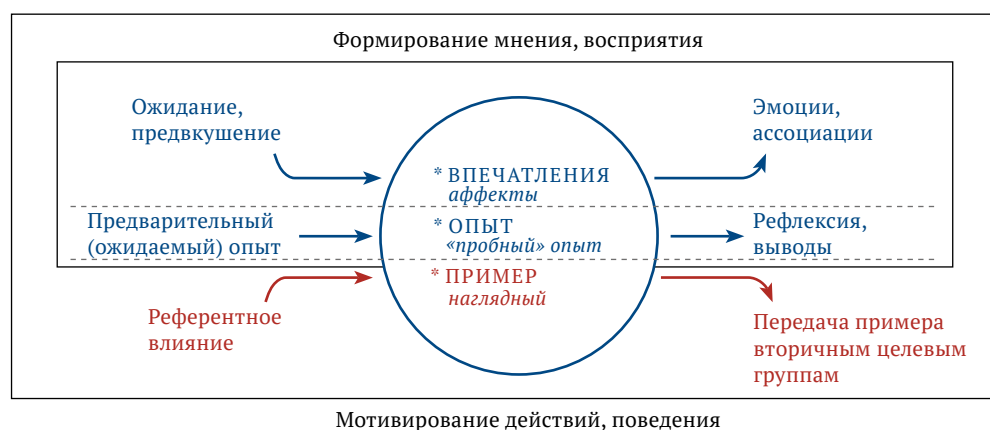

Рис. 2. Концептуальная схема социально-коммуникативного механизма в управлении ивент-деятельностью
Fig. 2. Concept of socio-communicative tool in event management

² Референтной, согласно Дж. Миду, Р. Мертону и др., можно считать такую группу или такой пример социального поведения, на который человек склонен ориентироваться, подражать ввиду того, что психологически расположен (или желает) идентифицировать себя с ней.

³ Указанную особенность можно проиллюстрировать на примере специфики двух поколений молодежи – миллениалов и зумеров. Так, ценности миллениалов (потребность выделиться, ориентация на результат, важность быть в группе) соответствуют референтному примеру *это тот, кем я хочу стать*. Ценности же более молодого поколения зумеров (потребность соответствовать, опасения быть не принятым, важность быть в тенденции, значимость процесса над результатом) соответствуют референтному примеру *это тот, кто я есть сейчас*.

Табл. Инструментальные технологии в реализации социально-коммуникативного механизма

Tab. Implementation tools of socio-communicative mechanism in event management

Механизм	Уровень рассмотрения	Соответствующие ключевые элементы ивент-мероприятия	Примеры соответствующих технологий	Взаимодействие
Коммуникативный механизм	общий (массовый)	1. Ожидание, предвкушение 2. Предварительный опыт	<i>В информационной среде:</i> геймификация, анонсирование, story-telling, inbound-контент и пр. <i>В материальной среде:</i> символическое наполнение инфраструктуры мероприятия (аудио-, визуально- и кинетически оформленное пространство), вовлечение в деятельностные активности (дегустации, тест-драйвы, конкурсы, мастер-классы и пр.)	Субъект-объектное (от организатора к аудитории)
	персонализированный	3. Пример: – привлекательный	<i>В информационной среде:</i> инфлюэнсеры, product sitting, story-telling и пр. <i>В материальной среде:</i> известные личности, авторитеты, звезды	Субъект-субъектное (между участниками и / или приглашенными к участию лицами)
Социальный механизм	референтный	– социально-референтный	<i>В информационной среде:</i> локальные лидеры, нишевые авторитеты, теория рукопожатий, сарафанное радио, стимулирование сплочения и пр. <i>В материальной среде:</i> нишевые лидеры мнений, иммерсивные технологии, социально-инициированное вовлечение	

уровня, он сосредоточен не на какой-либо известной многим личности (*звезде, инфлюэнсере*), а на личности, значимой для определенного человека, малой или средней группы. Проиллюстрируем это следующим образом: лидер мнений (всеобщий, массовый) может быть известен многим, но только часть аудитории настолько признает его значимость и авторитет, что примет предлагаемую им информацию или станет воспроизводить образ поведения. С другой стороны, референтным для нее будет являться локальный или даже *нишевой* (значимый только в пределах специфической тематической группы) лидер мнений.

Особенности фактической реализации

На основе изучения научно-практической литературы можно выдвинуть гипотезу о том, что в практике реализации данного механизма основное внимание субъекта управления сосредоточено на втором и первом компонентах (на коммуникативном, а не социально-коммуникативном механизме). Тогда как третий компонент, социальный, зачастую не принимается во внимание или же реализуется в иной форме. Чтобы подтвердить или опровергнуть это заключение, мы обратились за экспертным

мнением к организаторам городских мероприятий (n = 22, Свердловская область).

Проанализируем экспертный опыт в части способов формирования впечатлений у посетителей. В качестве наиболее важных направлений работы при подготовке мероприятия организаторы выделяют разработку программы (состав выступлений, подбор концертных номеров, планирование конкурсной программы и т.д.) и составление перечня мастер-классов. Несколько реже организаторы отмечают сценарное планирование, разработку оформления площадки и организацию фестивальной гастрономии (включая как собственноручно организованные фуршеты, так и заказ кейтеринга).

При оценке значимости организационных этапов эксперты подчеркивают (по убыванию значимости): информационное освещение мероприятия и организацию мастер-классов, разработку конкурсной и сценической программ (например, *Качественное проведение программы, интересные выступления, значимые моменты*); приблизительно один из пяти организаторов работает с лидерами мнений, и только каждый десятый занимается работой с пост-событийной мотивацией участников на написание отзывов, распространение материалов и т.д.

Проанализируем экспертный опыт в части создания условий, обеспечивающих получение личного опыта посетителем. Наиболее распространенной практикой являются организация различных мастер-классов, соответствующих тематике мероприятия, и интерактивные активности с ведущим: конкурсы, игры, шуточные соревнования и пр. Организация мастер-классов представляется многим организаторам значимым направлением работы ввиду их гуманистического потенциала, а также из-за стремления разнообразить варианты возможного времяпровождения на мероприятии. Как отметил один из экспертов, *Они (посетители) опасаются, что будет попросту скучно. Для этого и создается дополнительная инфраструктура на мероприятии, чтобы каждый нашел себе что-то по душе.* При этом достаточно часто зоны мастер-классов располагаются на втором плане площадки проведения, уступая место главным и второстепенным сценам.

Большинство экспертов убеждены, что посетители больше всего расположены к роли зрителя и участника в предлагаемых ведущим интерактивах. Этим частично объясняется внимание организаторов к разработке интерактивных сценариев. Однако при непосредственном наблюдении можно отметить, что им не всегда удается вовлечь аудиторию, а их типичными участниками зачастую являются дети, подростки и их родители.

Проанализируем экспертный опыт в части демонстрация наглядного примера. В качестве личности, представляющей потенциальный пример для подражания (заимствования шаблонов поведения, руководящих ценностей), каждый второй организатор отметил, что работает с привлечением танцоров, спортсменов как участников сценической программы, а также специалистов-практиков в качестве ведущих мастер-классов, отдельных площадок или даже основной программы. Только четверть организаторов указала в подобном качестве медийных личностей, а лекторов или общественных деятелей назвали менее десятой доли экспертов.

Что касается непосредственного функционала значимых личностей на мероприятии, то в подавляющем большинстве случаев организаторы готовы их привлекать как ведущих мастер-классов, лекторов или выступающих основной программы. Только один из пяти организаторов готов привлекать их непосредственно к работе *в толпе* (например, как аниматоров). Чуть менее половины организаторов отметили, что готовы приглашать такого рода личностей в качестве посетителей на общих (непривилегированных) условиях участия. Еще эксперты указывают на то, что работают

с вовлечением и организацией взаимодействия участников, часто подразумевая под этим организацию интерактивного взаимодействия ведущих (аниматоров), включая разработку дословного сценария и привлечение зрителей к участию в конкурсах, играх.

Обсуждение

В проведенном выше анализе было установлено, что социально-коммуникативный механизм в управлении ивент-деятельностью составляет следующие элементы: формирование личного опыта, формирование впечатлений и демонстрация примера для подражания. Сравнивая данную концептуальную схему реализации с фактической практикой, можно выделить несколько дискуссионных аспектов по каждому из компонентов концептуальной схемы:

1. Процесс создания впечатлений достаточно ярко отражен в управленческой практике: зарождаясь при информационном анонсировании мероприятия в формате односторонней коммуникации (подразумевающей передачу информации, но не взаимодействие), формирование впечатлений происходит во многом на самом мероприятии за счет выступлений, концертных номеров и организации незамысловатых (часто подвижных) массовых игр, интерактива с ведущим (часто в формате вопрос-ответ). При этом выходные условия процесса (коррекция полученных впечатлений на ассоциативно-рефлексивной стадии) большинством организаторов остаются без надлежащего внимания. Временная граница завершения мероприятия часто служит границей управленческого процесса, что не соответствует структуре социально-коммуникативного механизма.

2. Процесс формирования опыта к тому же проявлен в управленческой практике. Однако он обладает рядом особенностей, которые могут влиять на оценку посетителем получаемого опыта и исказить предполагаемые результаты целевого воздействия. Относительно контролируемым организаторами вариантом получения опыта является интерактив с ведущим. При этом в оценке посетителем восприятие этого процесса, готовность участвовать в нем, формируемый опыт и отношение зависят от различных факторов: личности и манеры ведущего, формата предлагаемых активностей, социально-демографического портрета других участников и т.д. Другим распространенным вариантом получения опыта является участие в предлагаемых мастер-классах. В этом случае степень контролируемости еще больше снижается и повышается риск того, что люди, ориентированные

на получение такого рода опыта, не будут по факту вовлечены в эту деятельность.

3. Процесс создания условий для демонстрации наглядного примера отражен в управленческой практике достаточно неполно и специфически. С одной стороны, присутствуют возможности для восприятия наглядного примера со стороны достаточно известных или примечательных личностей, специалистов-практиков и людей, обладающих некими талантами. Это отражает ориентированность организаторов на передачу примера своего рода сверху вниз, в вертикальной динамике от представителей организующей стороны (т.е. с позиций субъективно более высокого статуса, чем участники). С другой стороны, возможности организаторов для передачи примера горизонтально не используются в полной мере. Это относится к процессам управления внутри группы посетителей, среди которых может оказаться потенциальный референтный пример, но произошедший из среды равных по субъективному статусу.

Таким образом, действительно, существующая практика в основном ориентирована на реализацию первых двух (коммуникативных) компонент, тогда как социальная остается за пределами пристального внимания организаторов. Между тем социальные технологии формирования опыта представляют дополнительные возможности в части повышения подконтрольности социальных процессов внутри мероприятия, направления деятельностного опыта и концентрации внимания. Они к тому же могут способствовать вовлеченности посетителя не только в те виды деятельности на мероприятии, которые он с большей вероятностью выберет ввиду простоты (например, человек с большей вероятностью предпочтет пассивное наблюдение за концертом, чем участие в мастер-классе) [26], но и в те, участие в которых важно для организатора с точки зрения формирования требуемого ему опыта (например, если организатор заявляет этнокультурную просветительскую направленность мероприятия, то ему важно, чтобы человек не только посмотрел на выступление, но и *попробовал прожить* эту ситуацию).

Заключение

Проведенный анализ позволил концептуализировать механизм социально-коммуникативного процесса в ивент-деятельности, ориентированной на достижение целей субъекта управления, направленных на качественное преобразование посетителей (формирование поведенческих шаблонов, передачу идей, ценностей и пр.). С управленческой точки зрения были выделены и прослежены во времени процессы формирования и корректировки впечатлений

и опыта посетителей, представлена структура этого процесса, а также выявлен дополнительный элемент в этой структуре – референтный стимул. Исходя из особенностей социально-коммуникативного механизма, возможные для применения технологии были классифицированы в зависимости от доминирующей составляющей механизма.

На примере опыта Свердловских организаторов мероприятий показано существование определенных расхождений при сравнении концептуальной схемы механизма и его фактической реализации. Расхождение касается несбалансированности коммуникативного и социального компонентов рассматриваемого механизма: потенциал влияния первого компонента зачастую абсолютизируется, а второго, соответственно, недооценивается. В этом автору видится направление дальнейшей разработки прикладных управленческих решений организаторами мероприятий, чья деятельность преследует социально-значимые, а не только коммерческие цели.

Следование указанной системе процессов социально-коммуникативного механизма в управленческой практике позволит более эффективно использовать широкие возможности ивент-мероприятия как запоминающегося и примечательного опыта в жизни человека, ориентируя управленческую деятельность не только в краткосрочном проектом направлении, но и в стратегическом, работая с когнитивными и поведенческими особенностями посетителей.

Подводя итог, целесообразно отметить, что выбор и предпочтение того или иного компонента анализируемого механизма в качестве доминирующего, без сомнения, зависит от состава аудитории, типа и тематики мероприятия, а также целей субъекта управления. Однако современная информационная перегруженность вкупе с геометрическим ростом возможностей искусственного интеллекта обостряет риск снижения доверия к информации из-за невозможности отличить реальную от, например, сгенерированной искусственным интеллектом. Потому усиливается значимость персонализированных, более доверительных связей. В этом отношении разработка социальных технологий в рассмотренном механизме может служить актуальным дополнением, где передача влияния будет идти с субъект-субъектных позиций или с позиции равного. В этом случае влияние, побуждающее людей к участию в той или иной активности (т.е. формирование опыта и передача примера), будет сильнее там, где сети связывают равноправных членов, а не представляют собой иерархическую структуру.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author stated that there are no potential conflicts of interest regarding the research, authorship and / or publication of this article.

Литература / References

- Duffy M., Mair J. Engaging the senses to explore community events. *Event Management*, 2018, 22(1): 49–63. <https://doi.org/10.3727/152599517X15111988553991>
- Asif M., Ali M. Chinese traditions folk art, festivals and symbolism. *International Journal of Research*, 2019, 6(1): 1–20.
- Ryan W. G., Fenton A., Ahmed W., Scarf P. Recognizing events 4.0: The digital maturity of events. *International Journal of Event and Festival Management*, 2020, 11(1): 47–68. <http://dx.doi.org/10.1108/IJEFM-12-2019-0060>
- Simons I. Events and online interaction: The construction of hybrid event communities. *Leisure Studies*, 2019, 38(2): 145–159. <http://dx.doi.org/10.1080/02614367.2018.1553994>
- Витохина А. И., Короп М. М. Особенности рынка event-услуг, его проблемы и тенденции развития. *Актуальные исследования*. 2020. № 2. С. 45–47. [Vitokhina A. I., Korop M. M. Features of the event-services market, its problems and development trends. *Aktualnye issledovaniia*, 2020, (2): 45–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sblopl>
- Richards G., Leal Londono M. P. Festival cities and tourism: Challenges and prospects. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, 2022, 14(3): 219–228. <http://dx.doi.org/10.1080/19407963.2022.2087664>
- Haewen L. A Study of the relationship between city branding and event content. *The Journal of the Korea Contents Association*, 2021, 21(7): 328–339. <https://doi.org/10.5392/JKCA.2021.21.07.328>
- Таппасханова Е. О., Бисчекова Ф. Р., Хандохова З. А. Теоретические аспекты ивент-маркетинга. *Евразийское научное объединение*. 2020. № 1-3. С. 271–274. [Tappaskhanova E. O., Bischekova F. R., Handohova Z. A. Theoretical aspects of event marketing. *Evraziiskoe nauchnoye ob'yedinenie*, 2020, (1-3): 271–274. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/efmlly>
- Çağırkan B., Bilek G., Telli H. The perception of leisure time and concrete historical and cultural heritage awareness among university students. *Gümüşhane Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Elektronik Dergisi*, 2021, 12(3): 914–922.
- Никонов С. Б., Каверина Е. А., Пую А. С. Микширование спортивной и политической журналистики: современные коммуникационные технологии. *Теория и практика физической культуры*. 2023. № 1. С. 110–112. [Nikonov S. B., Kaverina E. A., Puyu A. S. Mixing sports and political journalism: Modern communication technologies. *Theory and Practice of Physical Culture*, 2023, (1): 110–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/juryqm>
- Пряхина А. В. Проблема реализации сетевой социокультурной событийной коммуникации в ситуации кризиса. *Российская школа связей с общественностью*. 2020. № 17. С. 120–132. [Pryakhina A. V. Problem of the realization of net sociocultural event-related communication in a crisis situation. *Rossiiskaia shkola svyazei s obshchestvennostiu*, 2020, (17): 120–132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/errajs>
- Каверина Е. А. Культуротворческий потенциал событийных коммуникаций. *Ценности и смыслы*. 2011. № 2. С. 54–59. [Kaverina E. A. Culture creating potential of events communication. *Values and meanings*, 2011, (2): 54–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nygxfx>
- Brown A., Donne K., Fallon P., Sharpley R. From headliners to hangovers: Digital media communication in the British rock music festival experience. *Tourist Studies*, 2020, 20(1): 75–95. <http://dx.doi.org/10.1177/1468797619885954>
- Setiawan R., Wibisono D., Purwanegara M. S. Defining event marketing as engagement-driven marketing communication. *Gadjah Mada International Journal of Business*, 2022, 24(2): 151–177. <http://dx.doi.org/10.22146/gamaijb.63788>
- Батурин Ю. М., Синьцзюнь Ю. Феномен омнимедиа (на примере китайской газеты People's Daily). *Труды по интеллектуальной собственности*. 2022. Т. 43. № 4. С. 8–14. [Baturin Yu. M., Xinjun Yu. The omnimedia phenomenon (on the example of the Chinese newspaper People's Daily). *Works on intellectual property*, 2022, 43(4): 8–14. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/tis.2022.16346>

16. Шошина С. И. Клубная деятельность и синергетические механизмы культуры. *Культурная жизнь Юга России*. 2021. № 2. С. 111–118. [Shoshina S. I. Club activities and synergistic mechanisms of culture. *Cultural studies of Russian South*, 2021, (2): 111–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2070-075X-2021-2-111-118>
17. Чапля Т. В. Влияние архитектурного и социального пространств на коммуникативные практики социума. *Вестник славянских культур*. 2019. Т. 53. С. 71–85. [Chaplya T. V. Influence of architectural and social spaces on communicative practices of society. *Bulletin of Slavic Cultures*, 2019, 53: 71–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tcklja>
18. Гавра Д. П. Социально-коммуникативные технологии: сегодня и завтра. *PR-диалог*. 2003. № 2/3. С. 10–13. [Gavra D. P. Social and communication technologies: Today and tomorrow. *PR-dialog*, 2003, (2/3): 10–13. (In Russ.)]
19. Панова Е. В. Социально-коммуникативная технология работы с общественным мнением в условиях экологического инцидента. *Управленческое консультирование*. 2023. № 2. С. 24–45. [Panova E. V. Social-communicative technology of working with public opinion in the context of an environmental incident. *Administrative Consulting*, 2023, (2): 24–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-2-24-45>
20. Воскобойник А. М. Понятие и развитие коммуникации бренд-клиент. *Моя профессиональная карьера*. 2019. Т. 1. № 3. С. 11–14. [Voskoboynik A. M. Concept and development of brand-client communication. *Moia professionalnaia karera*, 2019, 1(3): 11–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxnyj>
21. Лохов М. И., Фесенко Ю. А. Подводная часть айсберга (Эмоция как движение вовне-2). *Клиническая патофизиология*. 2018. Т. 24. № 1. С. 39–48. [Lokhov M. I., Fesenko Yu. A. The underwater part of the iceberg (Emotion as an outward movement-2). *Klinicheskaja patofiziologija*, 2018, 24(1): 39–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yhijxf>
22. Азарова Ю. А. Событийность как основополагающий фактор развития event. *Дискуссия*. 2015. № 1. С. 82–86. [Azarova J. A. Newsworthiness as a main factor of event's development. *Discussion*, 2015, (1): 82–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tljebp>
23. Волошинова М. В., Кучумов А. В. Стратегическое управление событиями для маркетинга дестинаций. *Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм*. 2022. № 4. С. 21–28. [Voloshinova M. V., Kuchumov A. V. Strategic event management for destination marketing. *Professorskii zhurnal. Seriya: Rekreatsiia i turizm*, 2022, (4): 21–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2686-858X-2022-16-4-21-28>
24. Armbrecht J., Lundberg E., Andersson T. A research agenda for event management. *Cheltenham*: Edwards Elgar, 2019, 173. <http://dx.doi.org/10.4337/9781788114363>
25. Masiello B., Bonetti E., Izzo F. Multiple identities of a festival: Intended, communicated and perceived brand personality in the social media environment. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 2020, 32(2): 749–768. <http://dx.doi.org/10.1108/IJCHM-11-2018-0937>
26. Патяева Е. Ю. Порождение действия: Культурно-деятельностный подход к мотивации человека. М.: Смысл, 2018. 815 с. [Patyayeva E. Y. *Generation of action: A cultural-activity approach to human motivation*. Moscow: Smysl, 2018, 815. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/muavyi>

Метаморфозы административно-территориального устройства в границах современной Донецкой Народной Республики

Василенко Валерий Николаевич

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского, Россия, Донецк
eLibrary Author SPIN: 1025-7383
bulava1953@mail.ru

Василенко Дмитрий Валериевич

Донецкая академия управления и государственной службы,
Россия, Донецк
eLibrary Author SPIN: 1510-0738

Аннотация: Целью работы является обобщение имеющегося опыта развития Донецкой Народной Республики в разрезе формирования и совершенствования административно-территориального устройства. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: обобщен существующий опыт административно-территориального деления, выделены наиболее характерные черты возможных трансформаций, обоснована необходимость скорейшей имплементации федерального законодательства в текущую деятельность государственных органов управления и органов местного самоуправления. В ходе исследования применялись общенаучные методы: логический, сравнительный, описательный, картографический и метод аналогий. Научная новизна полученных результатов заключается в выявлении закономерностей трансформации схемы и структуры административно-территориального обустройства в конкретно-исторических условиях; установлении причинно-следственных связей между преобразованиями в общественном производстве и изменениями в территориальном развитии; разграничении отдельных групп экономических интересов, порождающих противоречия в общественных отношениях; выявлении факторов концентрации объектов общественного производства на отдельных территориях; визуализации результатов изменений в административных границах и структуре административно-территориальных образований при помощи карт. В статье изложена хронология преобразований в структуре административно-территориальных единиц за более чем 100 лет существования Донбасса в новейшей истории. Советский период (1917–1991 гг.) охарактеризован через изменения административных границ и структуры административно-территориальных образований. Украинский период (1991–2014 гг.) показан через усиление тенденции к росту напряженности между органами местного самоуправления и центральными органами власти и управления. Период государственности (2014–2022 гг.) охарактеризован как выполнение подготовительной работы, предшествовавшей вхождению Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации.

Ключевые слова: административно-территориальное устройство, административные границы, городская агломерация, мегаполис, муниципальное обустройство, территория, территориальное развитие

Цитирование: Василенко В. Н., Василенко Д. В. Метаморфозы административно-территориального устройства в границах современной Донецкой Народной Республики. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 284–294. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-284-294>

Поступила 23.11.2023. Принята после рецензирования 25.03.2024. Принята в печать 01.04.2024.

full article

Metamorphoses of the Administrative-Territorial Structure of the Donetsk People's Republic Modern Territory

Valeriy N. Vasilenko

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Michael Tugan-Baranovsky, Russia, Donetsk
eLibrary Author SPIN: 1025-7383
bulava1953@mail.ru

Dmitriy V. Vasilenko

Donetsk Academy of Management and Public Administration,
Russia, Donetsk
eLibrary Author SPIN: 1510-0738

Abstract: The purpose of the article is to summarize the existing development experience of the Donetsk People's Republic in the context of the administrative and territorial structure's formation and improvement. The authors summarize the existing experience of administrative and territorial division, highlight the most characteristic features of possible transformations, and substantiate the need for early implementation of federal legislation into the current activities of state and local government bodies using logical, comparative, descriptive, and cartographic methods, as well as the method of analogies. The article identifies patterns of the administrative-territorial arrangement transformation in specific historical conditions, establishes cause-and-effect relationships between transformations in social production and changes in territorial development, distinguishes individual economic interest groups that generate contradictions in public relations, identifies the concentration factors for public production facilities in certain territories, visualizes the results of administrative boundaries administrative-territorial entities' structure changes using maps. The article describes the chronology of transformations in the structure of administrative-territorial units over more than 100 years of Donbass's existence in modern history. The Soviet period (1917–1991) is characterized by changes in administrative boundaries and the structure of administrative-territorial entities. The Ukrainian period (1991–2014) is distinguished by the intensified tension between local governments and central authorities, management. The period of statehood (2014–2022) is characterized by the completion of preparatory work preceding the entry of the Donetsk People's Republic into the Russian Federation.

Keywords: administrative-territorial structure, administrative boundaries, urban agglomeration, megapolis, municipal arrangement, territory, territorial development

Citation: Vasilenko V. N., Vasilenko D. V. Metamorphoses of the Administrative-Territorial Structure of the Donetsk People's Republic Modern Territory. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 284–294. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-284-294>

Received 23 Nov 2023. Accepted after peer review 25 Mar 2024. Accepted for publication 1 Apr 2024.

Введение

Территориальное развитие в первую очередь происходит за счет изменений в количестве и качестве населенных пунктов. Имеется в виду как исчезновение старых «неперспективных» населенных пунктов, так и возникновение новых поселений, а также укрупнение размеров существующих населенных пунктов под влиянием территориального и отраслевого разделения труда за счет концентрации производства и населения [1; 2]. С этой точки зрения представляется весьма интересным рассмотрение некоторых метаморфоз в развитии административно-территориальных образований на территории современной Донецкой Народной Республики (ДНР).

30 сентября 2022 г. ДНР была принята в состав Российской Федерации. Основаниями для этого стали:

1. Декларация о суверенитете ДНР от 7 апреля 2014 г., Акт о провозглашении государственной самостоятельности ДНР от 7 апреля 2014 г. и результаты референдума, состоявшегося в ДНР 11 мая 2014 г.
2. Результаты референдума, состоявшегося в ДНР 27 сентября 2022 г., на котором подавляющим большинством населения был поддержан вопрос о вхождении ДНР в состав Российской Федерации на правах субъекта РФ.
3. Предложение ДНР о ее принятии в состав РФ.
4. Договор между РФ и ДНР о ее принятии в состав РФ в качестве нового субъекта.

5. Федеральный конституционный закон № 5-ФКЗ от 4 октября 2022 г. «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики»¹.

Вхождение в состав России актуализировало вопросы о том, как и какими способами принятие субъекта унитарного государства в федеративное государство может быть обеспечено с учетом существующих отличительных черт как вертикали, так и горизонтали властных отношений. Права и обязанности в унитарном государстве существенно отличаются от прав и обязанностей в федеративном. В общих чертах такие нюансы находятся в плоскости, с одной стороны, отношений *центр – регионы* [3], когда присутствует разная субъектность (полномочия) органов местного самоуправления, а с другой – административно-территориального устройства, когда существующие границы деления самым непосредственным образом влияют на возможности формирования местных бюджетов. Взаимодействие между 27 субъектами унитарного государства [4] и взаимодействие между сотней субъектов федеративного государства существенно различается [5].

Принятие ДНР в состав РФ побуждает необходимость поиска наиболее рациональных шагов, при помощи которых должна обеспечиваться реальная возможность минимизировать материальные и моральные издержки интеграции в условия территориального развития, принятые и реализуемые в России, но с учетом собственного опыта. Сопряжено это с наследием

1. Раннего этапа территориального развития (начиная с середины XVII в. и до 1917 г.), когда административно-территориальное устройство Донбасса только начиналось и во многом копировало существовавшую в то время практику управления окраинными землями.

2. Советского периода развития (1917–1991 гг.), когда и отношения по вертикали власти (управления), и условия территориального развития задавались директивно и строго обеспечивались существовавшими мерами как в управлении или финансовом отношении, так и посредством контроля.

3. Периода развития украинской независимости (1991–2014 гг.), когда отношения по вертикали власти (управления) формально декларировались как децентрализованные и строились по трехуровневой схеме *государство – область – район*. Однако

фактически финансовые ресурсы чрезмерно концентрировались на государственном уровне, отношения становились более централизованными и, по меткому выражению академика В. К. Макутова охарактеризованы стремлением к «центропутии» [6].

4. Военного периода (с 2014 г. по настоящее время), когда отношения были сконцентрированы лишь на государственном уровне, а на низовом обеспечивались посредством назначения глав администраций на местном уровне (из-за отсутствия законодательной базы) и распределения финансовых ресурсов ручным способом.

Тем самым метаморфозы административно-территориального устройства ДНР (Донецкой губернии, Сталинской, Донецкой области) в полной мере отразились не только на современном состоянии, но и, скорее всего, отразятся на возможностях ее территориального развития после вхождения в состав Российской Федерации.

Свои отпечатки на состояние и характер изменений в административно-территориальном обустройстве наложили: 1) достаточно продолжительный период пребывания Донбасса в составе Российской империи (более 200 лет); 2) нахождение Донецкой области в составе советского государства (более 70 лет); 3) краткий период пребывания в составе украинской государственности (почти 23 года); 4) совсем небольшой по историческим меркам период государственной независимости (чуть более 8 лет до вхождения в состав РФ). За это время вопросам административно-территориального обустройства как в научном сообществе самого Донбасса, так и относительно Донбасса уделялось недостаточно внимания. Лишь в начале 2000-х гг., после предпринятой попытки реформирования вертикали украинской власти (в т. ч. децентрализации властных полномочий), эту проблему стали пристально изучать. Как ученые-теоретики, так и практики начали чаще рассматривать административно-территориальное устройство в своих работах.

Можно выделить несколько публикаций, в которых проблемы территориального развития рассмотрены под разными углами. Так, Н. В. Осадчая и О. В. Галясовская проявили свой интерес к поэтапной реализации реформы местного самоуправления на Украине с упором на финансовую деятельность и усиление контроля со стороны органов местного самоуправления, чтобы обеспечивать эффективное выполнение передаваемых полномочий в рамках проводимой

¹ О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики. Федеральный конституционный закон № 5-ФКЗ от 04.10.2022 (ред. от 25.12.2023). СПС КонсультантПлюс.

децентрализации власти [7]. Я. Ю. Белоус акцентировала внимание на необходимости определения форм государственной поддержки формирования и развития территориальных общин, достижения более рационального соотношения в распределении полномочий между органами местного самоуправления и местными органами исполнительной власти [8]. В работе С. Г. Батажок излагалась идея применения более современной модели финансирования местных бюджетов и межбюджетных отношений, при которой бюджетная децентрализация должна способствовать повышению финансовой достаточности местных бюджетов [9]. В работе В. И. Захарченко объясняются теоретические основы финансовой децентрализации и устойчивого развития территорий, проанализированы основные меры финансовой децентрализации на Украине, при этом сделан акцент на перераспределении полномочий и финансовых ресурсов между центром и территориями [10]. В то же время Т. Ю. Гусаков рассматривал эволюцию административно-территориального устройства на Украине через систематизацию опыта реформирования и выявления сильных и слабых сторон территориальной реформы на Украине [11]. Наконец, Е. А. Слинько и В. И. Капустин в своей статье рассмотрели вопросы территориальной организации местного самоуправления и промежуточные итоги децентрализации на Украине, а также перспективы реформирования местного самоуправления [12].

Анализ литературных источников свидетельствует о слабо изложенном ретроспективном ракурсе, поскольку существующий опыт преобразований в административно-территориальном устройстве региона, влияющих на его территориальное развитие недостаточно обобщен. В связи с этим в данной статье восполняется этот пробел.

Методы и материалы

В статье применены логический, сравнительный, описательный и картографический (ввиду громоздкости административные карты непосредственно в статье не представлены) методы, а также метод аналогий при описании отдельных событий. В качестве информационной базы исследования использованы некоторые факты, которые в перспективе позволят определить оптимальную модель управления и территориального развития Донецкой Народной Республики.

Результаты

До середины XVII в. территория ДНР была слабо заселена. Эти земли были частью Дикого поля. После их присоединения к Российской империи донецкие земли были административно включены в Новороссийскую губернию и состояли из 12 уездов. Позднее эти территории вошли в Екатеринославскую губернию и состояли из 9 уездов и 265 волостей, а также области Войска Донского. Активное освоение этого региона началось в XIX в.: именно в это время Донбасс стал одним из промышленных центров России. Этот период можно охарактеризовать как период поиска приемлемой модели административно-территориального устройства, обеспечивающей эффективное управление политическими, экономическими и социальными процессами на Донбассе.

Наибольший интерес вызывают процессы по административно-территориальному делению в период становления и укрепления Советского Союза и его распада, поскольку именно в это время наблюдались наиболее частые случаи изменения структуры административно-территориального деления.

В начале 1920-х гг. (еще до образования СССР) провели реформу административно-территориального устройства государства. В это время была образована Донецкая губерния, центром которой сначала стал город Луганск², а 12 октября этого же года центр губернии был перенесен в город Бахмут.

В административно-территориальном отношении, например, в 1923 г. губерния состояла из 8 уездов и 299 волостей, на ее территории насчитывалось 445 городских и 3128 сельских поселений. В марте этого же года началась очередная территориальная реформа: в Донецкой губернии были созданы 7 округов и 78 районов. К концу 1924 г. определились более четкие очертания административных границ между губерниями: два округа (Шахтинский и Таганрогский) вошли в состав РСФСР.

Уже к концу 1925 г. этот этап административно-территориальной реформы завершился. Он коснулся изменений в вертикали властных отношений: из четырехуровневой системы управления (центр – губерния – уезд – волость) был осуществлен переход к трехуровневой системе (центр – округ – район). Такая территориальная схема не только выглядела визуально сложной, но и весьма тяжелой в управлении. Позднее, в 1930 г., округа были ликвидированы, и территория Донбасса была разделена на 12 городских советов и 23 сельских района с непосредственным подчинением центру (Киеву). Пятнадцать лет

² Постановление СНК РСФСР об определении границ Донецкой губернии от 16.03.1920. *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 19. Оп. 1. Д. 355. Л. 2–2 об.

непрерывных преобразований административно-территориального устройства Донбасса привели к пониманию необходимости создания более современного административного образования – было принято решение о создании Донецкой области.

Донецкая область была создана 5 июля 1932 г. путем слияния 5 округов УССР: Артемовского, Луганского, Мариупольского, Сталинского и Старобельского. На момент создания новая область стала самой крупной областью Украинской ССР не только по размерам территории, но и по численности населения. Управление такой огромной областью в условиях коммуникаций того времени было непростым, и Донецкая область в своих первоначальных границах просуществовала недолго. Всего через 6 лет на ее базе созданы две самостоятельные области – Сталинская и Ворошиловградская.

Сталинская область была создана 3 июня 1938 г. решением высшего исполнительного органа СССР, Президиумом Верховного Совета. Под таким названием область просуществовала до 9 ноября 1961 г., когда уже указом Президиума ВС Украинской ССР ее переименовали в Донецкую область, а город Сталино – в Донецк. Следует подчеркнуть, что на конец 1939 г. численность населения в Сталинской области составляла около 3,2 млн человек.

В послевоенные годы восстановление национальной экономики сопровождалось возникновением новых населенных пунктов и укрупнением старых. Например, в 1946 г. в Сталинской области насчитывалось 28 крупных городов (11 из которых имели статус областного подчинения) и 26 сельских районов с 94 поселками (возникшими вокруг новых угольных шахт или крупных промышленных предприятий) и 1756 селами.

На момент заката Советского Союза в Донецкой области насчитывалось уже 49 городов, 18 сельских районов, 139 поселков городского типа, около 1500 небольших населенных пунктов – результаты урбанизации были очевидны. Численность явочного населения к тому моменту составляла более 4,9 млн человек. К этому времени в границах области сформировались очертания нескольких городских агломераций, таких как Донецко-Макеевская, Горловско-Енакиевская, Славянско-Краматорско-Константиновская, Шахтерско-Торезо-Снежнянская, рядом с которыми достаточно успешно сосуществовали поселки городского типа и сельские населенные пункты. Именно урбанизация населенных пунктов [13; 14] превратилась в один из основных факторов, влияющих на возможности территориального развития в масштабах не только Донецкой области, но и всего Донбасса.

Следует подчеркнуть, что основным принципом административно-территориального деления в советское время являлось правило управляемости первичными партийными организациями, которые выступали ядрами, проводниками внутренней политики коммунистической партии. Численность первичных (низовых) партийных организаций определяла выбор схемы территориального управления и размеры в первую очередь районов. Собственно в советское время сложилась трехуровневая структура управления (центр – область – район / город), которая просуществовала в области в неизменном виде более 80 лет.

Таким образом, в советский период территориального развития Донецкой области наблюдались активные процессы не только реформирования системы управления обществом посредством поиска наиболее приемлемой модели административно-территориального деления, но также и урбанизации, т.е. качественного роста городских поселений. Этому способствовали высокие темпы развития промышленности, особенно угольной отрасли, что обеспечило существенные подвижки административно-территориальной структуры как в количественном, так и в качественном отношении. В этот период за счет исчезновения неперспективных сел, расположенных в ареале промышленных городов, значительно уменьшилось количество сельских населенных пунктов; за счет превращения сел в поселки, особенно на территориях, где строились новые шахты, а также за счет появления новых городов, таких как Донское, Ждановка, Кировское, Новый Свет, Угледар и др., выросло количество городских поселений [15].

В советское время Донецкая область превратилась в одну из наиболее индустриально развитых областей УССР с четко выраженным комплексом горнодобывающей промышленности (подземная добыча угля и его обогащение) и металлургической, машиностроительной, химической, строительной индустриями, мощной энергетикой. Более 20 % ВВП УССР приходилось на долю Донецкой области. По плотности железных дорог область занимала 1 место в Советском Союзе (61,1 км на 1000 км²).

Период пребывания Донецкой области в украинской государственности можно охарактеризовать как достаточно противоречивый и непоследовательный. Предпринимаемые меры упорядочения отношений и по вертикали, и по горизонтали властных полномочий носили неполноценный и во многом недостаточно продуманный характер, что порождало почти антагонистические противоречия. Например, сразу же после «получения» независимости (которая

просто «свалилась с неба») в украинском истеблишменте началась борьба за рычаги власти. При поиске баланса полномочий между центральной и местной властями основной фокус внимания государственных деятелей и политики пытались сконцентрировать преимущественно на отношениях между центром и регионами. Это было сопряжено с тем обстоятельством, что само государство включало территории, населенные людьми, разными по своим историческим, культурным и ментальным традициям. С одной стороны, представители социумов этих территорий стремились по максимуму показать свою лояльность и приверженность новому государственному образованию, а с другой – засвидетельствовать свое почтение местным территориальным сообществам, от имени которых они стали заниматься государственными делами. К сожалению, в пылу борьбы за власть приоритет был смещен на усиление исполнительной вертикали власти, а не на развитие местного самоуправления. Тем самым появлялись реальные рычаги для реализации личных интересов «слугами народа».

Однако наличие значительных диспропорций между административно-территориальными единицами одного уровня (область – область, район – район); диффузия отдельных территориальных образований в другие, которая нарушала целостность территорий административно-территориальных единиц (когда внешние границы отдельного города глубоко вклинивались в территорию другого города); неспособность государства финансировать в полном объеме делегированные полномочия и неспособность органов местного самоуправления в полном объеме наполнять местные бюджеты все сильнее усугубляли проблемы, сопряженные с территориальным развитием. Особенно болезненно данные процессы отразились на Донецкой области.

Несостоятельность принимаемых мер по решению вопросов территориального развития на государственном уровне отразилась на ходе парламентских выборов в 2002 г. и президентских выборов в 2004 г. Еще с большим энтузиазмом «слуги народа» взялись за решение не только вопросов кому и как должна подчиняться вертикаль исполнительной власти (президенту или премьер-министру), но и за разделение портфелей (министерств, комитетов и др.), позволяющих обеспечить себе возможность получения доступа к источникам обогащения.

В итоге возможная реформа местного самоуправления отошла на второй план, уступив дискуссиям о распределении полномочий между президентом, парламентом и правительством в центре. Становилось все более очевидным, что усиление

напряженности между центральными органами власти и органами местного самоуправления, а также отдельными регионами не приведет ни к чему хорошему, что подтвердилось в 2014 г. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на борьбу между различными кланами в системе вертикали государственного управления (днепропетровскими, донецкими, галицкими и др.), население Донецкой области по-прежнему оставалось сторонником сближения хозяйственных, политических, семейных связей с большой Россией.

На момент начала военной агрессии киевского режима против Донбасса на территории Донецкой области насчитывалось 52 города (из них 28 городов областного подчинения и 18 сельских районов). Численность населения составляла немногим более 4,2 млн человек. Таким образом, структурно административно-территориальное устройство области практически не изменилось с 1946 г., за исключением качественного и количественного роста городов, что обуславливалось масштабами промышленного производства и его отраслевой специализацией.

На результаты территориального развития Донецкой области в этот период в большей мере повлияли результаты общественно-политических процессов, происходивших в центре, нежели экономические и социальные подвижки, протекающие на местах, за исключением, возможно, негативных последствий массовой ликвидации угольных шахт. Административно-территориальные образования в области (даже те, что имели относительно высокий статус) все больше превращались в периферийные поселения, постепенно теряя не только былую привлекательность индустриальных городов и поселков, но и внутреннее содержание: жилищно-коммунальное хозяйство приходило в критическое состояние, дороги превращались в «полигоны» по испытанию автотранспорта и т. п. Наблюдался кризис в территориальном развитии, перспектив выхода из которого в ближайшие годы не предвиделось.

Апрель 2014 г. кардинально изменил ситуацию в территориальном развитии Донецкой области: 7 числа (на православный праздник Благовещения Пресвятой Богородицы) в Донецке была принята Декларация о независимости, а в Киеве утвердили решение о проведении «антитеррористической операции» (уже через неделю первые бронированные части Вооруженных сил Украины стали входить на территорию области). Ситуация с территориальным развитием вышла из-под контроля. Начались деструктивные процессы, следствием которых стало разделение области на две части. Так, две трети довоенной территории области

(15 городов областного подчинения и 13 сельских районов) перешли под контроль киевского режима, а одна треть (13 городов областного подчинения и 5 сельских районов) осталась под контролем ДНР. Такие пропорции деления наложили свой отпечаток на отношения, связанные с территориальным развитием в республике: была сформирована лишь одна горизонталь государственного управления – высшая, на низовом же уровне как исполнительные органы местного самоуправления выступали местные администрации.

Руководство ДНР (Глава, Народный Совет и Совет Министров ДНР) приступило к формированию нормативной и правовой базы развития независимого государства. В первую очередь это касалось защиты населения от военных действий, во вторую – сохранения его качества жизни на определенном уровне, в третью – предупреждения и преодоления возникающих противоречий в экономических интересах групп населения. Это непосредственно сказывалось на условиях территориального развития, улучшение которых не представлялось возможным в одиночку, особенно на фоне «вымирания» небольших населенных пунктов, а также немотивированных артиллерийских обстрелов.

Выход был только один – возвращение в состав Российской Федерации. Однако для этого было необходимо выполнить подготовительную работу, создать необходимую материальную, экономическую и социальную базы для территориального развития. Было осуществлено объединение г. Шахтерск с одноименным сельским районом, что позволило сконцентрировать материальные, трудовые и финансовые ресурсы для решения текущих задач. В марте 2022 г. территориальная община Розовского района Запорожской области (ликвидированного киевским режимом в результате проводимой территориальной реформы) обратилась с просьбой включить район в состав ДНР. Однако положительного решения по этому вопросу принято не было. Остальные административно-территориальные единицы сохранили свои границы и статус.

На текущий момент в ДНР (без территорий, оккупированных киевским режимом) проживает около 3 млн человек, из них более 2,7 млн – жители городской местности, около 300 тыс. – жители сельской местности. Тем самым доля городского населения составляет порядка 90 %. В республике очень высокая плотность населения, что обусловлено расположенными на ее территории тремя

крупными городскими агломерациями (Донецко-Макеевской, Горловско-Енакиевской, Шахтерско-Торезо-Снежнянской). К числу наиболее крупных городов относятся Донецк, Макеевка, Горловка, Енакиево, Шахтерск, Торез, Снежное, Харцызск и др. По своим внешним очертаниям сеть городских поселений (с примыкающими к ним поселками городского типа) в полной мере напоминает своеобразный мегаполис [6; 16; 17], внутри которого расстояние между границами поселений измеряется даже не километрами, а несколькими сотнями метров [18–20].

Например, в настоящее время в ареале Донецко-Макеевской городской агломерации состоят города Донецк, Макеевка, Харцызск, Ясиноватая, Иловайск, Зугрэс и Моспино. Также здесь находится ряд поселков и сел под юрисдикцией Донецкой (пгт Ларино, Горбачево-Михайловка и Новый Свет, п. Старомихайловка, Александровка и др.), Макеевской (пгт Грузско-Зорянское, Межевое, Маяк, Пятиполье, Свердловло, Ясиновка, Криничная, Нижняя Крынка и др.), Харцызской (пгт Войково, Шахтное, Широкое и др.) городских администраций.

Отличительные черты Донецко-Макеевской городской агломерации: разветвленная сеть автомагистралей и железнодорожного сообщения, что способствует относительно быстрому перемещению населения между населенными пунктами; большая протяженность линий электропередач, газопроводов, водопроводов и канализационных стоков, обеспечивающая формирование достаточно комфортных условий для жизни людей.

Население, проживающее на территории Донецко-Макеевской городской агломерации (более 1,6 млн человек³), постоянно сталкивается с проблемами, связанными с устареванием транспортной инфраструктуры (снижается качество дорожного полотна; ветшает транспортный парк, особенно маршрутки), несовершенством логистических схем перемещения ресурсов (товаров и людей), уменьшением площадей зеленых насаждений, утилизацией твердых бытовых отходов, переработкой промышленных отходов (в т.ч. очисткой шламоотстойников) и др., решение которых не представляется возможным без консолидированных усилий как органов местного самоуправления, так и населения.

В настоящее время территория республики в действующих границах визуально может быть поделена на две части: северную (городскую) и южную (сельскую). В северной части преобладают городские

³ Донецко-Макеевская промышленная агломерация. 15.12.2013. URL: https://www.yaneuch.ru/cat_110/doneckomakeevskaya-promyshlennaya-aglomeraciya/362958.2562895.page1.html (дата обращения: 21.03.2023).

поселения, а в южной – сельские населенные пункты. После вхождения ДНР в состав РФ указами Главы ДНР на протяжении 2014 г. был осуществлен переход на муниципальное устройство в административно-территориальном делении: созданы 12 городских округов (11 городских округов в действующих границах) и 18 муниципальных округов (11 муниципальных округов в действующих границах) [21–23].

Прошлый опыт и действующая практика подсказывают, что за этими преобразованиями последуют другие. Тем более что при таком делении территорию всей ДНР можно представить как один большой мегагород – Донецкий мегаполис, но не виртуальный, а вполне реальный [24–27]. С большой долей уверенности можно предположить, что данное обстоятельство будет способствовать поиску и адаптации на практике более современных методов и способов управления экономическими, социальными и политическими процессами.

На сегодняшний день первоочередной задачей органов государственного управления республики становится имплементация федеральных стратегических и концептуальных документов по вопросам регионального и муниципального управления, определяющих приоритеты государственной политики в сфере развития регионов и муниципальных образований на региональном и местном уровнях. В таблице⁴ приведены названия этих документов и их краткое описание.

Возвращение на историческую родину и принятие ДНР в состав РФ, а также переход на муниципальное устройство административно-территориального деления обуславливает необходимость создания территориальных органов федеральной исполнительной власти и органов местного самоуправления. По мнению авторов, создание территориальных органов федеральной исполнительной власти позволит наладить и усилить вертикальные властные отношения между федеральным и региональным уровнями власти. Создание органов местного самоуправления гарантирует усиление горизонтальной ветви власти и приближение местной власти к населению путем обеспечения максимально возможного удовлетворения существующих общественных политических, экономических и социальных интересов: и территориальных (региональных, муниципальных), и коллективных (групповых, корпоративных).

Заключение

Описанные в статье метаморфозы административно-территориального устройства свидетельствуют о достаточно сложной природе решения накопленных проблем территориального развития Донецкой Народной Республики (Донецкой губернии, Сталинской области, Донецкой области). Выполненная ретроспектива изменений, происходивших в административно-территориальном устройстве, позволяет сделать ряд общих выводов относительно:

1. Административных границ области, не отличавшихся постоянством из-за растущей сложности оперативного управления экономическими, социальными и политическими процессами, транспортной обеспеченности, существующей сети дорог (автомобильных и железнодорожных), пределы которых во многом зависели от возможностей органов государственного управления принимать эффективные решения, позволявшие в наиболее полной мере реализовывать перспективные и текущие задачи территориального развития.

2. Количественного состава административно-территориальных единиц и их наименований, начиная с губернии, уезда и волости и заканчивая республикой, городскими и муниципальными округами, когда под воздействием в большей мере политических процессов и нарастания общественных противоречий возросла необходимость поиска наиболее приемлемой модели управления территориальным развитием.

3. Факторов территориального и отраслевого разделения труда: появление населенных пунктов, как правило, обуславливалось потребностями общественного производства, а строительство новых шахт, заводов, электростанций требовало значительного притока рабочей силы и строительства для работников жилья, поэтому возникала объективная необходимость в концентрации материальных и трудовых ресурсов на отдельной территории. В то же время истощение природных ресурсов провоцировало исчезновение старых поселений.

4. Возможностей реализации существующих территориальных (региональных, муниципальных) и коллективных (групповых, корпоративных) экономических интересов не только за счет перераспределения властных полномочий (переход из унитарного государства в федеративное данный

⁴ Сост. по: Перечень федеральных стратегических и концептуальных документов по теме регионального и муниципального управления, определяющих приоритеты государственной политики в сфере развития регионов и муниципальных образований. Комитет Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению. URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/Materialy-po-strategii-razvitiya-regiono/Perechen-federalnyh-strategicheskikh-i-ko> (дата обращения: 21.05.2023).

Табл. Основные федеральные стратегические и концептуальные документы, регулирующие региональное и муниципальное развитие

Tab. Federal strategic and conceptual documents regulating regional and municipal development

Наименование	Краткое содержание
Основные положения государственной политики в области развития местного самоуправления в РФ	Обоснована необходимость создания системы взаимодействия населения, органов местного самоуправления и государственной власти
Основы государственной политики регионального развития до 2025 г.	Определены принципы, цели, приоритетные задачи и механизмы реализации государственной политики регионального развития в РФ
План реализации Основ государственной политики регионального развития до 2025 г.	Обозначены основные мероприятия по реализации Основ государственной политики регионального развития
Стратегия национальной безопасности РФ	Описаны шаги, направленные на развитие национальной экономики, улучшение качества жизни граждан, укрепление политической стабильности в обществе, обеспечение обороны страны, государственной и общественной безопасности, повышение конкурентоспособности и международного престижа РФ
Стратегия экономической безопасности РФ до 2030 г.	Определены вызовы и угрозы экономической безопасности РФ, а также цели, основные направления и задачи государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности
Стратегия экологической безопасности РФ до 2025 г.	Определены вызовы и угрозы экологической безопасности РФ, цели, задачи и механизмы реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности
Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 г.	Определена система современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной национальной политики РФ
План мероприятий по реализации в 2022–2023 гг. Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г.	Органам исполнительной власти субъектов РФ рекомендовано разработать и утвердить региональные планы мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.
Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.	Представлена как документ стратегического планирования, разрабатываемый в рамках целеполагания по территориальному принципу
Государственная программа РФ «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами»	Обозначены цели и задачи программы по устойчивому исполнению бюджетов субъектов РФ и повышению качества управления муниципальными и государственными финансами субъектов РФ
Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. (продолженная до 2024 г. по указу Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.»)	Определены пути и способы обеспечения устойчивого повышения благосостояния граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе в долгосрочной перспективе (2008–2024 гг.)
Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации 2023 г.	Подчеркнута правильность избранного пути развития и необходимость консолидации усилий по решению всех задач экономического и социального развития как страны в целом, так и отдельных территорий

процесс предполагает по умолчанию), но и за счет их финансовой обеспеченности через преодоление существующих общественных противоречий, поднятия жизненных стандартов проживающего населения на данной территории и придание процессам территориального развития цивилизованного характера.

Главная задача для ДНР на текущий момент заключается в том, чтобы как можно быстрее интегрироваться в политическое, экономическое и правовое поле РФ и обеспечить необходимый динамизм территориального развития нового субъекта федерации. Предположительно, по мере достижения поставленных целей вопрос об изменении административно-территориального устройства республики вновь будет поставлен на повестку дня. Такова логика развития территории Донецкой Народной Республики.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: В. Н. Василенко – обоснование концепта исследования, выбор цели, задач и методов исследования, редактирование. Д. В. Василенко – обработка и оформление результатов исследования, написание статьи.

Contribution: V. N. Vasilenko conceptualized the research, established the goals and objectives, selected the research methods, edited the text of the article. D. V. Vasilenko processed and formatted the research results, wrote a draft version of the article.

Литература / References

1. Аханов С. А. Эффективность общественного производства. Три уровня анализа: народнохозяйственный, региональный, хозрасчетный. М.: Мысль, 1987. 165 с. [Akhanov S. A. *Public production efficiency. Three levels of analysis: National economic, regional, self-supporting*. Moscow: Mysl, 1987, 165. (In Russ.)]
2. Brown M. C. Using gini-style indices to evaluate the spatial patterns of health practitioners: Theoretical considerations and an application based on Alberta data. *Social Science & Medicine*, 1994, 38(9): 1243–1256. [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(94\)90189-9](https://doi.org/10.1016/0277-9536(94)90189-9)
3. Туровский Р. Ф. Баланс отношений «центр – регионы» как основа территориально-государственного строительства. *Мировая экономика и международные отношения*. 2003. № 12. С. 54–65. [Turovsky R. F. Balance in "center – regions" relationships as a basis of terrestrial-state construction. *World Economy and International Relations*, 2003, (12): 54–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2003-12-54-65>
4. Лукьянченко А. А., Амитан В. Н. Концепция формирования местных бюджетов на основе принципа распределения полномочий. Донецк: Юго-Восток, 1999. 38 с. [Lukianchenko A. A., Amitan V. N. *The concept of forming local budgets based on the distribution of powers principle*. Donetsk: Iugo-Vostok, 1999, 38. (In Russ.)]
5. Солодухин Ю. Конституционные основы российского федерализма: нерешенные проблемы. *Федерализм*. 2003. № 2. С. 21–36. [Solodukhin Yu. Constitutional foundations of Russian federalism: Unsolved problems. *Federalism*, 2003, (2): 21–36. (In Russ.)]
6. Мамутов В. К. Донецкий мегаполис – стратегия развития. *Проблемы развития современного города: Междунар. науч.-практ семинар. (Донецк, 17 октября 1996 г.)* Донецк: ИЭПИ НАНУ, 1996. С. 3–7. [Mamutov V. K. Donetsk megapolis – development strategy. *Problems of modern city development: Proc. Intern. Sci.-Prac. Seminar, Donetsk, 17 Oct 1996*. Donetsk: IELR NASU, 1996, 3–7. (In Russ.)]
7. Осадчая Н. В., Галясовская О. В. Децентрализация в Украине: тенденции и проблемные аспекты. *Экономический вестник Донбасса*. 2016. № 2. С. 56–64. [Osadchaia N. V., Galiasovskaia O. V. Decentralization in Ukraine: Trends and aspects. *Ekonomicheskii vestnik Donbassa*, 2016, (2): 56–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wrqaхv>
8. Белоус Я. Ю. Проблемы и перспективы развития территориальных громад в Украине. *Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление*. 2017. № 2. С. 91–97. [Belous Ia. Iu. Problems and prospects of territorial communities development in Ukraine. *Proceedings of BSTU, issue 5, Economics and management*, 2017, (2): 91–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymigbf>
9. Батажок С. Г. Бюджетно-фінансова децентралізація як фактор зміцнення місцевого самоврядування в Україні. *Формування ринкових відносин в Україні*. 2018. № 7-8. С. 36–45. [Batazhok S. G. Budget-financial decentralization as a factor of strengthening local self-government in Ukraine. *Formuvannâ rinkovih відносин v Ukraini*, 2018, (7-8): 36–45. (In Ukr.)] <https://www.elibrary.ru/ypwсsl>

10. Захарченко В. И. Аналіз заходів із фінансової децентралізації у контексті сталого розвитку територій. *Формування ринкових відносин в Україні*. 2018. № 12. С. 98–108. [Zakharchenko V. I. Analysis of measures for financial decentralization in the context sustainable development of territories. *Formuvannâ rinkovih vidnosin v Ukraïni*, 2018, (12): 98–108. (In Ukr.)] <https://www.elibrary.ru/yuhmsl>
11. Гусаков Т. Ю. Муниципальная реформа 2015 года в Украине: реализация и первые итоги. *Крестьяноведение*. 2019. Т. 4. № 2. С. 138–159. [Gusakov T. Yu. Municipal reform of 2015 in Ukraine: Implementation and first results. *Russian Peasant Studies*, 2019, 4(2): 138–159. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-2-138-159>
12. Слинко Е. А., Капустин В. И. Реформа местного самоуправления на Украине: промежуточные итоги децентрализации. *Регион: системы, экономика, управление*. 2020. № 2. С. 150–156. [Slinko E. A., Kapustin V. I. *Local government reform in Ukraine: interim results of decentralization. Region: systems, economics, management*, 2020, (2): 150–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yewjwm>
13. Лукьянченко А. А. Транспортные структуры хозяйства многоотраслевых городов. *Государство и регионы. Серия: Экономика и предприятие*. 2002. № 2. С. 4–19. [Lukianchenko A. A. Transport structures of the diversified cities economy. *Gosudarstvo i regiony. Seriya: Ekonomika i predpriiatie*, 2002, (2): 4–19. (In Russ.)]
14. Gabaix X., Ioannides Y. M. The evolution of city size distributions. *Handbook of Regional and Urban Economics*, eds. Henderson J. V., Thisse J.-F. Elsevier, 2004, vol. 4, 2341–2378. [https://doi.org/10.1016/S1574-0080\(04\)80010-5](https://doi.org/10.1016/S1574-0080(04)80010-5)
15. Любимцева С. В. Трансформация экономических систем. М: Экономистъ, 2003. 443 с. [Lyubimtseva S. V. *Economic systems transformation*. Moscow: Ekonomist, 2003, 443. (In Russ.)]
16. Ciccone A. Agglomeration effects in Europe. *European Economic Review*, 2002, 46(2): 213–227.
17. Ostrom E. Metropolitan reform: Propositions derived from two traditions. *Social Science Quarterly*, 1972, 53(3): 474–493.
18. Krugman P. Space: The final frontier. *Journal of Economic Perspectives*, 1998, 12(2): 161–174. <https://doi.org/10.1257/jep.12.2.161>
19. Лексин В., Швецов А. Бюджетный федерализм: диалектика централизации и децентрализации. *Российский экономический журнал*. 2002. № 7. С. 53–77. [Leksin V., Shvetsov A. Fiscal federalism: The dialectic of centralization and decentralization. *Russian Economic Journal*, 2002, (7): 53–77. (In Russ.)]
20. Corrado L., Fingleton B. Where is the economics in spatial econometrics? *Journal of Regional Science*, 2012, 52(2): 210–239. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.2011.00726.x>
21. Кузнецова О. В., Лавров А. М. Территориальное перераспределение бюджетных ресурсов: сравнительный анализ моделей бюджетного федерализма. *Регион: Экономика и Социология*. 1996. № 3. С. 21–39. [Kuznetsova O. V., Lavrov A. M. Territorial redistribution of the budget: A comparative analysis of the models of budget federalism. *Region: Economics and Sociology*, 1996, (3): 21–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wejwjd>
22. Василенко В. Н. Распределение компетенций (полномочий) между органами государственной власти и органами местного самоуправления. *Региональное (областное) самоуправление*. Донецк: ИЭПИ НАНУ, 2005. С. 60–87. [Vasilenko V. N. Distribution of competence (powers) between state authorities and local self-government bodies. *Regional self-government*. Donetsk: IESPA NASU, 2005, 60–87. (In Russ.)]
23. Мамутов В. К. Глядя из Донбасса. Донецк: Юго-Восток, 2007. 267 с. [Mamutov V. K. *Looking from Donbass*. Donetsk: Iugo-Vostok, 2007, 267. (In Russ.)]
24. Богачев С. В., Мельникова М. В., Лукьянченко А. А. Проблемы теории и практики развития городской хозяйственной системы. Донецк: Юго-Восток, 2006. 381 с. [Bogachev S. V., Melnikova M. V., Lukianchenko A. A. *Problems of urban economic system development theory and practice*. Donetsk: Iugo-Vostok, 2006, 381. (In Russ.)]
25. Василенко В. Н. Мысли вслух, или разговор на заданную тему. Донецк: ИП Кириенко С. Г., 2023. 134 с. [Vasilenko V. N. *Thoughts aloud, or a conversation on a given topic*. Donetsk: IP Kirienko S. G., 2023, 134. (In Russ.)]
26. Василенко Д. В. Стратегические приоритеты территориального развития: от поиска до воплощения. М.: БукиВеди, 2019. 368 с. [Vasilenko D. V. *Strategic priorities of territorial development: From search to implementation*. Moscow: BukiVedi, 2019, 368. (In Russ.)]
27. Пяткова Н. П. Государственная политика территориального развития: проблемы и пути решения. Луганск: Ноулидж, 2020. 308 с. [Piatkova N. P. *State policy of territorial development: Problems and solutions*. Lugansk: Noulidzh, 2020, 308. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fuobbv>

Самообеспеченность и доступность продовольствия в новом субъекте Российской Федерации: состояние и перспективы

Котов Евгений Валериевич

Донецкая академия управления и государственной службы,
Россия, Донецк

eLibrary Author SPIN: 3723-1631

<https://orcid.org/0000-0002-0926-3072>

kotovev@mail.ru

Савченко Ольга Юрьевна

Донецкая академия управления и государственной службы,
Россия, Донецк

eLibrary Author SPIN: 7244-0860

<https://orcid.org/0000-0002-7455-6429>

Аннотация: Анализ и оценка состояния продовольственной безопасности преимущественно ориентированы на макроэкономический уровень, несмотря на то что ее основные показатели изначально формируются на региональном уровне. Развитие новых субъектов Российской Федерации в условиях постоянного риска активной фазы боевых действий является основной причиной актуализации системного и постоянного мониторинга состояния самообеспеченности основными продуктами питания, физической и экономической доступности продовольствия для населения. Цель исследования – оценить состояние и перспективы самообеспеченности и доступности продовольствия на примере Донецкой Народной Республики. В статье рассмотрены структура и элементы продовольственной безопасности, согласно Доктрине продовольственной безопасности России, а также проведен анализ состояния обеспечения ее основных параметров на территории Донецкой Народной Республики. Выполнен расчет уровня самообеспеченности основными продуктами питания жителей Донецкой Народной Республики; определен уровень обеспеченности населения продукцией сельского хозяйства и уровень его переработки относительно норм потребления, утвержденных на территории Донецкой Народной Республики. Уровень экономической доступности продуктов питания проанализирован с помощью компаративного метода. В основу сравнения положены показатели минимального уровня доходов людей и стоимости продуктов питания потребительской корзины согласно минимальным нормам потребления для каждой категории населения. Рассмотрена динамика стоимости потребительской корзины по демографическим группам за 2015–2023 гг. Сделан вывод, что важным условием достижения продовольственной безопасности является повышение уровня доходов населения. На основе экспертного опроса и метода *мозгового штурма* разработана матрица оперативности реагирования на проблемы и уровень их последствий по отношению к целевым показателям, определяющим эффективность реализации механизмов государственного управления обеспечением продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственная независимость, самообеспеченность, экономическая доступность, физическая доступность, потребительская корзина

Цитирование: Котов Е. В., Савченко О. Ю. Самообеспеченность и доступность продовольствия в новом субъекте Российской Федерации: состояние и перспективы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 295–305. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-295-305>

Поступила в редакцию 27.12.2023. Принята после рецензирования 23.04.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Self-Sufficiency and Availability of Food in a New Subject of the Russian Federation: Status and Prospects

Evgeny V. Kotov

Donetsk Academy of Management and Public Administration,

Russia, Donetsk

eLibrary Author SPIN: 3723-1631

<https://orcid.org/0000-0002-0926-3072>

kotovev@mail.ru

Olga J. Savchenko

Donetsk Academy of Management and Public Administration,

Russia, Donetsk

eLibrary Author SPIN: 7244-0860

<https://orcid.org/0000-0002-7455-6429>

Abstract: The main indicators of food security are initially formed at the regional level while being oriented on the macroeconomy. The new subjects of the Russian Federation have to develop under a constant military threat. This situation makes it important for the state to monitor their self-sufficiency in food products, which must be physically and economically available to the population. The authors assessed the current and prospective sustainability and availability of food in the Donetsk People's Republic. The structure and elements of food security and food supply were analyzed in line with the Doctrine of Food Security of the Russian Federation. The article described the level of self-sufficiency in basic food products, the level of agricultural supply, and the level of processing relative to the consumption standards. The economic accessibility of food products was subjected to the comparative method based on the minimal income level and the cost of living by the minimum consumption standards for each category of population. The cost of the consumer goods basket in 2015-2023 was analyzed demographically. The study proved that food security can be achieved by raising people's income. Based on an expert survey and brainstorming, the authors developed a response matrix to potential risks and their consequences regarding the state administration of food security.

Keywords: food security, food independence, self-sufficiency, economic accessibility, physical accessibility, consumer goods basket

Citation: Kotov E. V., Savchenko O. J. Self-Sufficiency and Availability of Food in a New Subject of the Russian Federation: Status and Prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 295–305. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-295-305>

Received 27 Dec 2023. Accepted after review 23 Apr 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

Продовольственная безопасность в контексте самообеспеченности продуктами питания, их экономической и физической доступности в Донецкой Народной Республике (ДНР, Республика) является важной подсистемой общей системы обеспечения социально-экономической безопасности и отражает уровень социализации государственной экономической политики, что в итоге стимулирует рост доверия к власти со стороны населения.

Ориентация локальной экономической системы на самообеспеченность продуктами питания, их экономическую и физическую доступность является приоритетной задачей, решение которой путем импортозамещения невозможно. В 2015 г. в ДНР необычайно остро стояла проблема поставки продуктов питания для населения, и импорт продовольствия стал вынужденной мерой для удовлетворения потребностей людей в пище. Так как на восстановление нарушенных хозяйственных связей,

производственной инфраструктуры, на возобновление полноценной и бесперебойной работы предприятий пищевой промышленности потребовалось бы значительное количество времени и ресурсов (которых не было), то ввоз продуктов питания из-за границы позволил решить эту проблему быстро и оперативно.

При решении задачи комплексного социально-экономического развития Республики импорт продукции в долгосрочной перспективе не может быть окончательным стратегически верным решением, т.к. оно с высокой долей вероятности способно препятствовать становлению и развитию агропромышленного комплекса (АПК) ДНР. Приоритет импорта над развитием собственной продуктовой промышленной базы несет значительные риски вследствие углубляющейся зависимости от внешних поставок продуктов питания. Необходимо развить механизмы управления, способные решать

перспективные задачи в отрасли и обеспечивать достижение долгосрочных целей, гарантирующих бесперебойные поставки продукции необходимого объема и надлежащего качества на продовольственный рынок, на котором, безусловно, будут присутствовать и импортируемые продукты, но их доля не будет угрозой продуктовой безопасности.

Развитие АПК решает ряд других, не менее важных социально-экономических задач. Во-первых, создает в Республике рабочие места, тем самым снижая общий уровень безработицы и обеспечивая устойчивый доход каждому занятому. Во-вторых, гарантирует достойную оплату труда в сфере АПК и привлекает этим в отрасль дополнительные трудовые ресурсы.

Цель статьи – оценить состояние и перспективы самообеспеченности и доступности продовольствия на примере Донецкой Народной Республики как нового субъекта РФ.

Методы и материалы

Теоретической базой работы стали научные труды ученых, исследующих аналогичную проблему [1–22]; статистическая информация органов исполнительной власти; информационно-аналитические материалы; результаты социологических исследований; нормативная правовая база по изучаемой проблеме; собственные исследования и наблюдения.

Неразвитость системы статистического учета в Республике ограничивает возможности детального анализа исследуемой проблемы. Статистическая информация, предоставляемая Государственной службой статистики Донецкой Народной Республики¹ (ликвидирована в сентябре 2023 г.), ограничивалась несколькими показателями, косвенно затрагивающими поставленные нами вопросы. Сведения сайтов органов исполнительной власти лишь частично удовлетворяли потребность в статистической информации по исследуемой тематике. Поэтому дефицит статистической информации нивелировался принятием к анализу данных, полученных в результате проведения социологических исследований авторами статьи, другими учеными и организациями и в ходе самостоятельных наблюдений. Например, анализ динамики стоимости продовольственной корзины по демографическим группам проведен на основании:

1) мониторинга розничных цен за 2015–2018 гг., который осуществлялся в торговых сетях «Амстор», «Первый республиканский» и на четырех рынках г. Донецк;

2) мониторинга розничных цен за 2019–2023 гг., который осуществлялся в торговых предприятиях г. Донецк;

3) данных, отраженных на официальном сайте Министерства экономического развития ДНР².

В исследовании применялся широкий спектр общенаучных методов: компаративный (сравнительный) анализ, логический анализ и синтез, методы группировок и классификации, метод наблюдений, контент-анализ, дедуктивный метод. Применение указанных методов исследования позволило оценить состояние самообеспеченности продуктами питания и выявить ее особенности в новом субъекте РФ – Донецкой Народной Республике.

Для компенсации дефицита статистической информации в ДНР и получения обоснованной информации для анализа был использован такой научный метод познания, как экспертный опрос. Были опрошены эксперты в сфере АПК, представляющие государственный сектор, реальный сектор экономики (сельскохозяйственные предприятия) и научную сферу.

Результаты

Совокупность взглядов государства на цели, задачи и основные направления в сфере обеспечения своей продовольственной безопасности изложена в Доктрине продовольственной безопасности РФ³, которая была принята в 2020 г. Документ четко обозначил задачи государства в данной сфере:

1. Обеспечение продовольственной независимости через самообеспечение государства основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

2. Гарантирование физической и экономической доступности для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления, необходимых для активного и здорового образа жизни.

Взаимосвязанными элементами продовольственной безопасности, согласно соответствующей Доктрине, являются размеры импорта, возможности экспорта,

¹ Главное управление статистики ДНР. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/org/0026-ministerstvo-ekonomicheskogo-razvitiya-donetskoj-narodnoj-respubliki/0103-glavnoe-upravlenie-statistiki-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 12.02.2023).

² Мониторинг продовольственных товаров. *Министерство экономического развития ДНР*. URL: <https://mer.govdnr.ru/> (дата обращения: 12.09.2023).

³ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ. Указ Президента РФ № 20 от 21.01.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

рациональные нормы потребления, другие нормы и требования, в том числе касающиеся качества продуктов питания (рис. 1) [1, с. 7–13].

Проблема обеспечения продовольственной безопасности носит комплексный характер и включает несколько составляющих:

- 1) самообеспеченность продовольствием;
- 2) безопасность продовольствия – качество продуктов питания, которое может обеспечить отечественный производитель;
- 3) физическая и экономическая доступность продовольствия для населения.

К перечисленным факторам необходимо добавить важный с точки зрения рыночной экономики показатель емкости рынка, отражающий объемы и ассортимент фактического потребления населением продуктов питания и их производства отечественными производителями.

Анализ дефиниций *продовольственная безопасность*, представленных в научной литературе, позволяет выделить как минимум две позиции:

1. Понятие продовольственной безопасности рассматривается с точки зрения физической, экономической и социальной доступности продовольствия необходимого качества [1–4]. При этом продовольственная независимость, зависимость от импорта, самообеспеченность продовольствием не являются важными факторами продовольственной безопасности. Под социальной доступностью продовольствия (понятие которой отсутствует в Доктрине продовольственной безопасности РФ) авторы понимают возможность каждого человека иметь доступ к достаточному количеству продуктов питания для обеспечения здорового

и активного образа жизни независимо от социально-демографической группы населения, пола, национальности и других критериев.

2. Продовольственная безопасность включает в себя широкий спектр элементов: доступность продовольствия необходимого качества, его импортозамещение, продовольственная независимость, самообеспеченность продуктами питания⁴ [5–13]. Данный подход нашел свое отражение в основных нормативных правовых актах по обеспечению продовольственной безопасности.

Можно сделать вывод, что при определенных отличиях проанализированных трактовок продовольственной безопасности принципиальная характеристика сущности этого понятия как стабильного обеспечения населения продуктами питания необходимого количества и качества остается одинаковой. Для новых субъектов РФ самообеспеченность является основным фактором гарантирования продовольственной безопасности по причине военных действий, которые ограничивают возможности завоза (импорта) продукции, полноценного использования сельскохозяйственных земель и разворачивания замкнутого цикла глубокой переработки агропромышленной продукции.

Названные проблемы усиливаются ростом кадрового дефицита в сельском хозяйстве (табл. 1). В сельской местности проживает около 5 % населения ДНР, численность которого на этих территориях устойчиво уменьшается. Снижение затрагивает не просто жителей сельской местности, а именно работников сельскохозяйственных предприятий, что ухудшает возможности оперативного, своевременного, качественного сбора урожая, обработки и хранения

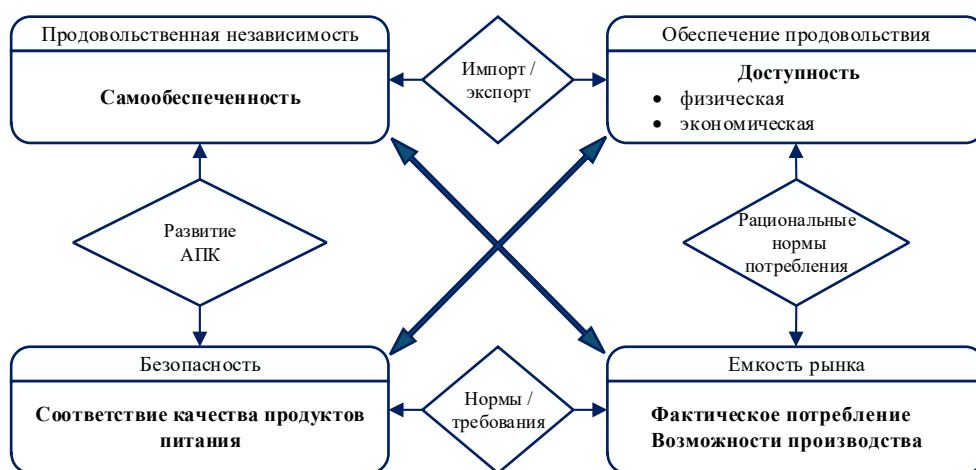

Рис. 1. Структура и элементы продовольственной безопасности
 Fig. 1. Structure and elements of food security

⁴ О продовольственной безопасности России. *Изборский клуб*. 05.09.2013. URL: <https://izborsk-club.ru/1725> (дата обращения: 22.09.2023).

сельскохозяйственной продукции. На фоне сокращения общей численности населения ДНР (за 8 лет – более 5 %, или 100 тыс. человек) динамика убывания сельского населения не отстает, а в отдельные годы даже опережает городское население.

Потенциал самообеспеченности основными продуктами питания в ДНР, согласно нормам минимальной потребительской корзины, представлен в таблице 2. Ее данные наглядно показывают, что самообеспеченность прослеживается только по двум

категориям – *масло подсолнечное* и *мука*, но у последней продовольственной группы есть значительный экспортный потенциал.

Несмотря на высокие показатели самообеспеченности маслом в ДНР, уровень его физической доступности для населения низкий. Связано это с тем, что в ДНР отсутствует линия рафинирования, поэтому производится только нерафинированное масло, которое население приобретает в малых объемах. В производстве майонезов, соусов, кондитерских

Табл. 1. Динамика численности населения ДНР в 2015–2023 гг.

Tab. 1. Population of the Donetsk People's Republic in 2015–2023

Год	Численность наличного населения, количество человек	Темп прироста к 2015 г., %	Сельское население	Темп прироста к 2015 г., %	Темп прироста к 2016 г., %
2015	2335732,00	–	102393,00	–	–
2016	2329422,00	–0,3	110960,00	8,37	–
2017	2315276,00	–0,9	110380,00	7,80	–0,52
2018	2302444,00	–1,4	109595,00	7,03	–1,23
2019	2285586,00	–2,1	108666,00	6,13	–2,07
2020	2266025,00	–3,0	107621,00	5,11	–3,01
2021	2244419,00	–3,9	106554,00	4,06	–3,97
2022	2223406,00	–4,8	105612,00	3,14	–4,82
2023	2201882,00	–5,7	104589,41	2,15	–5,74

Табл. 2. Анализ самообеспеченности основными продуктами питания в 2015–2023 гг., %

Tab. 2. Self-sufficiency in basic foodstuffs in 2015–2023, %

Продовольственная группа	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Хлеб и хлебные продукты	29	34	33	35	35	35	36	36	37
Масло подсолнечное	7	27	116	130	59	235	129	120	121
Мясо	11	17	23	29	32	35	33	32	32
Мясопродукты, колбасные изделия	57	55	56	73	72	71	71	71	73
Молоко и молокопродукты	7	11	13	13	14	15	14	14	14
Яйцо	27	38	38	42	49	54	52	54	55
Мука	345	408	430	441	428	432	436	440	445
Картофель	–	1	–	1	–	–	–	–	–
Капуста	1	1	2	2	2	1	2	2	2
Морковь	1	–	–	2	2	–	–	–	–
Свекла	–	1	2	2	–	1	1	1	1
Огурцы	1	2	2	3	6	6	6	6	6
Томаты	2	3	6	6	3	3	3	3	4

изделий и др. используется только рафинированное очищенное масло. В торговых сетях почти весь ассортимент масла представлен российскими производителями из других регионов, которые и диктуют цены в ДНР. Таким образом, высокий уровень самообеспечения данным продуктом не влияет на уровень его экономической доступности.

Согласно расчетам, уровень самообеспеченности остальными продуктами питания, представленными в таблице 2, критически низкий, а по отдельной важной для населения продуктам в силу их естественного происхождения (например, мясо) наблюдается тенденция к сокращению. Пропорционально этому снижению растет доля самообеспеченности продуктами из мяса (мясопродукты, колбасы), что вызвано необходимостью заместить выпадающие объемы естественного продукта. Отсутствие в открытом доступе данных по завозу мяса в ДНР не позволяет однозначно определить причину (внешние поставки или рост химических ингредиентов в мясопродуктах) наметившейся зависимости.

Критические показатели наблюдаются и на уровне самообеспеченности овощами из так называемого *борцевого набора*, поэтому потребность населения в данных продуктах удовлетворяется исключительно за счет импорта. В отличие от скотоводства, которому требуются большие земельные участки (но все же меньших площадей), у овощеводства есть объективные причины снижения уровня самообеспеченности: ограниченные площади сельскохозяйственных земель в ДНР, непригодность значительных территорий для выращивания овощных культур из-за ведения боевых действий (минирование, участки «серых зон» и др.), дефицит кадров (т.к. доля городского населения в ДНР составляет 95 %, а доля сельского, соответственно, – лишь 5 %) и низкое качество социальной, транспортной и иной инфраструктуры сельскохозяйственных владений.

Таким образом, физическая доступность основных продуктов питания крайне низкая. Импорт занимает большую часть рынка анализируемых категорий продуктов питания ДНР.

Анализ уровня экономической доступности продуктов питания для населения республики такой же низкий, как и уровень физической доступности пищи. Оценка экономической доступности продуктов питания осуществлена через сопоставление

минимального уровня доходов населения и стоимости продуктов питания, входящих в состав потребительской корзины, согласно минимальным нормам потребления для каждой категории населения, с учетом данных мониторинга розничных цен на продукты питания.

При проведении мониторинга розничных цен использовались данные торговых сетей, рынков г. Донецк и данных, представленных на официальном сайте Министерства экономического развития ДНР. Показатели 2015 г., выраженные в денежной форме, корректировались с учетом установленного государством фиксированного курса гривны к рублю⁵ – 1 к 2 (два российских рубля за одну гривну).

Стоимость продовольственной корзины по каждой социальной группе рассчитана путем умножения средней цены за единицу продукта на минимальные нормы потребления каждого продукта, установленные в потребительской корзине ДНР для отдельной категории населения.

Расчеты показали устойчивый подъем стоимости минимальной продовольственной корзины для всех анализируемых групп населения (рис. 2). Наибольший рост за восемь лет продемонстрировали стоимостные показатели продуктовой части потребительской корзины для детей от 6–18 лет – более 253 %; высокие показатели у категории *дети от 0–6 лет* – более 225 % и у трудоспособного населения – более 229 %.

Сопоставление минимального уровня доходов населения со стоимостью продуктовой части продовольственной корзины, согласно минимальным нормам потребления для каждой категории населения, позволяет сделать следующие выводы:

1. Недостаточно средств, выделяемых государством, для удовлетворения потребности в продуктах питания для категории *дети от 6 до 18 лет*.

2. До 2023 г. размер установленных минимальных выплат для категорий *нетрудоспособные* и *дети от 0 до 6 лет* не позволяет обеспечить экономическую доступность продуктовой части продовольственной корзины. Увеличение данных выплат в 2023 г.⁶ позволило снизить долю затрат на продовольственную корзину для первой категории на 8 %, а для второй – на 32 %.

3. Размер минимальной заработной платы до 2023 г. обеспечивал доступность только продуктовой части

⁵ О порядке использования валют на территории Донецкой Народной Республики. Постановление Совета Министров ДНР № 4-11 от 18.03.2015. *Донецкая Народная республика*. URL: <http://npa.dnronline.su/2015-10-14/postanovlenie-soveta-ministrov-dnr-18-3-ot-28-09-2015-g-o-poryadke-ispolzovaniya-valyut-na-territorii-donetskoj-narodnoj-respubliki.html> (дата обращения: 12.09.2023).

⁶ Об утверждении Изменений к Порядку назначения и выплаты социальных пособий. Приказ Министерства труда и социальной политики ДНР № 66/Д от 07.06.2023. *Министерство труда и социальной политики ДНР*. URL: <https://mintrud.gov-dpr.ru/index.php/normativnaya-baza/prikazu> (дата обращения: 12.09.2023).

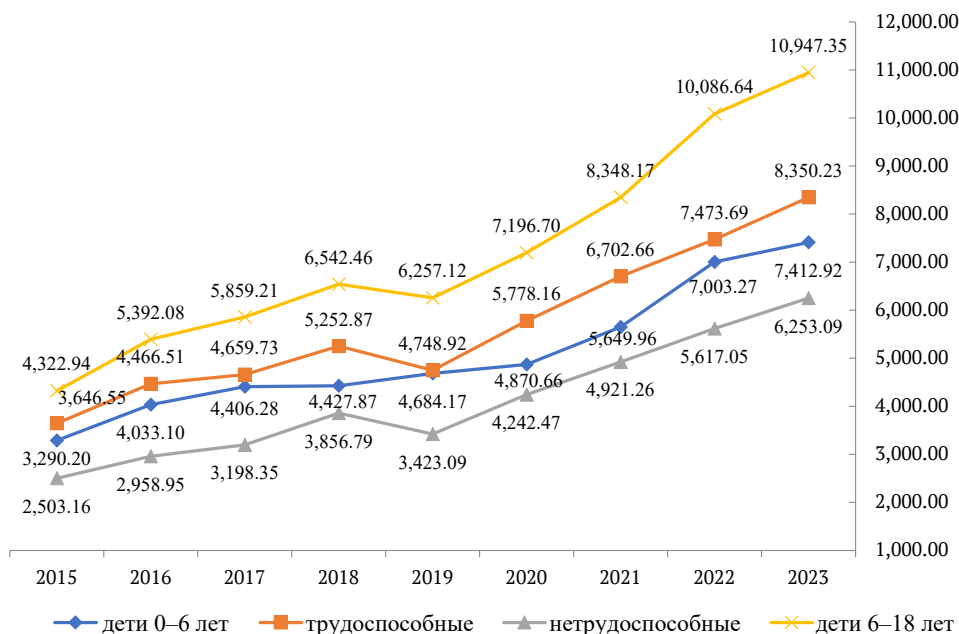

Рис. 2. Динамика стоимости продуктовой части потребительской корзины по демографическим группам в 2015–2023 гг.
Fig. 2. Food share of consumer goods basket by demographic groups in 2015–2023

потребительской корзины. В 2023 г., когда минимальный размер оплаты труда был повышен до 16242 руб., доля затрат на продовольственную корзину уменьшилась и составила менее 50 %.

С целью повышения обоснованности разработанных направлений роста продовольственной безопасности ДНР (в том числе повышения уровня самообеспеченности продуктами питания и их доступности для населения) был проведен экспертный опрос. В качестве экспертов выступили представители сфер государственной власти ДНР, науки и реального сектора экономики (работники предприятий АПК ДНР). Анкета содержала закрытые (альтернативы определены) и открытые вопросы. Последние были использованы, чтобы выявить проблемы и / или меры, которые могли быть упущены (проигнорированы) при ее составлении.

В анкете выделено 15 проблем, сдерживающих развитие АПК ДНР. Часть вопросов была сформулирована по результатам исследований, проведенных в ДНР⁷ [13–22].

Эксперты проранжировали проблемы исходя из первичности реагирования на них, а нами был установлен уровень серьезности каждой, определяющийся через уровень последствий и / или ущерба для отрасли и государства в целом по пятибалльной шкале [19]:

- 1 – катастрофические последствия;
- 2 – существенные последствия;

- 3 – последствия средней тяжести;
- 4 – низкий уровень последствий;
- 5 – несущественные последствия.

К наиболее опасным проблемам с высокой степенью реагирования отнесены (ячейки с диагональной штриховкой на рисунке 3):

- 1) несовершенство организационно-правового механизма государственного управления обеспечением продовольственной безопасности (проблема 1 в матрице);
- 2) низкий уровень самообеспеченности основными продуктами питания населения (проблема 15 в матрице);
- 3) отсутствие производства продукции замкнутого цикла, в том числе по причине низкого уровня межотраслевого взаимодействия (проблема 2 в матрице).

К существенным проблемам, требующим оперативного решения, были отнесены (белые ячейки на рисунке 3):

- 1) высокий уровень зависимости от завозимой продукции АПК (проблема 6 в матрице); несогласованность действий государственных органов и сельскохозяйственных предприятий и, как следствие: несвоевременность, неполнота, разрозненность информации; отсутствие непрерывного обмена сведениями между органами государственной власти и предприятиями; трудоемкость процесса сбора и предоставления информации (проблема 11 в матрице);

⁷ Баранов А. А., Тутельян В. А., Чумакова О. В. Программа оптимизации вскармливания детей первого года жизни в РФ: методические рекомендации. М: ФГАУ «НМИЦ здоровья детей» Минздрава России. 2019. 110 с.

2) отток трудовых ресурсов из сектора сельского хозяйства, в том числе по причинам отсутствия в сельской местности альтернативной занятости, недостаточной обеспеченности сельского населения жильем, низкого уровня развития социальной инфраструктуры (проблема 9 в матрице);

3) несовершенный механизм регулирования цен на продукты питания (проблема 5 в матрице);

4) нестабильная политическая и военная обстановка, постоянный риск активной фазы боевых действий (проблема 10 в матрице);

5) изношенность сельскохозяйственной техники (проблема 4 в матрице).

К проблемам средней тяжести, которые не требуют высокой оперативности реагирования, можно отнести (серые ячейки на рисунке 3):

1) нежелание инвестировать в сельское хозяйство ДНР, снижение деловой активности в агросекторе (проблема 7 в матрице);

2) отсутствие отраслевых инновационных центров на базе аграрных научных и научно-образовательных организаций, ориентированных на потребности агропромышленного производства

региона, например, в ДНР отсутствует собственная селекция и родительские формы в растениеводстве (проблема 12 в матрице);

3) неимение субъектов, осуществляющих утилизацию, использование, переработку, обработку, сортировку, обезвреживание, захоронение отходов производства (II–IV классов опасности), образующихся у сельскохозяйственных товаропроизводителей в процессе их хозяйственной деятельности (проблема 8 в матрице);

4) снижение качества продуктов питания (проблема 3 в матрице).

К проблемам с низкой скоростью реагирования (ячейки с диагональной штриховкой на рисунке 3) была отнесена одна проблема – недостаточная загруженность производственных мощностей предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, обуславливающая повышение себестоимости готовой пищевой продукции (проблема 14 в матрице). Но и ее нельзя назвать проблемой низкой значимости. Она отнесена к этой категории лишь потому, что ее решение не первостепенно, поскольку зависит от других факторов.

Скорость реагирования на проблему	Уровень серьезности проблемы последствий, ущерба, влияния на целевые показатели				
	Несущественные	Низкие последствия	Средние	Существенные	Катастрофические
Высокая оперативность решения проблемы (1–3)				2	1, 15
Оперативное решение проблемы (4–6)				6, 9, 11	
Средняя оперативность решения проблемы (7–9)				5, 10	4
Оперативность ниже среднего (10–12)				12, 13, 7	
Низкая оперативность решения проблемы (13–15)			14	3, 8	

Рис. 3. Матрица оперативности реагирования на выявленные проблемы и уровень их последствий по отношению к целевым показателям продовольственной безопасности
Fig. 3. Matrix of response to risks and their consequences in relation to the target indicators of food security

Прим.: ячейки с диагональной штриховкой – наиболее опасные проблемы с высокой степенью реагирования; белые ячейки – существенные проблемы, требующие оперативного решения; серые ячейки – проблемы средней тяжести, которые не требуют высокой оперативности реагирования; ячейки с горизонтальной штриховкой – проблемы с низкой скоростью реагирования.

Заключение

Результаты исследования показали низкий уровень самообеспеченности населения Донецкой Народной Республики продуктами питания собственного производства. Особо низкие показатели наблюдаются по таким группам продовольствия, как *мясо, молоко и молокопродукты*, по группе овощей *борщевой набора*.

Было обнаружено отставание доходов различных групп населения от устойчивого роста стоимости продуктовой части минимальной потребительской корзины. Исключением стал 2023 г., в котором отмечено повышение размеров государственной помощи отдельным категориям населения и минимальной заработной платы, что снизило долю затрат на обеспечение продуктовой части минимальной потребительской корзины. Это подтвердило ведущую роль государства в обеспечении продовольственной безопасности в части повышения экономической доступности продуктов питания для населения. Повышение государственных социальных гарантий расширяет доступ к ассортименту и качеству продуктов питания всем социальным категориям населения.

Экспертный опрос показал, что наиболее действенные меры в обеспечении продовольственной безопасности ДНР содержатся в сфере его организации и управления. Эксперты по значимости и результативности поставили эти проблемы выше проблем финансового обеспечения продовольственной безопасности.

Мерами, имеющими стратегическое значение, были признаны: обеспечение роста внутреннего спроса (в том числе за счет совершенствования регуляторной политики и повышения покупательной способности населения); увеличение численности населения (в том числе с помощью релокации в ДНР ранее выехавшего населения); внедрение технологий, способствующих повышению конкурентоспособности пищевых продуктов собственного производства.

Исходя из результатов исследования, основную часть государственной поддержки необходимо сосредоточить на двух приоритетных секторах АПК ДНР: семеноводство и животноводство. В качестве первоочередных мер поддержки, направленных не только на сохранение имеющегося потенциала АПК ДНР, но и способных сформировать условия для последующего поступательного устойчивого развития, должны стать:

- восстановление мелиоративного фонда ДНР;
- создание в ДНР интервенционного фонда зерна; разработка механизма федеральной поддержки в приобретении семенного материала в краткосрочной перспективе; в долгосрочной перспективе – увеличение доли семенного материала высоких репродукций, а также количества семян второй и последующей репродукций; обеспечение проведения сортоисменности и сортообновления семян, поддержания отечественных семеноводческих хозяйств в ДНР;
- создание животноводческих комплексов с государственной формой собственности для обеспечения роста поголовья сельскохозяйственных животных, в том числе за счет увеличения продуктивности животных (повышения их генетического потенциала);
- предоставление налоговых каникул на период до сбора урожая для вновь созданных предприятий АПК ДНР и действующих предприятий в сфере животноводства с целью восстановления и наращивания поголовья.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания в части фундаментальных научных исследований по теме «Механизмы социализации государственной экономической политики» (регистрационный номер НИОКТР 124012900542-6).

Funding: The article was part of state assignment "Mechanisms of socialization of state economic policy" (Development and technological works registration number 124012900542-6).

Литература / References

1. Богданова М. В., Беликова М. П. Продовольственная безопасность: информационно-правовые аспекты. М.: КДУ; Добросвет, 2020. 361 с. [Bogdanova M. V., Belikova M. P. *Food security: Information and legal aspects*. Moscow: KDU; Dobrosvet, 2020, 361. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0098>
2. Серова Е. В., Храмова И. Г., Карлова Н. А., Тихонова Т. В., Письменная О. Продовольственная безопасность страны: аграрно-экономический аспект. М.: Институт экономики переходного периода, 2001. 36 с. [Serova E. V., Khramova I. G., Karlova N. A., Tikhonova T. V., Pismennaia O. *National food security: Agrariculture and economy*. Moscow: Institut ekonomiki perekhodnogo perioda, 2001, 36. (In Russ.)]
3. Щетинина И. В., Калугина З. И., Фадеева О. П., Чупин Р. И. Продовольственная безопасность России в условиях глобализации и международных ограничений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2019. 265 с. [Shchetinina I. V., Kalugina Z. I., Fadeeva O. P., Chupin R. I. *Russia's food security during globalization and international restrictions*. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2019, 265. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xwgygi>
4. Васильева М. В., Васильева М. А. Продовольственная безопасность стран ЕАЭС: экономический и ветеринарный аспект. *Технико-технологические проблемы сервиса*. 2019. № 1. С. 93–104. [Vasilyeva M. V., Vasilyeva M. A. Food security of the EEU: Economic and veterinary aspect. *Technico-tehnologicheskie problemy servisa*, 2019, (1): 93–104. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zdfEEP>
5. Назаренко В. И. Продовольственная безопасность. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 284 с. [Nazarenko V. I. *Food security*. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2011, 284. (In Russ.)]
6. Ускова Т. В., Селименков Р. Ю., Анищенко А. Н., Чекавинский А. Н. Продовольственная безопасность региона. Вологда: ВолНЦ РАН, 2014. 102 с. [Uskova T. V., Selimenkov R. Yu., Anishchenko A. N., Chekavinskii A. N. *Food security of the region*. Vologda: VolSC RAS, 2014, 102. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/shidkn>
7. Кайгородцев А. А. Система продовольственной безопасности. *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2006. № 4. С. 74–79. [Kaygorodtsev A. A. The system of food safety. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2006, (4): 74–79. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/iswadn>
8. Трейси М. Сельское хозяйство и продовольствие в экономике развитых стран: Введение в теорию, практику и политику. СПб.: Экон. шк., 1995. 431 с. [Tracy M. *Food and agriculture in a market economy: An introduction to theory, practice and policy*. St. Petersburg: Ekon. shk., 1995, 431. (In Russ.)]
9. Вермель Д. Ф., Жуйков В. И. Поддержка агробизнеса в России: федеральные и региональные функции. *Никоновские чтения*. 2002. № 7. С. 108–110. [Vermel D. F., Zhujkov V. I. Support for agribusiness in Russia: Federal and regional functions. *Nikonovskie chteniia*, 2002, (7): 108–110. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/iyljdy>
10. Вермель Д. Ф. Региональные особенности обеспечения продовольственной безопасности России. *Продовольственная безопасность России: Междунар. конф. (Москва, 12–14 марта 2002 г.)* Москва, 2002. С. 268–273. [Vermel D. F. Regional peculiarities of ensuring food security in Russia. *Food security in Russia: Proc. Intern. Conf., Moscow, 12–14 Mar 2002*. Moscow, 2002, 268–273. (In Russ.)]
11. Гандалоев Р. Б., Богатырев Я. А. Теоретические основы продовольственной безопасности. *Социально-гуманитарное обозрение*. 2019. № 2. С. 21–27. [Gandaloev R. B., Bogatirev Ya. A. Theoretical foundations of food security. *Socio-humanitarian review*, 2019, (2): 21–27. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jhcmbj>
12. Тютюник В. В. Продовольственная независимость региона. *Пространственная экономика*. 2016. № 2. С. 168–182. [Tyutyunik V. V. Food independence of the region. *Spatial economics*, 2016, (2): 168–182. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14530/se.2016.2.168-182>
13. Дорофеева Т. П., Фролова Т. В., Синьков А. А. О состоянии продовольственной безопасности региона и мерах по ее обеспечению (на примере Кемеровской области). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-5. С. 191–197. [Dorofeeva T. P., Frolova T. V., Sinkov A. A. State of food security of the region and measures to ensure it (the example of Kemerovo region). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-5): 191–197. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uffmfr>
14. Хоменко Я. В., Мизевич Р. С., Балькин О. Л. Государственный механизм управления продовольственной безопасностью. *Вестник Института экономических исследований*. 2017. № 1. С. 24–34. [Khomeenko Y. V., Mizevich R. S., Balykin O. L. The state mechanism of the food safety management. *Vestnik of institute of economic research*, 2017, (1): 24–34. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yrrxdf>

15. Ободец Р. В., Захаров С. В. Ресурсный потенциал предприятий агропромышленного комплекса в условиях нестабильности. *Менеджер*. 2020. № 1. С. 92–99. [Obodets R. V., Zaharov S. V. Resource potential of agro-industrial complex enterprises in conditions of instability. *Menedzher*, 2020, (1): 92–99. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qejmsy>
16. Котов Е. В., Савченко О. Ю. Механизмы обеспечения продовольственной безопасности: проблемы функционирования и направления совершенствования. *Менеджер*. 2023. № 3. С. 62–71. [Kotov E. V., Savchenko O. J. Mechanisms to ensure food security: Problems of operation and directions for improvement. *Menedzher*, 2023, (3): 62–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.10060773>
17. Крамаренко А. А., Фоменко А. С. Направления по обеспечению продовольственной безопасности Донецкой Народной Республики: анализ состояния, приоритетные сферы развития. *Вестник института экономических исследований*. 2021. № 3. С. 10–19. [Kramarenko A. A., Fomenko A. S. Directions for ensuring the food security of the Donetsk People's Republic: Analysis of state, priority spheres of development. *Vestnik of institute of economic research*, 2021, (3): 10–19. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zxpniq>
18. Котов Е. В. Новая аграрная политика: неоиндустриальный контекст. *Ломоносовские чтения-2019*: науч. конф. (Севастополь, 3–5 апреля 2019) Севастополь: Севастопольский филиал МГУ, 2019. С. 186–187. [Kotov E. V. New agricultural policy: Neo-industrial context. *Lomonosov Readings 2019*: Proc. Sci. Conf., Sevastopol, 3–5 Apr 2019. Sevastopol: Branch of MSU in Sevastopol, 2019, 186–187. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vzmyrs>
19. Вовк Л. П., Мельникова Е. П., Черноус О. И. Актуальные социально-экономические аспекты управления: государство, регион, предприятие. СПб.: Свое издательство, 2017. 293 с. [Vovk L. P., Melnikova E. P., Chornous O. I. *Current socio-economic aspects of management: State, region and company*. St. Petersburg: Svoe izdatelstvo, 2017, 293. (In Russ.)]
20. Михайлушкин П. В., Баранников А. А. Эффективность аграрной политики и государственного регулирования аграрно-промышленного комплекса. *Научный журнал КубГАУ*. 2013. № 93. С. 1197–1206. [Mikhailushkin P. V., Barannikov A. A. Efficiency of agrarian policy and state regulation of agrarian and industrial complex. *Scientific journal of KubSAU*, 2013, (93): 1197–1206. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rpzylr>
21. Костусенко И. И. Продовольственная безопасность и продовольственная независимость регионов: сущность и подходы к их оценке. *Аграрный вестник Урала*. 2009. № 1. С. 8–13. [Kostusenko I. I. Food safety and food independence of regions: Essence and approaches to their estimation. *Agrarian Bulletin of the Urals*, 2009, (1): 8–13. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kkpmmf>
22. Полянская Н. М. Продовольственное обеспечение – основа продовольственной безопасности. *Society and Security Insights*. 2021. Т. 4. № 1. С. 101–110. [Polyanskaya N. M. Food supply – the basis of food security. *Society and Security Insights*, 2021, 4(1): 101–110. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/ssi\(2021\)1-07](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)1-07)

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/riwzwtw>

Изменение параметров уровня и качества жизни населения в период неопределенности

Плюснина Оксана Владимировна

Ухтинский государственный технический университет,
Россия, Ухта

eLibrary Author SPIN: 5956-8623

<http://orcid.org/0000-0002-5059-1246>

Бутова Лариса Михайловна

Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, Воронеж

eLibrary Author SPIN: 7989-7056

<http://orcid.org/0000-0003-3735-9503>

Конищев Егор Валерьевич

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3778-3967

<https://orcid.org/0000-0003-4290-1045>

rueconomics@mail.ru

Плекханова Елена Олеговна

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 6830-3717

<http://orcid.org/0000-0001-6972-3993>

Аннотация: В условиях неопределенности, вызванной пандемией, уровень и качество жизни населения связаны не только с экономическим благополучием, но и организованной деятельностью социальной системы, сохранением высокого уровня человеческого развития, психологической устойчивостью людей. Цель исследования – провести анализ изменений параметров уровня и качества жизни населения, произошедших в период неопределенности, и определить меры государственной политики, способствующие поддержанию ключевых аспектов человеческого развития. Задачи: проанализировать динамику показателей уровня жизни населения России в 2019–2021 гг. (в сравнении со странами с развитой экономикой); определить зоны риска в части снижения уровня и качества жизни населения; обосновать направления и комплекс мер государственной политики, способствующие поддержанию уровня и качества жизни населения. Исследование выполнено с использованием методов статистического наблюдения, группировки результатов наблюдения, метода абсолютных, относительных и средних величин, метода компаративного анализа, графического и логического методов и системного подхода. В работе определено, что ключевые показатели уровня жизни населения России в 2019–2021 гг. сократились. Это повлекло за собой снижение качества жизни россиян. Несмотря на существующий разрыв параметров уровня и качества жизни в России и в некоторых странах с развитой экономикой (Японии, США и Великобритании), в указанный период в большинстве стран наблюдалась схожая динамика реагирования на внешние вызовы пандемии. Обосновано авторское предположение о том, что в условиях неопределенности, вызванной эпидемией, с одной стороны, произошло снижение параметров уровня и качества жизни населения, а с другой – были созданы предпосылки для расширения возможностей человеческого развития. Использование создавшихся предпосылок определяется готовностью общественной системы к изменениям и адаптивностью механизмов государственного управления.

Ключевые слова: уровень жизни населения, качество жизни населения, человеческое развитие, неопределенность, пандемия, расширение возможностей, государственная политика

Цитирование: Плюснина О. В., Бутова Л. М., Конищев Е. В., Плеханова Е. О. Изменение параметров уровня и качества жизни населения в период неопределенности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 2. С. 306–316. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-306-316>

Поступила в редакцию 11.03.2024. Принята после рецензирования 26.04.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Effects of Uncertain Times on Standards and Quality of Life

Oksana V. Plyusnina

Ukhta State Technical University, Russia, Ukhta

eLibrary Author SPIN: 5956-8623

<http://orcid.org/0000-0002-5059-1246>

Larisa M. Butova

Voronezh State Pedagogical University, Russia, Voronezh

eLibrary Author SPIN: 7989-7056

<http://orcid.org/0000-0003-3735-9503>

Egor V. Konishchev

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3778-3967

<https://orcid.org/0000-0003-4290-1045>

rueconomics@mail.ru

Elena O. Plekhanova

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 6830-3717

<http://orcid.org/0000-0001-6972-3993>

Abstract: National standards of living and quality of life depend not only on economic well-being, but also on how well-organized the social system is in its ability to maintain human development and psychological stability. In this regard, the COVID-19 pandemic gave start to social uncertainty. This article describes how the parameters of standards and quality of life changed during the post-pandemic uncertain times and how various public policies contributed to maintaining the key aspects of human development. The authors compared the indicators of the standards of living in Russia in 2019–2021 with those in other countries with developed economies. They also identified the risk areas in these spheres and showed how state policy measures maintained the standards and quality of life during the uncertain times. The research relied on statistical observation and grouping, comparative analysis, graphical method, logical method, and systematic approach, as well as on the method of absolute, relative, and average values. In 2019–2021, the key indicators of the standards of living decreased. As a result, the quality of life also went down. Russia's standards of living differ from those in some advanced economies, e.g., Japan, the United States, the United Kingdom, etc. However, most countries demonstrated very similar dynamics in their response to the external challenges of the pandemic. On the one hand, the uncertain times caused by the epidemic saw a drop in the parameters of the standards and quality of life. On the other hand, they created new development opportunities. The degree to which a country was ready to use these opportunities depended on the readiness of its society to change and the adaptability of its public administration.

Keywords: standards of living, quality of life, human development, uncertainty, pandemic, empowerment, public policy

Citation: Plyusnina O. V., Butova L. M., Konishchev E. V., Plekhanova E. O. Effects of Uncertain Times on Standards and Quality of Life. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(2): 306–316. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-2-306-316>

Received 11 Mar 2024. Accepted after review 26 Apr 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

По мере эволюции общества происходит трансформация подходов к обеспечению уровня и качества жизни населения. Эти понятия хоть и связаны друг с другом, но имеют определенные особенности. Так, уровень жизни является базовой характеристикой процессов жизнеобеспечения населения, отражающей степень удовлетворения его материальных потребностей [1]. Повышение уровня материального благосостояния и доходов населения создает основу для роста качественных характеристик жизни, связанного с увеличением имеющихся возможностей для собственного развития и удовлетворением комплекса высокоразвитых потребностей и интересов людей. Поэтому рост качества жизни с позиций идеологии

формирования *нового сознания* становится целевым ориентиром развития современного общества.

В условиях расширения факторов, вводящих общество в состояние неопределенности (неблагоприятная эпидемиологическая ситуация вследствие пандемии, углубление политических конфликтов, борьба за перераспределение центров мирового влияния, рецессивные процессы в экономике), уровень и качество жизни населения будут определяться не только экономическим благополучием, но и слаженной работой социальной системы, поддержанием высокого уровня человеческого развития, психологической устойчивостью людей и их уверенностью в завтрашнем дне.

Таким образом, цель исследования состоит в проведении анализа изменений параметров уровня и качества жизни населения, произошедших в период неопределенности, вызванной пандемией, а также – в определении мер государственной политики, способствующих поддержанию ключевых аспектов человеческого развития.

Задачи исследования включают анализ динамики показателей уровня жизни населения России в период 2019–2021 гг.; определение зон риска в части снижения качества жизни населения; обоснование направлений и комплекса мер государственной политики.

Ученые в своих исследованиях сделали следующие выводы об изменении качества жизни населения:

1. Рост неопределенности, неустойчивости и турбулентности во всех сферах жизнедеятельности современного общества оказал непосредственное воздействие на уровень и качество жизни населения, что потребовало изменения подходов к управлению процессами их поддержания [1–5].

2. Процесс экономического развития связан не с повышением материального благосостояния населения, а с процессом расширения возможностей людей в части выбора условий, в которых они осуществляют свою жизнедеятельность [6–7].

3. Значимость расширения возможностей для человеческого развития в период изменений определяют эффективные действия государства для управления данными процессами [8–10].

Гипотеза исследования состоит в том, что в условиях неопределенности, вызванной пандемией, с одной стороны, наблюдается снижение параметров уровня и качества жизни населения, с другой стороны, создаются новые предпосылки для расширения возможностей человеческого развития. Готовность общественной системы к использованию создавшихся предпосылок во многом определяется ее адаптивностью к изменениям и гибкостью механизмов государственного управления.

Методы и материалы

Методическая оригинальность авторского подхода заключается в использовании метода дескриптивного сравнительного анализа эмпирических наблюдений за показателями уровня и качества жизни населения России и стран с развитой экономикой (США, Великобритания, Япония) в период неопределенности 2019–2021 гг. Этот метод позволил обеспечить объективность результатов исследования и установить ключевые тенденции изменений в уровне и качестве жизни населения России. Определение мер государственной политики, направленных

на поддержание уровня и качества жизни россиян, осуществлено на основе анализа позитивного мирового опыта.

Сбор первичного статистического материала осуществлен с помощью метода статистического наблюдения. Далее была выполнена первичная обработка, сводка и группировка его результатов. Анализ полученных сводных материалов произведен с использованием метода абсолютных, относительных и средних величин, метода дескриптивного сравнительного анализа эмпирических наблюдений. Для интерпретации полученных результатов использован графический метод. Подготовка выводов и предложений была произведена логическим методом и системным подходом.

Информационная база исследования представлена материалами Всемирного Банка, Всемирной организации здравоохранения, Организации Объединенных Наций, Ceicdata, позволяющими объективно оценить изменение уровня и качества жизни населения России в сравнении с динамикой стран со зрелой экономикой.

Результаты

В настоящем исследовании 2019–2021 гг. наделяются свойством неопределенности. Другими словами, события и явления данного периода не предполагают однозначной причинной обусловленности одного явления другим, в результате чего отсутствуют объективные предпосылки для возможности четкого и последовательного предсказания событий.

Данный период разнороден по своему содержанию. В частности, неопределенность 2019 г. характеризуется восстановительным ростом после кризиса 2014–2016 гг., который остается неустойчивым в разрезе различных секторов экономики (одни восстанавливаются быстрее, другие, в большей мере затронутые кризисом, испытывают долгосрочный остаточный эффект). При этом сохраняются угрозы новой рецессии, прежде всего, из-за рисков развития неблагоприятных событий в мировой экономике [11].

2020 г. создал предпосылки для начала нового этапа неопределенности, вызванного эпидемиологическими факторами [6]. Распространение коронавирусной инфекции в сжатые сроки в глобальном масштабе стало новой угрозой жизни и здоровью, благополучию населения, выходя при этом за рамки привычных представлений об инструментах восстановления экономической динамики [9]. Поэтому в этот период отсутствовали четкие прогнозы о сроках пролонгирования коронакризиса, времени, необходимом для последующего

восстановления экономики, и действенных методах государственного регулирования в силу отсутствия подобного опыта.

К 2021 г. появились некоторые черты определенности, зафиксировавшиеся в осязаемых результатах экономической деятельности – росте экспортной экономики России. Тем не менее новые вспышки коронавируса в различных регионах мира создавали предпосылки для волнения и появления неопределенности в отношении планирования будущего. Кроме того, искусственное сдерживание социальной жизни в период самоизоляции, нарастание общественного недовольства и развитие новых политических конфликтов формировали неблагоприятную среду, которая в любой момент могла подорвать все представления об определенности и расстроить реализуемые планы развития¹.

Следует проанализировать изменения в уровне жизни населения России, произошедшие за период неопределенности.

Для выявления ключевых тенденций можно использовать показатель *ВВП на душу населения* (рис. 1²). Вплоть до 2019 г. наблюдался восходящий тренд, а затем в год начала пандемии показатель снизился (–2,5 %). Однако в 2021 г. состоялись изменения, принесшие рост ВВП на душу населения и превышение доковидного уровня (+5,5 %). Для объективности оценки тенденций приведем некоторые данные о динамике ВВП на душу населения в странах с развитыми экономиками. Например, в 2020 г. в Японии и США также произошло снижение значения показателя (–4,2 % и –3,7 %), а в Великобритании оно составило –11,4 %. Однако только в США значение ВВП на душу населения в 2021 г. превзошло уровень 2019 г., тогда как в Японии и Великобритании показатель так и не достиг допандемийного уровня.

Уровень жизни населения определяется, прежде всего, ситуацией на рынке труда, сбалансированностью спроса и предложения, проявляющейся в соотношении численности занятых граждан и общей численности населения (рис. 2³) [12–16]. Так, в 2020 г. наблюдаются негативные тенденции на рынке труда. Сокращение отношения численности занятых граждан к общей численности населения России составило –1,7 %, –0,7 % – в Японии

и –6,6 % – в США. Такая ситуация была спровоцирована поведением работодателей в условиях плохой прогнозируемости тенденций развития рынка труда и сроков пандемии, а также в связи с принятием хозяйствующими субъектами мер защиты (сокращение постоянного персонала и затрат на его содержание, вывод части сотрудников за пределы штата или перевод на краткосрочные контракты, использование труда фриланс-работников и т.д.) [14; 17]. Следует отметить, что российский рынок труда в короткие сроки продемонстрировал свою адаптивность к новым условиям в виде реализации структурных изменений, появления новых форм труда и расширения предпринимательских способностей населения в качестве самозанятых благодаря

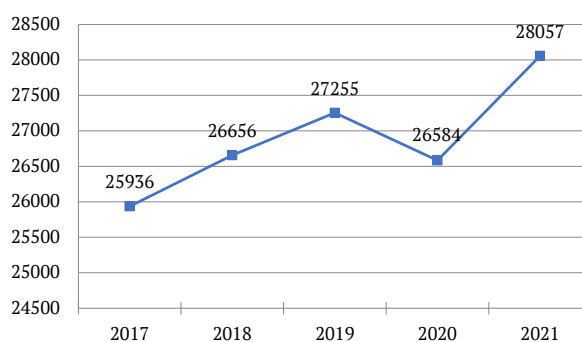

Рис. 1. ВВП на душу населения в России в 2017–2021 гг., PPP (в постоянных ценах 2017 г., в долларах США)

Fig. 1. GDP per capita in Russia in 2017–2021 at 2017 constant prices, US dollars

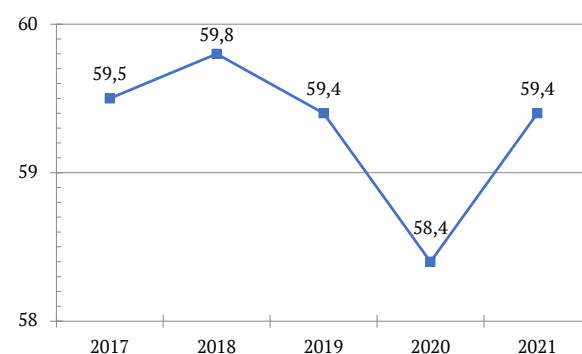

Рис. 2. Соотношение численности занятых граждан и общей численности населения в 2017–2021 гг., %

Fig. 2. Employed population vs. total population in 2017–2021, %

¹ Human development report 2021–22. *United Nations*. 08.09.2022. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22> (accessed 1 Mar 2024).

² Сост. по: GDP per capita, PPP (constant 2017 international \$). *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?end=2018&start=1990> (accessed 5 Mar 2024).

³ Сост. по: Employment to population ratio, 15+, total (%) (national estimate). *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.TOTL.SP.NE.ZS> (accessed 6 Mar 2024).

утверждению новых институциональных форм занятости. Так, уже в 2021 г. соотношение численности занятых и общей численности населения России достигло допандемийного уровня и составило 59,4 %. Безусловно, большую адаптивность рынок труда показал в Японии (+0,3 % к концу 2021 г.) и в США (+2,8 % в 2021 г.) [17].

Как следствие, показатель *доходы домохозяйств на душу населения* и его динамика продемонстрировали сокращение (рис. 3⁴). В 2020 г., когда развернулась пандемия, доходы домохозяйств сократились на 8,5 %. По мере снятия ковидных ограничений и реализации пакета мер государственной поддержки произошло увеличение показателя. Однако к 2021 г. он так и не достиг допандемийного уровня. Для сравнения: в Японии в 2020 г. произошло увеличение показателя на 6,6 % (в сравнении с 2019 г.), однако к 2021 г. он относительно сократился на 3,14 % (в сравнении с 2020 г.). Это объясняется эффективностью реализованных программ поддержки населения в острой фазе пандемии и некоторым ослаблением показателей к 2021 г. в связи с окончанием сроков их действия. В США пандемия не нарушила динамики роста доходов домохозяйств. Так, в 2020 г. произошел рост показателя на 1,8 %, а в 2021 г. – еще на 8 % (относительно данных 2020 г.). Великобритания в период пандемии тоже удерживала ситуацию под контролем: рост доходов домохозяйств на душу населения в 2020 г. составил 6,6 % и продолжился в 2021 г., увеличившись еще на 5,8 %.

В период нестабильности население сокращает уровень своих потребительских расходов прежде всего в части приобретения дорогостоящих товаров с целью минимизации рисков роста финансовой неустойчивости [18]. В такие периоды происходит повышение интереса населения к росту сбережений и увеличение наличных денег на руках [2; 19]. Потребительское поведение домохозяйств также является интересным с точки зрения изучения изменения уровня и качества жизни населения (рис. 4⁵). Представленные данные подчеркивают тенденцию снижения расходов домохозяйств в России в 2020 г. (–14,3 %). В 2021 г. нисходящий тренд сменился на восходящий из-за роста потребительских расходов домохозяйств на душу населения (+14,9 %).

Японии, например, удалось пройти период пандемии с минимальными изменениями в уровне потребительских расходов домохозяйств: –2,7 % в 2020 г. с дальнейшим сокращением в 2021 г. на 1,7 %. Уменьшение расходов домохозяйств на душу населения произошло и в США в 2020 г.: –1,7 % с последующим ростом в 2021 г. на 13,7 %. Великобритания продемонстрировала незначительное сокращение в острой фазе пандемии (–0,2 %) и более выраженное в 2021 г. (–11,7 %). Другими словами, в странах с развитой экономикой сокращение потребительских расходов в период неопределенности, вызванной пандемией, было менее выраженным, чем в России. Но восстановительная динамика в ней оказалась более активной, нежели в той же Великобритании.

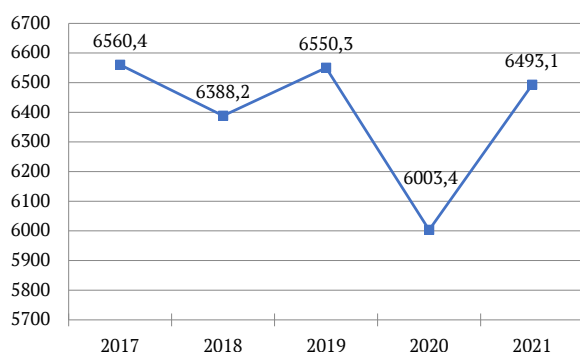

Рис. 3. Доходы домохозяйств на душу населения в России в 2017–2021 гг., доллары США

Fig. 3. Household income per capita in Russia in 2017–2021, US dollars

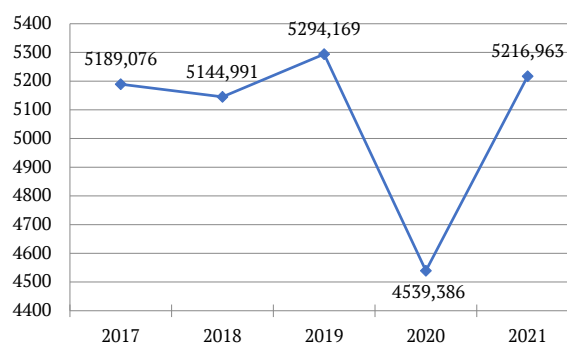

Рис. 4. Расходы домохозяйств на душу населения в России в 2017–2021 гг., доллары США

Fig. 4. Household expenditures per capita in Russia in 2017–2021, US dollars

⁴ Сост. по: Household income per capita by country comparison. CEIC. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/united-states/annual-household-income-per-capita> (accessed 6 Mar 2024).

⁵ Сост. по: Russia household expenditure per capita. CEIC. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/russia/annual-household-expenditure-per-capita> (accessed 6 Mar 2024).

Отличительной особенностью периода пандемии стало изменение структуры потребления домохозяйств: рост доли продовольственных товаров в структуре потребления; увеличение расходов на компьютерное и телекоммуникационное оборудование для поддержания активности в связи с изменением стиля жизни; рост затрат на товары и услуги, связанные с поддержанием санитарных норм, здоровья и ведением здорового образа жизни [19–21].

Ухудшение эпидемиологической ситуации, рост уровня заболеваемости и смертности людей, безусловно, отразились на параметрах качества жизни населения. Об этом можно судить по снижению в период пандемии значений индекса человеческого развития (ИЧР), рассчитываемого ООН. В частности, в России он сократился на 0,015 п. п. (рис. 5⁶).

В странах с развитой экономикой влияние пандемии на ИЧР дифференцировано. Например, в Японии значение ИЧР в 2019–2021 гг. практически не изменилось: 2019 г. – 0,924 п. п.; 2020 г. – 0,923 п. п.; 2021 г. – 0,925 п. п. В США же изменения достаточно значительные: 2019 г. – 0,930 п. п.; 2020 г. – 0,920 п. п.; 2021 г. – 0,921 п. п. Великобритания тоже испытала сильное негативное воздействие пандемии, но уже к 2021 г. продемонстрировала хорошую восстановительную динамику: 2019 г. – 0,935; 2020 г. – 0,924; 2021 г. – 0,929⁷.

Заметим, что в рамках ИЧР оцениваются не только показатели продолжительности жизни и экономического благосостояния населения. Акцент сделан и на анализе факторов безопасности народа, позволившем выявить рост уровня стресса и восприятия незащищенности людей, усугубление проблем неравенства, усиление планетарных нагрузок и политической поляризации во всем мире, а также ухудшение психического и физического здоровья граждан и появление замкнутых форм неопределенности. Данные выводы вносят понимание в изменение качества жизни населения под влиянием пандемии. В частности, ООН подчеркивает, что в 2020–2021 гг. более чем в 90 % стран мира отмечалось снижение ИЧР.

С точки зрения оценки воздействия эпидемиологических факторов особый интерес представляет структурный компонент ИЧР – показатель ожидаемой продолжительности жизни, т. к. в короткие сроки она значительно сократилась (рис. 6⁸). Причем

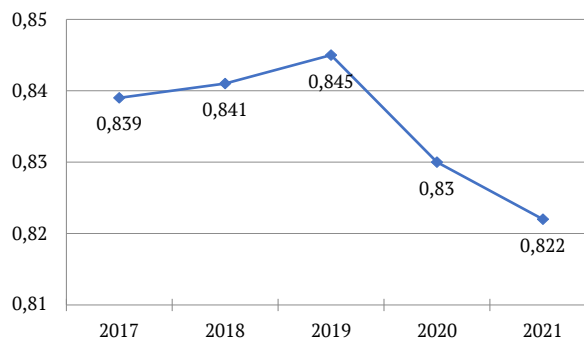

Рис. 5. Индекс человеческого развития в 2017–2021 гг.
Fig. 5. Human development index in 2017–2021

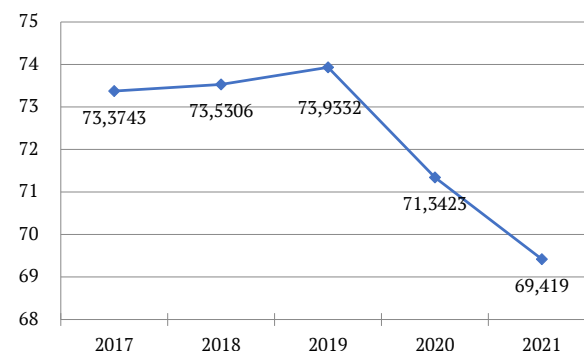

Рис. 6. Ожидаемая продолжительность жизни населения в России в 2017–2021 гг., лет
Fig. 6. Life expectancy in Russia in 2017–2021, years

такая ситуация стала характерной как для России, так и для многих стран с развитыми экономиками.

Продолжительность жизни населения определяется совокупностью многочисленных факторов, включая развитость и доступность системы здравоохранения и образования, качество потребляемых продуктов питания и воды, благополучие окружающей среды и т. д. Увеличение уровня смертности людей в период пандемии раскрыло существовавшие ранее несовершенства российской системы здравоохранения, ее неготовность к экстренным и нестандартным ситуациям, как следствие, подняв проблему отставания страны от развитых стран в разрезе данного показателя. Например, продолжительность жизни в России в доковидный период составляла 73,9 лет, в Японии – 84,4 года, в США – 79,1 года, в Великобритании – 81,7 года. Япония в условиях пандемии продемонстрировала

⁶ Доклад о человеческом развитии 2021 / 2022 гг. *United Nations Development Programme*. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewru.pdf> (дата обращения: 06.03.2024).

⁷ Там же.

⁸ Сост. по: Life expectancy by country in 2021. *Database.earth*. URL: <https://database.earth/population/life-expectancy/2021> (accessed 6 Mar 2024).

рост этого показателя (с 84,4 лет в 2019 г. до 84,7 лет в 2020 г. и 84,8 лет в 2021 г.), а вот в США (до 77,4 лет) и Великобритании (до 80,4 лет) наблюдалось его снижение. Однако если в США, так же как и в России, сокращение показателя продолжилось в 2021 г., то для Великобритании, начиная с 2021 г., был характерен прирост его значения.

Для наглядности межстрановых сопоставлений показателей качества жизни населения можно использовать компоненты индекса качества жизни, рассчитываемого Numbeo. В 2019 г. индекс качества жизни в России составлял 104,9; в 2020 г. – 102,3; в 2021 г. – 101,7. Для сравнения в Японии его значение по годам изменялось следующим образом: 2019 г. – 180,5; 2020 г. – 168,0; 2021 г. – 162,3. Сравнительные данные по индексу качества жизни представлены на рисунке 7⁹. Исходя из этих данных, мы делаем вывод, что во всех анализируемых странах в период неопределенности 2019–2021 гг. произошло сокращение индекса качества жизни.

Интерес для нас представляет динамика индексов безопасности, здравоохранения и загрязнения окружающей среды в России (табл.¹⁰). В период неопределенности индекс безопасности в России увеличивался, индекс здравоохранения в 2019–2020 гг. оставался неизменным, продемонстрировав рост в 2021 г., а индекс загрязнения окружающей среды, который на протяжении двух лет (2019–2020 гг.) оставался одинаковым, в 2021 г. незначительно сократился, свидетельствуя об улучшении экологической ситуации в стране. Таким образом, динамика показателей по отдельным структурным компонентам индекса качества жизни России в период неопределенности 2019–2021 гг. оставалась устойчивой.

Итак, с одной стороны, пандемия создала предпосылки для снижения качества жизни населения, увеличив диспропорции общественного развития в части доходных составляющих, доступа к образованию, снижения уверенности населения в своих возможностях в обеспечении будущего развития и уровня доверия к государству (системе государственного управления). С другой стороны, коронавирусная инфекция способствовала трансформации ценностных установок и общественного сознания, моделей производства и потребления, поведения всех субъектов экономической системы. Вкупе с интенсивной цифровизацией, появившейся

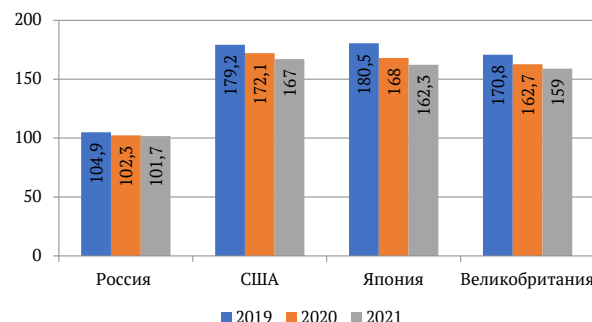

Рис. 7. Индекс качества жизни Numbeo в России и странах с развитой экономикой

Fig. 7. The Numbeo Quality of Life Index in Russia vs. developed economies

Табл. Динамика показателей, отражающих качество жизни населения России в 2019–2021 гг.

Tab. Indicators of quality of life in Russia in 2019–2021

Показатель	2019	2020	2021
Индекс безопасности	58,1	58,9	59,9
Индекс здравоохранения	57,6	57,6	58,4
Индекс загрязнения окружающей среды	62,8	62,8	62,3

в 2020 г. в связи с введением режимов самоизоляции, влияние пандемии сказалось на создании условий для расширения возможностей людей:

1. Создание предпосылок для развития новых направлений медицины и медицинского обслуживания, осуществляемых с помощью технологий искусственного интеллекта. В частности, трендом периода пандемии стало удаленное здравоохранение, которое в настоящее время приобрело формат реального инструмента оказания медицинской помощи в различных странах. При условии создания в России полноценной институциональной базы телемедицина может стать еще более эффективной с точки зрения соотношения затрат и результатов. Так, экспериментальный правовой режим (ЭПР) в сфере дистанционного предоставления консультационных и врачебных услуг в стране введен уже в 2023 г.¹¹ Безусловно, развитие телемедицины, применение носимых медицинских устройств для отслеживания здоровья и физической активности и для удаленного наблюдения врачей

⁹ Сост. по: Quality of life index by country. Numbeo. URL: https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp?title=2021 (accessed 6 Mar 2024).

¹⁰ Сост. по: Ibid.

¹¹ В Россию пришла цифровая эра медицины. *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2023/08/17/v-rossiiu-prishla-cifrovaia-era-mediciny.html> (дата обращения: 06.05.2024).

за пациентами, реализация концепции персонализированной медицины позволят сделать рывок в повышении качества жизни россиян.

2. Образовательные сервисы тоже вышли на новый этап развития из-за санитарных ограничений и дистанцирования населения, а также требований организовывать образовательный процесс в онлайн-формате. Несмотря на вынужденные меры, перевод отдельных элементов российской системы образования в онлайн-формат с течением времени стал выполнять задачи расширения возможностей непрерывного образования для всех категорий граждан за счет развития цифрового образовательного пространства [22]. По данным портала Edmarket, в 2021 г. в России реализуются в онлайн-формате 4,4 % программ высшего образования, 6,8 % дополнительного школьного образования, 10,9 % дополнительного профессионального образования и 15,9 % программ языкового обучения¹². При этом используются различные варианты реализации: 100 % онлайн-обучение (без необходимости посещения колледжа или университета), гибридное образование, асинхронные и синхронные онлайн-курсы [23–25]. С учетом того, что Россия имеет высокие мировые рейтинги по качеству образования (в 2022 г. занимает 29 позицию в рейтинге Education Index 2022 из 191 страны мира), у нее есть все шансы вывести процесс формирования цифрового образовательного пространства на высокий уровень, не только расширяя возможности населения страны в получении образования, но и способствуя достижению целей глобального лидерства по уровню развития человеческого потенциала¹³. В настоящее время в условиях перераспределения центров глобального лидерства Россия в составе интеграционного объединения БРИКС рассматривается как прямой конкурент альянса наиболее развитых стран мира G7 [26; 27]. Для использования данных преимуществ онлайн-образования для повышения качества жизни населения требуется реализация дополнительных мер, стимулирующих создание качественного образовательного контента, оптимизацию учебного процесса (механизмы материальной мотивации преподавателей) и совершенствование институциональных форм, регламентирующих данную сферу.

3. Рынок труда подвергся радикальным изменениям. Помимо возросшего спроса на сервисы удаленной работы все большее количество населения, опасаясь подрыва финансового благополучия, стало пробовать свои силы на онлайн-платформах занятости, как в национальном, так и в международном масштабе [12; 13]. Произошли сдвиги в структуре спроса и предложения на рабочую силу, изменения в традиционных укладах производственной деятельности и моделях труда [12]. Трансформация рынка труда и угрозы неопределенности создали предпосылки для роста конкурентоспособности специалистов, снятия их внутренних ограничений при выходе на новые рынки, расширения возможностей населения в части реализации их талантов и предпринимательских инициатив [28]. Столкновение с внешними вызовами подтолкнуло граждан страны к поиску новых траекторий профессиональной реализации и получения дополнительного дохода, их закреплению на рынке труда в новом статусе и достижению большей свободы, что не может не отразиться на повышении качественных характеристик жизни в ближайшей перспективе. От государства в данном плане требуется реализация программ поддержки самозанятых, предприятий малого бизнеса, внедрение программ повышения финансовой и цифровой грамотности, расширение сфер грантовой поддержки и совершенствование бюджетно-налогового и финансово-кредитного регулирования для создания благоприятных условий реализации предпринимательских усилий населения.

4. Пандемия ускорила процессы цифрового развития, а вместе с ними увеличила масштабы рынка электронной торговли [29]. Бизнес-структуры стали больше доверять новым технологиям, что ускорило их цифровую трансформацию и помогло завершить реорганизацию бизнеса, модифицировать онлайн-взаимодействие с клиентами. Пандемия расширила диапазон применяемых инструментов продвижения на цифровых платформах и открыла новые перспективы роста для предпринимательства [30]. Например, объем рынка электронной торговли в 2020 г. вырос на 58,5 % в сравнении с аналогичным показателем 2019 г.¹⁴ В свою очередь, укрепление предпринимательского сектора приводит к стабилизации социально-экономической ситуации в стране, что способствует повышению

¹² Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий. Edmarket. URL: <https://edumarket.digital/#what> (дата обращения: 06.03.2024).

¹³ Рейтинг стран мира по индексу уровня образования. United Nations. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (дата обращения: 06.03.2024).

¹⁴ E-commerce в России 2020. АКИТ. 18.02.2021. URL: <https://akit.ru/news/e-commerce-v-rossii-2020> (дата обращения: 06.03.2024).

уровня и качества жизни населения. В компетенцию государства в данном аспекте должны войти реализация мер институционального регулирования онлайн-торговли и обеспечения кибербезопасности участников онлайн-транзакций, повышение цифровой грамотности населения и подготовки специалистов, обеспечивающих бесперебойную работу цифровых платформ онлайн-торговли. Кроме того, цифровизация государственных услуг и перевод в онлайн-формат большинства государственных сервисов во многом упростили процедуры и сократили время получения услуг, что является шагом к созданию благоприятной среды развития бизнеса в России.

Таким образом, расширение возможностей индивидов, выходящих за рамки достижений в области благосостояния и включающих в себя свободу действий и инициативность, будет способствовать повышению качества жизни населения. Готовность общественной системы к использованию создавшихся предпосылок в значительной мере определяется ее адаптивностью к изменениям и гибкостью механизмов государственного управления.

Заключение

Проведенный анализ изменений параметров уровня и качества жизни населения, произошедших в период неопределенности, вызванной пандемией, позволил сделать вывод, что, во-первых, пандемия оставила сильный негативный след на социально-экономической жизни общества. В России наблюдалось сокращение ключевых показателей уровня жизни населения (включая снижение ВВП, доходов и расходов на душу населения, дестабилизацию рынка труда и снижение занятости), что повлекло за собой снижение качества жизни россиян. Во-вторых, проведенный сравнительный анализ пандемических тенденций в России и других странах (Японии, США и Великобритании) показал, что существует разрыв параметров уровня и качества жизни. Однако влияние пандемии на уровень и качество жизни населения заметно во всех исследуемых странах. Некоторые из них (в частности, Япония) оказались наиболее устойчивыми к воздействию пандемии,

другие (США и Великобритания) имеют во многом схожую динамику реагирования на ее вызовы. В-третьих, в период коронавирусной инфекции были созданы предпосылки для расширения возможностей повышения уровня и качества жизни населения России, но готовность общественной системы к использованию создавшихся стимулов в значительной мере будет определяться ее адаптивностью к изменениям и гибкостью механизмов государственного управления. В-четвертых, выделены ключевые сдвиги, спровоцированные неопределенностью в период пандемии, способные в перспективе оказать существенное влияние на повышение уровня и качества жизни населения России, и предложен комплекс мер государственной политики, который содействует их реализации.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. В. Плюснина – разработка методики исследования, определение целей и задач, обоснование методов исследования, формулирование результатов. Л. М. Бутова – формирование информационной базы исследования, подбор статистических данных, обработка данных. Е. В. Конищев – анализ данных, выявление закономерностей, графическое отражение полученных результатов. Е. О. Плеханова – представление результатов, выводов, рекомендаций.

Contribution: O. V. Plyusnina developed the research methodology, set up of goals and objectives, designed the research methods, and formulated of conclusions. L. M. Butova compiled the information base, as well as selected and processed statistical data. E. V. Konishchev analyzed the data, identified the patterns, and provided the graphical representation of the results obtained. E. O. Plekhanova is responsible for the results, conclusions, and recommendations.

Литература / References

- Капустин Е. И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука, 2006. 323 с. [Kapustin E. I. *Standards, quality, and style of life in Russia*. Moscow: Nauka, 2006, 323. (In Russ.)]
- Бобков В. Н., Гулюгина А. А. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России. *Уровень жизни населения регионов России*. 2012. № 4. С 5–51. [Bobkov V. N., Guliugina A. A. Monitoring of incomes and living standards in Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2012, (4): 5–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxnyfz>

3. Бобков В. Н., Одинцова Е. В. Низкие уровень и качество жизни экономически активного населения: критерии идентификации и оценка распространенности. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 5. С. 168–181. [Bobkov V. N., Odintsova E. V. Low level and quality of life among economically active population: Identification criteria and assessment of occurrence. *Economic and social changes: Facts, trends, forecast*, 2020, 13(5): 168–181. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.10>
4. Субетто А. И. Теория качества жизни. СПб.: Астерион, 2017. 278 с. [Subetto A. I. *Theory of quality of life*. St. Petersburg: Asterion, 2017, 278. (In Russ.)]
5. Тодоров А. С. Качество жизни: критический анализ буржуазных концепций. М.: Прогресс, 1980. 224 с. [Todorov A. S. *Quality of life: A critical analysis of bourgeois concepts*. Moscow: Progress, 1980, 224. (In Russ.)]
6. Поздеева О. Г. Проблемы изменения качества жизни населения в меняющемся мире. *Вестник экономики, права и социологии*. 2023. № 2. С. 69–72. [Pozdeeva O. G. Problems of changing the quality of life of the population in a changing world. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2023, (2): 69–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvngen>
7. Щеглова А. А., Брюханов Д. В. Сравнительный анализ показателей индекса человеческого развития в России, регионах и странах СНГ. *Журнал прикладных исследований*. 2022. Т. 1. № 7. С. 18–25. [Shcheglova A. A., Brukhanov D. V. Comparative analysis of indicators of the human development index in Russia, regions and CIS countries. *Journal of Applied Research*, 2022, 1(7): 18–25. (In Russ.)] https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_7_1_18
8. Федотов А. А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть первая). *Народонаселение*. 2021. Т. 24. № 2. С. 53–65. [Fedotov A. A. Quality of life and human potential in the concepts of sustainable and human development (part 1). *Population*, 2021, 24 (2): 53–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.5>
9. Karpunina E. K., Okunkova E. A., Molchan A. S., Belova E. O., Kuznetsova O. A. Management of personnel professional development as a condition of digital transformation of the organisation. *International Journal of Learning and Change*, 2023, 15(4): 365–387. <https://doi.org/10.1504/IJLC.2023.132135>
10. Kuzmenko N. I., Lapushinskaya G. K., Lisova E. V., Tleptserukov M. A., Karpunina E. K. Russian regions: Assessment of factors of growth in the living standard and well-being of the population. *Geo-economy of the future. Sustainable agriculture and alternative energy*, 2022, 619–639. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_66
11. Лякин А. Н. Три кризиса по одному сценарию. *Вестник СПбУ. Экономика*. 2018. Т. 34. № 1. С. 4–25. [Lyakin A. N. Three crises in the Russian economy and one chain of events. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2018, 34(1): 4–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.101>
12. Karpunina E. K., Pilipchuk N. V., Mirzabalaeva F. I., Alieva P. R., Zubareva N. N. Measuring the activity of the population of Russian regions in the global online labour market. *International journal of human resources development and management*, 2023, 23(3): 250–267. <https://doi.org/10.1504/ijhrdm.2023.136388>
13. Карпунина Е. К., Моисеев С. С., Карпунин К. Д. Трансформация рынка труда в период пандемии: новые риски экономической безопасности. *Друкеровский вестник*. 2022. № 1. С. 156–165. [Karpunina E. K., Moiseev S. S., Karpunin K. D. Transformation of the labor market during the pandemic: New economic security risks. *Drukerovskii vestnik*, 2022, (1): 156–165. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gbhure>
14. Nazarova I. G., Galieva G. F., Sazanova E. V., Chernenko E. M., Karpunina E. K. Labor market and employment problems: Analysis of long-term dynamics and prospects of development in Russian regions. *New behaviors of market players in the digital economy: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 8 Jul 2021*. Switzerland: Springer Nature Switzerland, 2021, 711–722. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_77
15. Bayanduryan G. L., Kleymenova Y. A., Karpunina E. K., Pilipchuk N. V. Industrial and trade policy in agricultural engineering: Russian specifics and problems of harmonization. *Ikonomicheski Izsledvania*, 2021, 30(8): 114–132. <https://elibrary.ru/gjnnjy>
16. Королюк Е. В., Пилипчук Н. В., Плясова С. В., Шевцов Н. А. Трансформация рынка труда в условиях неопределенности: новые формы, факторы и перспективы. *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2023. Т. 21. № 4. С. 15–25. [Korolyuk E. V., Pilipchuk N. V., Plyasova S. V., Shevtsov N. A. Transformation of the labor market in conditions of uncertainty: New forms, factors and prospects. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, 21(4): 15–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/psopys>
17. Gukasyan Z. O., Tavbulatova Z. K., Aksenova Z. A., Gasanova N. M., Karpunina E. K. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the COVID-19 pandemic. *Business 4.0 as a subject of the digital economy*, 2022, 639–645. https://doi.org/10.1007/978-3-030-90324-4_102

18. Korolyuk E., Rustamova I., Kuzmenko N., Khashir B., Karpunina E. Diagnostics of regional economic security problems during the 2020 crisis. *Innovation management and information technology impact on Global Economy in the Era of Pandemic*: Proc. 37th Intern. IBIMA Conf., Cordoba, 30–31 May 2021. Cordoba: IBIMA Publishing, 2021, 5248–5257. <https://elibrary.ru/zqkoip>
19. Karpunina E. K., Ruzhanskaya N. V., Podorova-Anikina O. N., Zubareva N. N., Luchaninov R. S. Transformation of consumer behavior during the COVID-19 pandemic. *Geo-economy of the future. Sustainable agriculture and alternative energy*, 2022, 85–96. <https://elibrary.ru/zcgaga>
20. Засимова Л. С., Хусаинова А. Г. Медицинские и экономические факторы расходов населения на лекарственные средства и биологически активные добавки во время пандемии COVID-19. *Социальные аспекты здоровья населения*. 2022. Т. 68. № 6. [Zasimova L., Khusainova A. Medical and economic factors of household spending on medicines and dietary supplements during the COVID-19 pandemic. *Social aspects of Population Health*, 2022, 68(6). (In Russ.)] <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-6-3>
21. Карпунина Е. К., Губернаторова Н. Н., Соболевская Т. Г. Эффекты пандемии COVID-19: новые паттерны потребительского поведения. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2022. № 1. С. 63–76. [Karpunina E. K., Gubernatorova N. N., Sobolevskaya T. G. Effects of the COVID-19 pandemic: New patterns of consumer behavior. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 2022, (1): 63–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iyhzbo>
22. Гохберг Л. М., Озерова О. К., Саутина Е. В., Шугаль Н. Б. Образование в цифрах: 2020. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 120 с. [Gokhberg L. M., Ozerova O. K., Sautina E. V., Shugal N. B. *Education in numbers: 2020*. Moscow: HSE University, 2020, 120. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2306-3>
23. Осанова М. В., Одинцова О. В. Развитие онлайн-образования в России. *Образование и право*. 2022. № 5. С. 196–201. [Osanova M.V., Odintsova O. V. Development of online education in Russia. *Obrazovanie i pravo*, 2022, (5): 196–201. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-5-196-201>
24. Karpunina E.K., Arutyunova A.E., Sazanova E.V., Maksaev A.A., Galieva, G.F Digitalisation determinants and digital dividends of the higher education system (on the example of Russia). *International Journal of Education Economics and Development*, 2022, 13(4): 392–409. <https://doi.org/10.1504/ijeed.2022.125333>
25. Maksaev A. E., Surakatov N. S., Sobolevskaya T. G., Lebedeva S. L., Karpunina E. K. Online education in developing countries: A comparative analysis of the development of the sector in Russia, China and Brazil. *36th Intern. IBIMA Conf.*: Proc. 36th Intern. IBIMA Conf., Granada, 4–5 Nov 2020. Granada: IBIMA, 2020, 2266–2276. <https://www.elibrary.ru/tonpaz>
26. Pilipchuk N. V., Strelnikova T. D., Batova O. V., Subkhonberdiev A. Sh., Lyalyuk A. V. Transformation of the higher education services market: Comparative analysis by OECD countries. *Innovative trends in international business and sustainable management*, 2023, 321–332. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4005-7_36
27. Kosorukova I., Voronov A., Mirgorod E., Lupacheva S., Trubetskaya O. BRICS countries in a period of uncertainty and turbulence: Opportunities for the formation of a new configuration of the global economy. *Ikonomicheski Izsledvania*, 2023, 32(7): 51–76.
28. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Иванова Т. В., Чащина Т. В. Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность. *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18. № 4. С. 502–520. [Bobkov V. N., Odintsova E. V., Ivanova T. V., Chashchina T. V. Significant indicators of precarious employment and their priority. *Living standard of the population in the regions of Russia*, 2022, 18(4): 502–520 (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7>
29. Podorova-Anikina O. N., Karpunina E. K., Gukasyan Z. O., Nazarchuk N. P., Perekatieva T. A. E-commerce market: Intensification of development during the pandemic. *New behaviors of market players in the digital economy*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 8 Jul 2021. Switzerland: Springer Nature Switzerland, 2022, 363–373. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_40
30. Гончарук И. В. Обзор исследований о влиянии пандемии COVID-19 на развитие мировой и российской электронной торговли. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2021. № 1. С. 66–82. [Goncharuk I. V. Review of research on the impact of the COVID-19 pandemic on the development of global and Russian e-commerce. *Tamozhennaia politika Rossii na Dalnem Vostoke*, 2021, (1): 66–82. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wsvscu>

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Над выпуском работали:

Литературные редакторы – Максимлюк Ирина Алексеевна,
Молокова Ксения Игоревна, Старикова Людмила Семеновна,
Федькина Анна Петровна.
Литературные редакторы (английский язык) –
Максимлюк Ирина Алексеевна, Рабкина Надежда Владимировна.
Корректоры – Молокова Ксения Игоревна,
Старикова Людмила Семеновна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editors – Irina A. Maksimlyuk, Ksenia I. Molokova,
Lyudmila S. Starikova, Anna P. Fedkina.
Literary editors (Eng.) – Irina A. Maksimlyuk, Nadezhda V. Rabkina.
Proof-readers – Ksenia I. Molokova, Lyudmila S. Starikova.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Контакты для сотрудничества:

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), morea@inbox.ru
Молокова Ксения Игоревна, ответственный секретарь, КемГУ
(Кемерово, Россия),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), morea@inbox.ru
Ksenia I. Molokova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Подписано к печати 10.07.2024.

Дата выхода в свет 08.08.2024.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 18,4. Уч.-изд. л. – 16.

Тираж 500 экз. Заказ ____

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-pses.kemsu.ru

